

ЖИТИЕ СВ. ПАСХАЛИЯ БАЙЛОНА

Хуан Хименес

Пер. с лат. Pasqualis Baylon, Ordinis Minorum Discalceatorum, Villæ-Regiæ in Regno Valentino (B.), Vita ex Hispanico Fr. Joannis Ximenez // AASS Maii T. IV, p. 49-89

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА I. РОЖДЕНИЕ СВЯТОГО И ПАСТУШЬЯ ЖИЗНЬ ЕГО ДО ВСТУПЛЕНИЯ В ОРДЕН

[1] Брат Пасхалий Байлон, инок ордена св. отца нашего Франциска, член провинции босых миноритов св. Иоанна Крестителя Босого, родился в деревне Торреэрмоса, относящейся к цистерцианскому монастырю Матери Божией Царского Сада (ныне существующий Santa María la Real de Huerta в г. Санта-Мария-де-Уэрта. – прим. пер.) епархии Сигуэнсы. Таким образом, хотя сама деревня находится в королевстве Арагонском, в духовных делах она подчинена епископству, расположенному в королевстве Кастильском; благодаря чему – явно содействием Господним – Пасхалий стал общим священным достоянием обоих королевств.

Родился он в 1540 году, когда Апостольский престол занимал Павел III, а Испанией правил император Карл V. Родителями Пасхалия были почтенные жители вышеназванной деревни, зарабатывавшие на жизнь земледелием и пастьбой скота. Имя отца было Мартин Байлон, мать звали Исабель Хубера, и хотя ни к какому славному роду они не принадлежали, души их были прославлены пред Богом и ангелами ради искреннего христианского благочестия и подлинной доблести – добродетели. Впрочем, в роду Пасхалия, пускай и незнатном, не было иудеев, мавров и еретиков, ведь родителями отца его были Мартин Байлон и Люсия Сантандер, а дедом и бабкой по матери являлись Фердинанд Хубера и Мария Херис – все из упомянутой деревни Торреэрмоса.

[2] Неудивительно, что у таких родителей и прародителей появился столь достойный сын и внук! Кстати, Пасхалием его нарекли, видимо, потому что он родился в пасхальный день (в Пятидесятницу, которую в Испании называли «Пасхой Св. Духа». – прим. пер.). И вот уже прямо детстве у начали проявляться признаки будущего дарования, ибо хотя родители поставили его, как бы нового Давида, пасти стада, он не смирился с тем, что путь к изучению наук для него закрыт. И носил он всюду с собою книгу в сумке, прося наставлений то того, то и другого, и потом в уединении размышлял сам с собою над тем, чему научился, и отчасти благодаря собственному усердию, отчасти при помощи особой благодати Божией, приобрёл кое-какие навыки чтения и письма, как раз в той мере, чтобы услаждаться чтением священных книг и творить службу Часов Пресвятой Деве. Сей часословец он постоянно держал при себе, и чрезвычайно часто видели, как он в него вчитывался, ради чего удалялся от общества прочих пастухов, каковое столь мало тешило его, что он, как правило, выходил за общую ограду и разводил себе костёр в уединённом месте, где мог бы без свидетелей внимать Богу и себе.

И казался он товарищам своим подобием ангела в обращении и нравах, ибо с тем же запалом, с каким другие в этом возрасте увлекаются забавами и играми, он как бы по некоей природной склонности упражнялся в добродетели и святости, во всём проявляя статность как бы старческую, более того, монашеское самообладание, при том что лишь Бог учил и наставлял его в этом.

[3] Достойно удивления и то, что, хотя он никогда не видел «босых миноритов», тем не менее с детства предпочитал босоное житьё, отказавшись не только от любви к миру (в чём и состоит истинный смысл иночества), но и от обычной обуви, без

которой (как иногда примечали) ходил вслед за стадом через тернистые заросли и колючки, взбирался на горы и спускался по их каменистым склонам, ничуть не страшась ухабистых путей. Любые тяготы он принимал охотно из любви к Тому, Кто для спасения рода человеческого провёл всю Свою жизнь среди испытаний и трудов, искренне смиряясь с ними и даже горячо их желая, ведь таковы были Его слова: «Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, доколе сие не совершится!» (ср. Лк. 12:50).

И вот, наш Пасхалий среди овец на полях совмещал житие пастуха и подвижника, человека и ангела, служа некоему хозяину, которого звали Мартином Гарсиа. Тот настолько прикипел к нему сердцем, что, заведя как-то с ним беседу, сказал ему: «Слушай-ка, хватит тебе быть при стаде, поезжай со мною в город! Поселишься у меня, и, поскольку я бездетен, станешь мне сыном и наследником всего имени моего». Всякий с охотой принял бы условия, в которых не судьба было родиться, но которые предложила благосклонность чужого человека: богатого отца, дом – полная чаша, изысканные удовольствия, обильное состояние – всё, что обычно так ценится миром. Но его уже, очевидно, вымолил у Бога в сыны себе св. Франциск, замыслив как раз в то время насадить в Испании босоножество наше и предвидя, что он как нельзя лучше подходит для этой задачи – поэтому-то любовь к святой бедности так прочно засела в его сердце, что он никоим образом не мог избавиться от неё.

Итак, святой мальчик ответил своему хозяину, что, конечно, весьма благодарен ему за благосклонность, оказанную ему без каких-либо с его стороны заслуг, однако не может принять сего предложения, поскольку постановил служить Богу в нищете и так далёк от стремлений к собственности и богатству, что предпочёл бы, приняв образ иноческий, добровольно лишиться себя всякой возможности когда-либо иметь их; да и прямо теперь, мол, готов уйти в монахи.

[4] Кроме того, пастухи под присягой сообщают, что в то время они однажды собрались вместе, чтобы поиграть, и, едва они пригласили Пасхалия составить им компанию, он тут же подхватился и поспешил прочь вместе со своим стадом, не желая ни минутки находиться между ними, ибо, будучи немногословен, он с трудом переносил болтовню остальных.

Слышали они также, как иногда, выпасая коз, он говорил, что предпочёл бы этим не заниматься, потому что они щиплют чужие посевы и тем подвергают опасности его душу – столь чуткую совесть к тому времени уже развил в нём святой страх Божий. Явление, конечно, в таком возрасте удивительное, ведь все свидетели говорят, что, когда он прибыл из родной деревни, ему было не больше семнадцати-восемнадцати лет.

Причём один из них, по имени Хуан Кампос, уроженец Торреэрмосы, добавляет, что, когда они с Пасхалием, присматривая за стадами, в течение целых двух лет жили вместе в кастильском селении Монтуэнга, находящемся в одной лиге от Торреэрмосы, он наблюдал в святом отроке множество добродетелей и великое благонравие: никогда слышал, чтобы тот ругался, как это иногда делают другие пастухи, но всегда восхвалял Бога своего, святых и особенно пресвятую Матерь Божию Марию. Если же случалось, что болела скотинка какая-нибудь или помирала, он говорил своему товарищу, выражавшему [в резких словах] душевную тревогу:

«Молчи, братец; что ж поделаешь?! Да спасёт нас Владычица наша!» Когда же приключалось какая-нибудь другая неудача или неприятность из множества тех, коим подвержена пастушья жизнь, он молвил: «Спаси меня, Боже, а вдруг это милость Господа нашего? Восхваляю Его за всё и благодарю изо всех сил!»

[5] Так он жил и совершенствовался, пока не насмотрелся на то, как начальник над пастухами, под чьим надзором он трудился, ежедневно затевает ссоры то с владельцами полей, то с самими пастухами, и сказал одному своему другу, который впоследствии подтвердил это под присягой: «Что-то, братец, нехорошей мне кажется пастушья работа – ежедневные свары приносит. Пойду-ка я лучше в монахи!». На что ему тот: «Если уж ты решил отречься от мира, почему бы не податься тебе к Богородице Садовой? Ведь тот монастырь – самый состоятельный в твоём краю». Но Пасхалий возразил: «Не лежит душа, да и, похоже, не сообразно это моему предназначению (genio)», – что значило: никакие богатства он не предпочёл бы нищете евангельской. И занимаемый таковой мыслью, он в непрестанных молитвах просил Бога просветить ум его и показать, в каком чине его служение будет богоугоднее.

Вдобавок к Богородичным Часам и розарию (чётки он сделал себе из верёвочки, навязав узлов вместо бусин) он стал подолгу читать на коленях другие молитвы, приходя к некоей часовне под названием Санта-Мария-де-ла-Сьерра – и пастуший начальник упоминал, что каждое утро примечал это.

И вот, когда твердил он просьбу свою в безлюдных оных полях, явились ему некий монах и монахиня некая и изъяснили ему, как угоден Богу иноческий подвиг, о чём Пасхалий сам поведал одному своему другу, человеку благонравному и искреннему, а потому особенно дорогому ему. Подтвердив сие торжественной присягой, он прибавил, что, по словам Пасхалия, явился ему и другой монах, который внушал ему то же самое. «И поэтому, – молвил Пасхалий, – я не хочу ни имущества, ни денег никаких, но предпочёл бы оставить все, чтобы служить Богу в иночестве».

Тот [друг его на процессе канонизации] сообщил: «Примерно через пятнадцать дней мы вернулись с нашими стадами на равнины, и я увидел, что под пастушьей накидкой он был одет в монашескую рясу. И сказал он мне: «Прощай, брат; я иду служить Богу!» И на том мы расстались.

[6] А чтобы избавить этого друга от сомнений в том, что видение (в котором Пасхалию по всей вероятности явились св. Франциск и св. Клара, а затем какой-то другой святой нашего ордена) не вымышлено, да и чтобы всем дальнейшим словам Пасхалия он твёрдо верил, Бог изволил, чтобы Пасхалий совершил перед ним чудо, в точности подобное тому, с помощью которого некогда Моисей, сам такой же пастух, извёл из скалы воду для жаждущего народа.

Так вот, когда он откровенно спросил его: «На что поспорим, дружок, что в том самом месте, которое ты мне укажешь, я этим своим посохом исторгну воду [из земли]?», – тот вдруг (как потом засвидетельствовал) увидел, как у него перед глазами из сухой почвы забила чистейшая вода – там, где её никогда не видали. Когда того друга спросили [на процессе], почему он раньше не сообщал о таких достопамятных событиях, он ответил, что не знал, относятся эти сведения к делу или нет, а потому не отваживался, пока его не связали присягой рассказывать всё,

что знает. [На вопрос же,] когда это происходило [дал ответ, что] Пасхалий был [тогда] юношей лет шестнадцати-семнадцати; а с тех пор он больше его не видел.

Кроме того, осталось неизвестным, кто в этих пустынных местах мог принести ему францисканский хабит, а потому остаётся предположить, что он был ниспослан ему свыше. А заявление первого свидетеля подтвердил другой, из той же деревни, также же под присягой, заявив, что тоже видел Пасхалия в серой рясе, какие носят монахи-францисканцы. Впрочем, зачем второй свидетель? Ведь в деревне так уверены в правдивости первого, что во всё им сказанное каждый верил, как если бы видел своими глазами. И таковым его признали иноки обители в Вильярреаль, когда он – уже почтенный старец, чрезвычайно похожий на древних отцов [пустыни], – пришёл туда навестить могилу своего друга.

[7] Таким образом, в упомянутом нами возрасте Пасхалий, выйдя из земли своей и от родства своего (ср. Быт. 12:1) и направившись туда, куда направил его Бог и св. отец наш Франциск, пришёл в город Монтефорте в королевстве Валенсийском, где находится одна из старейших обителей в этой провинции, называемая в честь Богоматери Леридской, весьма строгая и уединённая (в половине лиги от прихода), в которой он встретил нескольких братьев великого совершенства – истинных подражателей св. Франциска. Там же он обнаружил образ Богородицы, что оказался в том месте чудесным образом (поэтому некоторые люди подозревают, а вдруг та, что явилась Паскалю в монашеском облачении, была не была Клара, а Она сама, пожелавшая принять его в иноки Своей обители, точно так же, как из другого Своего монастыря, Вильярреальского, повела его к венцу славы).

Однако не сразу по прибытии туда он попросил пострига и получил его, но, повинувшись внутреннему действию Духа, много дней скитался по окрестным местам, словно проситель, ходя от святилища к святилищу Возлюбленной своей и, нанявшись между тем пасти стада на всех полях Монтефорте, Альбатерры и Оригелы, стал для всех, с кем имел дело, зеркалом добродетели и честности. Об этом свидетельствуют те, кто находился рядом с ним в то время, и прежде всего тогдашний начальник над пастухами по имени Эстебан Лопес, который видел, сколь свята жизнь этого юноши и как радуется он о молитве, что он постоянно занят чтением розария, листает молитвенник и книги о житиях и деяниях святых, что в занятиях такого рода он проводит добрую часть ночи, зажигая для этого себе свечу в уединении. Наблюдая, кроме того, что всю Четыредесятницу и предписанные постные дни в течение года Пасхалий вкушает лишь хлеб и воду и словами, полными ревности и благочестия, действительно побуждает всех к любви и служению Богу, относился к нему, как к ангелу своему, посланному свыше на утешение в одиночестве и странствии.

[8] «По моим наблюдениям, – говорит этот свидетель, – он всегда так владел собой, что в его делах или словах никогда не проявлялось ничего хоть сколько-нибудь отдалённого от приличий, ни даже праздного слова, не говоря уже о лжи или клятве, ибо в крайнем случае он обычно говорил: «По правде оно так-то» или «Это не так». И ещё говаривал он мне: «Вот, когда я говорю: «по правде», знай, что не совру и не обману». Он также увещевал меня исповедоваться в грехах моих, говоря, что мне надлежит уладить свои дела с Богом и подготовить душу во всякий час встретить смерть. И поэтому, слыша, как он с такой убедительностью вещает о божественном,

я говаривал про себя, а иногда и другим заявлял: «Если этот юноша когда-нибудь станет монахом, славный из него выйдет проповедник!».

Особенно дивило Лопеса, по его собственному утверждению, что, несмотря на свой подверженный пылким страстям юный возраст, Пасхалий хранил совершеннейшее целомудрие, из-за которого не сносил ни малейшего упоминания о чём-либо нечистом. Причём это, по утверждению Лопеса, он лично наблюдал при различных обстоятельствах; а потому однажды полюбопытствовал по-приятельски, не чувствует ли он порой искушений плоти и естественных движений, на что тот ответил ему: «Иногда чувствую, но тут же, схватив какой-нибудь свежий прутик, секу плоть свою до тех пор, пока порожденные ею искушения и движения не пропадут, вытесненные болью».

Он также добавил, что когда однажды некий альбатерранец пригласил его и Пахалия к себе в овчарню и спросил, не хотят ли, чтобы он привёл им бабёнку, чтобы скоротать ночь, целомудреннейший юноша, словно пораженный тяжелым ударом, вспыхнул от гнева: «Только попробуй, – молвил он, – я тогда тебя вместе с ней забросаю камнями!» Ведь всякий раз, когда он слышал хоть имя женское, мрачнел, что показывало, как тяжело для него любое упоминание о противоположном поле.

[9] Итак, скитаясь, как я говорил, по окружающим обитель горам, он часто подводил стадо к ограде монастырской, чтобы навестить дорогой ему храм, дабы приступить в нём к таинствам исповеди и причастия, и исполнял сие с глубоким благоговением, столь явно заметным извне, что все сотоварищи его приходили в изумление.

А был там в ту пору о. Иосиф де Карденете, величайшего благочестия муж и один из первых босоногих миноритов в этом краю, который, прожив много лет в этом уставе сначала в подчинении, затем в начальственной должности, проявив много достохвального смирения и непоколебимого терпения среди многих великих невзгод, оканчивал свой земной путь в монастыре Айора (где как раз и я в то время находился) к великому назиданию всех иноков. Ведь, терпеливейше претерпев последнюю болезнь, он накануне праздника св. отца нашего Франциска укрепился, как принято, таинствами Церкви, а когда почувствовал приход смерти, ничуть не опечалился и не встревожился духом; более того, с выражением глаз и лица, свидетельствующим об искренней радости, он стал благодарить Бога за то, что Он выводит его из этой темницы к Царству Небесному. И как бы кто, услышавший о разрешении вернуться из изгнания на родину, он запел псалом СХХI: «Возрадовался я, когда сказали мне: «пойдем в дом Господень»...» (Пс. 121:1), а затем попросил брата-инfirmария подхватить второй стих; и так они поочерёдно допели псалом, после чего о. Иосиф, обняв крест, испустил дух утром прямо в день памяти св. отца Франциска. Вид останков его был так прекрасен, что все удивлялись. И вот, того инока, что обитал тогда в этой обители, гвардиан послал попросить у Пасхалия немного молока, а когда, вернувшись от него, инок стал расхваливать его несравненную любовь к ближним и пылкое благочестие, подал голос о. Антоний Сегура, его духовник, молвив: «Да будет тебе ведомо, что на исповеди я не решаюсь наложить на него епитимью больше, чем один Отче наш и Радуйся, ибо ему достаточно чуть-чуть почитать молитв, чтобы тут же впасть в экстаз».

[10] Ещё этот добрый пастух имел обыкновение носить с собой серп в пору жатвы и время от времени помогал жнецам в уборке урожая, причём безвозмездно. [Делал он это] не только из побуждений любви к ближнему, но и ради справедливости, если его стадо случайно причиняло какой-либо ущерб их посевам, хотя он с чрезвычайным вниманием старался это предотвратить, и поэтому никогда не слышали, чтобы кто-нибудь жаловался на него – наоборот, предпочитали, чтобы рядом со их полями обитал именно он, святость кого была им ведома. А если вдруг что-то вопреки его желанию случалось, он по собственному почину приходил к хозяину двора, описывал ущерб и обещал заплатить из своего скудного жалованья. А когда в ответ на такого рода предложение какой-нибудь [хозяин], поражаясь необычайной его добродетели, выказывал готовность простить что угодно, (ведь другой [на месте святого] попытался бы отпираться, даже будучи пойман с поличным, не говоря уже о том, чтобы самочинно признаться), Пасхалий с горячностью упрасивал его взять то, что ему принадлежит. И невозможно было заставить его присвоить чужое имущество, ведь ради любви Христовой он готов отказаться даже от всего своего.

Наконец, подготовленный столь многими добродетелями, с каждым днём возрастая в томлении о Кресте и полной нищете [в единении] с Распятым, он решился отставить стада и просить иноческого пострига – не в священники, причём, хотя он умел читать и писать, а в светские братья, чтобы подметать сор в доме Божиим. А поскольку братия его уже знали, он легко получил просимое.

ГЛАВА II. О ТОМ, КАК, СТАВ ИНОКОМ, ПАСХАЛИЙ ПОДВИЗАЛСЯ ДЕННО И НОЩНО

[11] Освободившись в сем чине от мирских забот, он целиком устремил помыслы свои и чувства, как внутренние, так и внешние, на намеченную им цель и не только обучался аскетическим правилам и обычаям ордена, но и, бросившись в сладостные объятия долгожданной Рахили (т.е. созерцательной жизни в противоположность Лии – деятельной. – прим. пер.), изливал до самой глубины душу свою пред Богом, призывавшим его к высшей вершине совершенства и укреплявшим его упорно держаться подвижнической стези. И он действительно выдержал до торжественных обетов, а затем – аж до самой смерти. Причём [оказался он настолько усерден], что общавшиеся с ним наиболее близко в один голос свидетельствовали, что никогда не видали в нашем францисканском ордене инока столь совершенного во всех родах добродетелей.

Другие сверх того утверждали, что им неведомо, восходил ли где-нибудь иль когда-нибудь иной святой до равной степени святости, ведь Пасхалий по их наблюдениям никогда не совершал грехов – то есть не только смертных, но и простительных; не замечено было даже, чтобы он хоть праздное слово сказал или рассмеялся. Его никогда не заставляли без работы, кроме как когда он молился; никогда не слышали, чтобы он роптал на кого-нибудь или жаловался на что-либо; никогда не обнаруживалось в нём гнева или раздражения, несобранности или отвлечения на посторонние вещи, но вся его жизнь, дела и слова дышали святостью. Поэтому среди братии укреплялось общее убеждение, что после его смерти Господь по его заступничеству сотворит многие чудеса.

Такого мнения о нем придерживались в равной степени и миряне, и монахи; да и я на собственном опыте имел возможность в том удостовериться, что и сделал; и под присягой представил представителям комиссии случай, при котором лично присутствовал.

Пасхалий трудился в Алмансанской обители в должности привратника, и однажды к нему подошли несколько женщин, желавших исповедаться гвардиану. Когда святой доложил ему о том, гвардиан приказал ему сказать, что его нет дома; однако Пасхалий, который в остальном был обычно послушен в каждой мелочи, молвил: «Я скажу, отче, что ты занят и прямо сейчас не можешь к ним выйти». «Ни в коем случае! – возразил гвардиан, – Скажи просто, что меня нет дома!». Пасхалий же, не сдавшись, со смиренным видом, но и с суровостью в голосе молвил: «Прости меня, отче, но я не скажу этого, ибо это было бы ложью и грехом, хоть и мелким!». И с тем возвратился к воротам в полном спокойствии.

[12] Но и в других обстоятельствах он при мне не совершил даже малейшего проступка, хотя я жил вместе с ним в различных обителях и был его спутником в двух долгих путешествиях, при которых легко может приключиться, что человек, оправдываясь трудностями и усталостью, позволит себе что-нибудь, сопряжённое с той или иной провинностью. Наоборот, я видел его таким смиренным, послушным, сдержанным, целомудренным, милосердным, заботливым, благоговейным, строгим к себе, умеренным и при этом кротким, ревностным в соблюдении [обета] бедности и любви к ближнему, полным живой веры, усердным в молитве и исполненным, в конце концов, всякого рода добродетелей, что не смогу даже выделить что-то одно, в чём он преуспел наипаче. Ибо то в его бедности я усматриваю осуществление предельного совершенства, то в другой раз любовь явится перед очами моего ума, блистая, подобно солнцу, и затмевая, как звезды, сияние других добродетелей. Если я обращусь к его смирению, то не смогу достичь его дна, которого нигде нет; если присмотрюсь к строгости покаянного подвига, то вижу, как далеко она заходит, и кажется мне, что, не ограничиваясь никакими рамками человеческого благоразумия, она превосходит всякую надлежащую меру настолько, что, если рассудить, заслуживала бы, скорее, не похвалы, а некоторого укора в чрезмерности. Ну кому бы это не показалось крайностью, когда человек питается лишь хлебом с водою, притом одет в колючую власяницу и препоясан тяжёлой железной цепью на голое тело, да ещё земля ему служит постелью, а чурбак – подушкой; и он не вытягивается а этой «постели», но, будто бы избегая чрезвычайной роскоши, спит исключительно сидя или скорчившись – и обязательно чинит себе какие-нибудь неудобства, ни в каких других нуждах не давая себе поблажки? Как – скажите мне ради бессмертного Бога! – смог вообще выжить человек, суровый к себе до такой крайности?

Если в течение дня он не смыкал глаз, но даже и в самый зной, когда прочие делали перерыв на полуденный сон, работал в огороде под палящим солнцем, причём с непокрытой головой; если не спал после полуночи, выстаивая на молитве до утра, да до того не предавался сну, кроме как от часа девятого до десятого; а потом ещё первый оказывался на утрени в хоре – как, в конце концов, образом, могло получаться, чтобы тело из плоти и крови, подобное моему, держалось на ногах, отдохнув два-три часа в неудобнейшем положении? Твоя то была крепость (ср. 2 Цар. 22:2) и от Тебя получена, о Боже, и ею сверх природного порядка наделённый,

он в одиночку, несмотря на слабость, немощь и крайнее самоограничение, нёс такое бремя, каковое не осмелились бы взвалить на себя даже двое здоровых и сильных иноков; а ведь он при этом ничуть не убавлял своих духовных упражнений.

[13] Последние годы своей жизни он по большей части нёс послушание привратника или трапезничего в обителях в Вилья, Альманса, Валенсии и Вильярреаль; однако всякий раз, когда представлялась возможность, он с величайшей охотой занимался также огородом, лазаретом, обустройством гостей и работой на кухне, ибо там смирение подвергалось наиболее трудным испытаниям.

И к каждому [занятию] он относился с таким усердием и искренней радостью, как будто служил не людям, а ангелам; а глубокая его сердечная радость отражалась на его лице, так что его всегда видели весёлым и с лёгкой улыбкой, точно бы у небожителя; а ликование, наполнявшее его душу и вырывавшееся из уст, он облекал в песнопения и псалмы, которые тихонько напевал, все на свой лад. Я слышал и видел, как он в Альмансе, трудясь в огороде, напевал в ритм ударов кирки, и так же [пел] при такой работе, во время которой даже самые сильные обычно стонут от усталости.

Если же между делом доносился звон колокольчика, он тотчас же бежал к воротам и всякий раз, встречая братьев (ибо он обычно проходил мимо молча, довольствуясь изъявлением почтения к каждому), шептал им что-нибудь благочестивое на ухо; например: «Всё, что от Бога – на благо», или из св. Игнатия: «Любовь моя распята»; и причём таким нежным голосом, что всем внушал некое благоговейное умиление.

И ещё, когда он подходил к двери, то давал малым и великим всё, чего бы они не попросили, с искренней охотой и ясным лицом, да при этом проявлял большую обходительность и учтивость, так что никто не уходил от него без утешения, хотя многие приходили просить салата, капусты и всякой другой зелени с огорода, ведь его несравненное человеколюбие не могло никому ни в чем отказать. При этом братия никогда не наблюдали убыли в овощах.

[14] Случилось однажды, когда он в Альмансе одновременно исполнял обязанности огородника и привратника, что с наступлением темноты прибыл синдик монастыря (у францисканцев мирянин, являвшийся формальным владельцем земли и распорядителем имущества обители. – прим. пер.), а у входа оказалось несколько ребятишек, умолявших дать им порею для больных, которых в то время было много в городе. Святой весьма озадачился, сомневаясь, осталось ли ещё что-нибудь в саду, поскольку [порей] то и дело выпрашивали для нужд хворых, однако пошёл, а за ним двинулся упомянутый синдик. И стоял рядом, когда Пасхалий за какой-то колючей изгородью, пошарив на грядкам по сторонам от тропинок, собрал несколько вялых листьев порея, оставив только луковицы с ростками, и больше ни единого листочка. Поспешив с ними к воротам, он разделил между детьми то небольшое, что у него было.

Вернулся синдик на другой день, причём рано утром, доставив мясо для братьев, и снова застал у ворот других ребят, выпрашивающих того же – ну и, как очевидец, сказал им, что порея в огороде совсем не осталось. Итак, когда Пасхалий отворил ворота, синдик последовал за ним в огород – и увидел, что луковицы, которые вчера вечером на его глазах были ощипаны и остались совершенно голыми, обильно и

ярко зеленеют. Он замер в изумлённом оцепенении, а святой тем временем молвил: «Ты ж погляди, как милостив Бог! За одну ночь изволил взрастить столько порею на утешение болящих, которым он нужен!» «А я думаю, – ответил синдик, – что это ты этой ночью молился, дабы Бог заставил их вырасти так стремительно». Святой промолчал и только улыбкой подтвердил предположение синдика. Тот почел событие великим чудом и рассказал об этом многим, как инокам, так и мирянам, а наряду с ними и мне, дающему о том свидетельство под присягой.

Если того, о чём просили, в огороде не было, он всё равно никому не позволял уйти с пустыми руками, а давал взамен что-нибудь другое – да хотя бы кустик цветочный. Другим, нуждающимся в утешениях иного рода, терзаемым какими-либо недугами душевными или телесными, он с величайшей готовностью помогал как только мог – и с такой нежностью, что, казалось, чувствовал чужие мучения, как свои. Когда двое иноков случайно встретили его после свершения милосердного поступка, он не успел (хотя при таких обстоятельствах избегал человеческих взглядов) скрыть слёзы, текшие по его щекам. Обратив на это внимание, они сказали друг другу: «Наверняка здесь был кто-то, кто описал бр. Пасхалию свои горести».

[15] Зная, что праздность – пагуба для души, он был врагом её, и, выстаивая с полуночи до утра в хоре (а после утрени он ложился вздремнуть крайне редко), он встречал зарю, предаваясь молитве. Затем по удару колокола он спускался в церковь и с великим благоговением посещал алтари, стяжая отпущения за обход стаций [Крестного пути], даруемых по «крестовопоходной булле» (Bulla cruciata изначально предоставляла индульгенции участникам Реконкисты; позднее – всем, кто внёс вклад в восстановление христианства на отвоёванных у мавров землях (ремонт и строительство церквей и т.п.); в итоге с Нового времени стала распространяться на тех, кто совершает паломничества в указанные храмы и отчитывает определённые молитвы. – прим. пер.). Затем, отперев церковь, он будил братию, каждому трижды стуча в дверь и произнося: «Да славится сладчайшее имя благого Иисуса! На час первый, братия! Пора вам прославить Бога и Его Пресвятую Матерь»

Потом он прислуживал при первой литургии и, не довольствуясь одною, прислуживал и при других, сколько получалось, или слушал хотя бы какую-то часть каждой как бы украдкой, бегая туда-сюда от ворот, куда его то и дело звали, к церкви. При этом он никогда не отказывал прислуживать никому [из священников] и присутствовал [у алтаря] хотя бы в начале [богослужения], пока его не вызывали обратно [к воротам].

Затем он накрывал в трапезной и клал хлеб в корзину, а когда и это было сделано, падал на колени перед образом, находящимся там, и со сложенными, поднятыми к лицу ладонями, молился – сколько по времени требуется, чтобы дважды прочесть Апостольский символ. После же чего, встав, тихонько пел несколько песен во славу Богородицы, а между тем с великим проворством, но и ничуть не в ущерб вниманию, раскладывал хлеб по местам, каждому в меру трудов, положения или нужды, выделяя лучшие части начальствующим, проповедникам и больным.

И вот однажды утром, встретив меня в «Де профундис» (прихожая трапезной, где молятся перед едой. – прим. пер.) в монастыре Вильярреаль, где я тогда проповедовал во время Четыредесятницы, он взял меня за руку и завёл в трапезную

со словами: «Иди сюда, у тебя теперь должок перед Господом – да побольше, чем у каждого из нас всех, ведь Он решил попотчевать тебя одним-единственным хлебцем, лучше какого здесь не найти», - и, приподняв салфетку, накинутую на мою порцию, он открыл белейший хлеб, который я съел с величайшим удовольствием, ни о чём в тот миг не задумавшись. Это потом, собравшись с мыслями, я стал недоумевать, откуда он взял этот хлеб, ведь я никогда не подобного не видал в окрестностях ни прежде, ни потом. И пожалел, что не сохранил от него ни кусочка.

[16] Когда, страдая плевритом, он слёг в постель и готовился к смерти (о какой получил откровение), спросил его гвардиан, кому он велит передать ключи от трапезной. Он же, назвав некоего брата Антония Альвареса, священника, стал подробно наставлять его, говоря: «Вот, брат Антоний, это ключ от трапезной, а этот – от одного ларя в пристройке, куда я кладу лучший хлеб для больных или тех, кто по иной причине в нём нуждается. И когда ваше преподобие отправится в деревню, остальные ключи можно оставить здесь, но не этот, ибо я всегда находил там некоторый запас самого вкусного хлеба для тех, кто больше того заслуживает и больше трудится. Для них же всегда и вино отставляй лучшее».

Ну а поскольку себя он считал самым недостойным из всех, то и хлеб для себя оставлял более тёмный и чёрствый, причём куски, что помельче; подобно и накидку себе подбирал более потёртую, чашку убогую и нож надломленный, а из фруктов – менее спелые или полугнилые, и отбросы винограда и остатки редьки, которые накануне были выброшены в урну и предназначались для навоза.

Кроме того, объясняя послушникам, как накрывать в трапезной, он учил их всегда вкладывать какой-нибудь таинственный смысл в число; например, если в наличии мало слив, то выдавать каждому по три в честь Пресвятой Троицы; если несколько больше, то по пяти в память о пяти ранах Господа или по семи в знак мольбы о стольких же дарах Святого Духа.

[17] Однажды он уединился в трапезной Валенсийской обители, а проходивший мимо инок, увидев, что задняя дверь открыта в неурочный час, вошёл ею в пристройку, через которую проник в огород и, подойдя к трапезной, обнаружил, что перед образом Марии, водружённым над главным входом в трапезную, пляшет Пасхалий – так и скачет взад да вперед с великим ликованием! Не желая мешать ему, инок вернулся в пристройку и, переждав минутку, шумно завозился и отчётливо выкрикнул: «Слава Господу нашему Иисусу Христу!», и когда Пасхалий ответил: «Слава вовеки!», как бы в первый раз подошел к нему – и увидел лицо его, которое так пламенело, что пришедшего охватило изрядное благоговение. И сказал ему святой: «Если тебе что-нибудь нужно здесь, брате, бери, что хочешь!»

Кроме того, он имел обыкновение зазывать на лёгкий завтрак или полдник тех иноков, которые, по его мнению, нуждались в этом, и если примечал, что они робеют, оставлял для них открытой пристройку к трапезной, а сам поспешал к воротам, словно бы у него там были дела, ну а затем, когда, по его расчётам, они должны были уже подкрепиться, возвращался запереть её.

Вот так, насколько он был суров к себе, настолько ко всем другим ласков и мягок.

[18] То время, что у него изредка оставалось, он проводил, читая святыя книги, выписывая при этом из них мысли, что показались ему наиболее отвечающими его собственному духовному опыту; или подновляя одежды свои и старые сандалии братьев, которые по починке возвращал им.

После обеда он немедленно бежал обратно [на кухню], чтобы приготовить котёл для раздачи у ворот [еды] нищим. Их он прежде всего просил преклонить колени и повторить за ним обычные благодарения Богу, а после трапезы снова становился вместе с ними на колени и благодарил Бога. Причём он так был поглощён сим милоститворением, что не замечал, как за ним наблюдают другие монахи, в чём я сам часто убеждался: долго мелькал у него перед глазами, прежде чем он останавливал на мне взгляд.

Когда же гвардиан обители Вильярреаль сказал ему: «Остерегайся, брате; ведь какие-нибудь ребята, нахально получив от тебя что им требуется, смогут праздно бродяжничать и не захотят работать», он ответил: «Брате, я подаю милостыню ради Бога; откуда мне знать, вдруг тот, кого я отвергну, окажется самым Христом?» Однако, как бы ни был Пасхалий, так сказать, расточителен, был он при этом и разборчив, приберегая лучшее вещи для нищих студентов, поскольку заняты они были делом более достойным, а также для болящих и стариков, так как они сильнее нуждались. Среди последних был как-то один столетний дед, для которого Пасхалий приберегал свою долю мяса, выделяемую для него в трапезной, и тайком кормил его, пока тот был жив, ухаживая за ним с таким уважением, какое мог бы оказывать своему отцу, и весьма ликовал, думая, что это оставалось незамеченным.

[19] В жаркую пору, как уже говорилось, когда братия, отпев Шестой час, почивали полуденным сном, он в одиночестве полыл огород под лучами палящего солнца, с непокрытой головой. В час пополудни он будил их готовиться к Девятому, при котором (как позднее при вечерне и других службах часов) благоговейно присутствовал.

Затем он занимался своими обязанностями в трапезной или при монастырских вратах, и после того, как он их заканчивал, вряд ли можно было бы найти его где-либо ещё, кроме как в хоре или в церкви, где он пребывал с первого часу ночи и до девятого (т.е. примерно с семи вечера до трёх пополуночи. – прим. пер.), а иногда и дольше, часто подолгу молясь в коленопреклонённом положении с простёртыми ко кресту руками. В других случаях (и это было более для него обычно) он поднимал сложенные ладони над лицом, оставляя локти в воздухе без всякой опоры, сокрушая таким образом плоть. А иногда, простёршись на земле, прижимался к ней устами, пока, получив благословение Св. Тайнами, не испрашивал разрешения подняться.

В конце концов он удалялся в свою келлию, чтобы поспать несколько часов, сколько оставалось до утрени, причём поджимал ноги и, обмотав их ветхим покрывалом, упирал в угол, дабы тело во сне не вытянулось и не насладились отдыхом сполна.

ГЛАВА III. ПУТЕШЕСТВИЯ СВЯТОГО МУЖА ПО СВОЕЙ ПРОВИНЦИИ, А ТАКЖЕ ВО ФРАНЦИЮ, ХЕРЕС И ВИЛЬЯРРЕАЛЬ

[20] С великим рвением выходил слуга Божий просить милостыню от двери к двери, а к рвению присовокуплял такое благоговение, что всех, наблюдавших его, заражал

своим настроением. А когда он подходил к чьей-нибудь двери, то, возвысив голос, говорил: «Мир Господень жилищу сему! Слава Господу нашему Иисусу Христу! Для братии святого Франциска – во имя любви Божией!» При этом на улицах он подбирал всё, что случайно попадалось: льняные и шерстяные тряпочки, обрывки ниток и клочки бумаги. Последние шли на то, чтобы делать выписки понравившихся ему при чтении мыслей, а первые он использовал при починке одежды.

Вернувшись же в обитель, он с сумкой на плечах шёл напрямик к гвардиану, увидев которого, падал на колени и подползал, пока не удавалось облобызать ему руку.

В этом труде он также прибегал к добродетели рассудительности, когда жил в Хумилье, где обитель располагается высоко на горе, в целой лиге от деревни. Например, [как-то раз], решив загодя дать своему спутнику передышку, он по собственному почину положил котормку у родника, протекавшего у дороги, выбирал из всех хлебов самый белый и предложил спутнику, а сам (чего никогда при других обстоятельствах не делал вне трапезной) стал грызть кусочки почернее.

Как бы тяжёл и долог ни был путь, он и не думал попросить для себя мула, коль скоро сам мог унести на спине собранную милостыню, что особенно часто замечали в Хумилье, Хативе и Лериде. Однажды, когда он вышел просить масла, то получил его много кувшинов. Перелив всё в свою плетёнку, он тащил её на плечах более половины лиги (испанская лига – 4,2 км. – прим. пер.), а когда встречные с удивлением спрашивали, почему он не взял мула, отвечал смиренно и любезно: «А что, мул лучше справится?»

[21] А было у братии обыкновение ходить даже в весьма отдалённые селения, но не в поисках пшеничного хлеба, шёлка, молодого вина или чего-либо ещё в том же роде (что запрещено по уставу босых францисканцев), а за сушёным инжиром и изюмом для больных да шерстью на одежду. Но бр. Пасхалий в тех походах проявлял себя так, что все обращали на него взоры и проникались к нему добрым чувством, из-за чего не бывало, чтобы кто-нибудь из нас пошёл туда по той же причине, и не спрашивали бы его тут и там, как поживает тот святой брат.

Что неудивительно: ведь люди видели, что почти всегда и целыми ночами, под крышею ль дома, или поле, он занят молитвою, и слышали, что говорит он только о Боге и божественных предметах; видели, что каждую пятницу и в другие постные дни года он ничуть не ослабляет строгого неядения, какой бы ни проделал путь и как бы ни устал под тяжестью собранного подаяния, довольствуясь при этом лишь кусочком хлеба с сыром в полдень; видели, что под палящими лучами солнца он ходит всегда с обнажённою головой, а веселится этом от всей души и коротает долгий путь, то нежно Богу хвалу воспевая, то благочестиво о Нём беседуя, а то молясь мысленно.

[22] Его иногда сопровождали несколько благочестивых мирян и помогали ему просить милостыню. Один из них, называемый Хайме из Альфахарина, был так слаб грудью, что считал себя астматиком; кроме того, при приступах кашля ему трудно было перевести дыхание, а когда приходилось идти в гору, не хватало воздуха. Заметив в себе [приближение] такого [приступа], он попросил святого помолиться за него Богу, а тот ответил, чтобы уповал на Господа, Который исцелит его – и Хайме тотчас почувствовал, что всякая хворь отпустила его и он в силах без труда

взбираться на любые горы и холмы. А чтобы его жена тоже причастилась награды, полученной братом Хайме за оказанную Пасхалию помощь, по его молитвам Бог даровал ей такое обилие молока, что она, что никогда прежде не могла выкормить своих младенцев без помощи других женщин, теперь даже искала [кого покормить из] чужих; и стало так с того самого часа, как святой заверил её мужа, что она получит от Бога то, что её нужно.

[23] А то, как он вёл себя во время сборов подаяния, можно представить по показаниям одного из его спутников, данным ради святого послушания и под присягой, нарушение которой грозит долгим отлучением. «Когда, – молвит он, – я был в обители св. Онуфрия в Хативе при гвардиане о. Людовике де Арасиле, Пасхалий там исполнял обязанности сборщика подаяния и привратника. Когда же мы однажды отправились выпрашивать изюм по тамошним Мавровым долинам, он сказал мне: «Есть чему тебе порадоваться, брате, ведь ты оставил мирское звание» (а я-то всегда был [светским братом] и только незадолго перед тем был рукоположен в хоровые [монахи]), и затем прибавил ещё разных [подробностей], из чего я понял, что в нём присутствует пророческий дух.

И всю дорогу мы говорили о Боге или читали службу часов Богородице, что очень нас утешало, а всякий раз, как присаживались где-нибудь в тени, мы читали молитвы с размышлениями о Св. Тайнах. Заходя в города, мы прежде всего направлялись в церковь, чтобы испросить благословения у настоятелей или викариев, которых Пасхалий радовал благой беседою. Когда сбор милостыни был закончен, мы покидали город, и если был при нас кусок хлеба, то мы съедали его по дороге, ибо он никогда не поддавался уговорам тех, кто приглашал его отобедать».

[24] Среди путешествий, которые он совершил, достопамятна его поездка во Францию, о которой я имею свидетельство бр. Иоанна де Мойя, дефинитора провинции, который несколько раз начальствовал над Пасхалием, а в 1570 году был гвардианом Альмансы, когда он под конец сентября отправился оттуда в путь. Он под присягой сообщил, что среди мириад добродетелей святого его отличало беспромедлительное и ревностное послушание, как бы ни было трудно порученное ему дело, пускай даже оно было связано со смертельной опасностью. Так вот, когда генерал ордена по имени де Шаффонтен, родом француз, находился в Париже, а кустоду провинции понадобилось послать ему письмо большой важности, то, поразмыслив, кому из всех своих подчинённых можно было бы доверить его доставку (ибо он знал, что еретики, которыми тогда полнилась Франция, особенно в тех местах, которые необходимо было пересечь, представляли огромную опасность для монахов и многих умерщвляли после изощрённых пыток), остановил свой выбор на Пасхалии. Тот без малейших отговорок, в полной готовности исполнить любой приказ тотчас же отправился в путь, совершенно босой, не получив даже ни сандалий, ни поддёвки под убогонький свой хабит, сшитый из вытертого рванья.

Вступив таким образом во Францию, он зашёл в некую обитель нашего ордена, где было множество учёных иноков. И возник у них бурный диспут в связи с предписанием, данным Пасхалию по заповеди послушания: позволительно ли кому-либо подвергать себя явной смертельной опасности ради послушания. Но в конце концов все пришли к мнению, что это позволительно, и поэтому позволили ему

продолжать путь туда, куда был послан, уверенные, что он не будет уклоняться ни от какой смертельной опасности, если будет послан на неё по послушанию.

[25] Итак, шёл он в своём убогом хабите днями и ночами по большим дорогам, перед взором сих лютых волков – агнец кротчайший, причём Бог неизменно хранил его, хотя принимали его везде плохо и словом, и делом, а в более людных городах и деревнях даже забрасывали камнями под шум и гам черни, вопившей: «В паписта, в паписта!» При этом случилось так, что один изрядный камень так метко в него угодил, что чуть свалил его наземь, очень серьёзно повредив ему левое плечо, после чего осталась боль, от которой он долгое время страдал потом в Испании. Тем не менее он продолжал свой путь и даже не ускорил из-за этого своей достойной и скромной поступи. В другом месте (Орлеане по предположению болландистов. – прим. пер.) его окружили [еретики] и стали выпытывать, верит ли он, что Христос содержится в Таинстве, совершаемом нашими священниками, на что он искренне отвечал, что безоговорочно верит. Когда ж они стали возражать, думая, что легко могут запутать его своей софистикой, он разбил их [доводы] такими твёрдыми и убедительными ответами, почерпнутыми из влиянных ему [Св. Духом] богословских познаний, что, наконец, не снеся поражения, они похватили булыжники и забили бы его до смерти, если бы только не угодно было Богу отклонить камни, бросаемые в него со всех сторон, так, чтобы ни один из них не задел его, а все пролетали над ним да по сторонам.

[26] После этого, продолжив свой путь, он, едва не умирая от голода, пришёл к дверям некоего вельможи, одного самых богатых в том краю, но злейшего врага католиков. Тот, велев усадить его за стол и присмотревшись к его хабиту и лицу, поклялся, что это испанец и один из лазутчиков, которого вместо милостыни, как только кончит трапезу, он одарит заслуженной смертью. Ничуть не взволнованный этим, святой оставался на месте, пока хозяйка, сжалившись над ним, не приказала насильно увести его из виду мужа и выбросить из дома не поевши, что и сделали. А утешение, которого Пасхалий напрасно искал у богатых, нашёл он у дверей бедненькой католички, и возблагодарил Бога, защитника своего и кормильца.

В другом месте, когда его преследовала наглая чернь, кто-то, вмешавшись, схватил его, говоря, что хочет избавить его от ярости толпы. Затем привёл его в свинарник и там запер, забрав с собой ключ, до следующего дня, не оставив ничего поесть; поэтому самое лёгкое, чего ожидал Пасхалий, – это смерти, для чего, как он считал, его тут-то и заперли. Но через два часа после восхода солнца тот человек снова явился и, дав ему милостыню, отпустил.

Ещё святой мне рассказывал, что однажды встретился ему всадник, вооруженный копьём, который, ни слова не молвив в приветствие, спросил: «Брат, есть ли Бог на небесах?» И когда Пасхалий ответил ему, что Он поистине там есть, человек умчался прочь; а святой подумал: «Ответь я: «Бог есть и на небе, и в Евхаристии», тот пронзил бы меня копьем. Но я оказался недостоин мученичества».

Была также и дама некая, что, принимая его с приветливым и радостным выражением лица, спросила, не собирается ли он принять её, то есть еретическую, веру (religionem), на что он с присущей ему твёрдостью ответил, что принадлежит к ордену (Religionis) святого Франциска, и смущённая женщина пошла на попятную.

Наконец, пройдя через тысячу опасностей, обид и тягот на пути туда и обратно, он выполнил своё поручение и возвратился в наш край, заслуг накопивши, но и трудами изнурившись.

[27] Последним кустодом вышеупомянутой провинции был бр. Франциск Хименес, который, отправившись в город Херес-де-ла-Фронтера, чтобы навестить мать и родственников, оставил вместо себя поверенного. После того, судя по всему, возникла какая-то необходимость посоветоваться с самим кустодом через посланца, на что опять же вызвался Пасхалий и проделал 1575 году путь более чем в сто лиг от Валенсии до Хереса, снарядившись так же, как и при походе во Францию.

Однажды в то время, как он пребывал тут (т.е. в Хересе. – прим. пер.), доставляя огромное утешение и великую пользу кустоду и здешней братии, я, находясь в хоре на Третьем часе, что предшествует главной мессе, увидел, как он вошёл. На нём не было мантии, одет он был в такую убогую, излохмаченную и оборванную рясу, что, казалось, носил на себе просто мешок. Войдя же, он омочил пальцы в святой воде, пал у кафедры на колени, облобызал землю и, сложив руки и подняв над головой, оставался в этом положении совершенно неподвижно и не меняясь в лице (так что, хотя я был ещё мальчишкой и ещё слабо разбирался в таких вещах, однако не мог насытиться этим зрелищем и не сводил с него глаз), пока не пришёл какой-то инок и, подняв его с земли, не заставил пройти к одному из передних сидений, где он и провёл оставшееся до конца богослужения время в таком благоговейном сосредоточении, что я надивиться не мог.

[28] Затем, выйдя из обители, он отправился навещать родственников кустода, причём везде держался так скромно и такие проникновенные слова находил, пробуждая в каждом жажду спасения, что все глубоко убедились в его святости. Особенно мне помогло это убеждение.

Ибо, когда мой отец был в отъезде в Перу, а матушка моя, оставшись по этой причине здесь одна, нуждалась в моей помощи по дому и в хозяйстве (поскольку я был старшим из братьев), Пасхалий нашёл до того убедительные слова, что она позволила мне выйти ночью (без ведома родственников, которые уж наверняка воспрепятствовали бы моему отъезду) и отправиться в Валенсию на учёбу ради вечного блага души моей, коего виновником я после Бога почитаю Пасхалия. Ведь в его обществе я чувствовал себя не менее безопасно, чем Товия при Рафаиле, а всю доброту его ко мне я даже описать не могу, как потому, что это касалось меня лично, так и потому, что за такие благодеяния следует воздавать не словами, а делами.

Одно скажу: после того, как он пообещал моей матери заботиться обо мне, держал слово до последнего вздоха, а когда умирал, сказал братьям, стоявшим у одра: «Приглядывайте за бр. Иоанном Хименесом; помните, что я увёл его из его родного края».

[29] В дороге он ни в какую не соглашался ехать верхом, как бы настойчиво я его ни уговаривал, как бы ни умолял сесть на мою мулицу хотя бы на короткий промежуток времени, чтобы немного передохнуть от усталости, вызванной длительными ежедневными переходами, при которых за мулицей было трудно угнаться.

Прежде всего я подивился строгости, с которой он придерживался [обета] бедности, отказываясь на постоянных дворах вкушать купленной мною еды; не отдохнув, он выходил просить у дверей хлеба ради любви Божией и ничего другого не ел. Ещё у меня с собой в сумке было варёное мясо, которое (поскольку одному мне было его не съесть) начало от летнего зноя портиться, и я выбросил его в навозную кучу. Вот тогда-то святой взял его и, хранив аж несколько дней, ел. При этом меня подташнивало от зловония, и я сильно горевал оттого, что он питается такой гадостью. Удивляюсь, как он ничем заболел.

Иногда мы ночевали на гумне, ибо была пора молотьбы. Там он, как заботливая мамаша, укладывал меня спать и накрывал своим плащом, после чего, оставив меня, уходил в другую часть гумна; а когда думал, что я уже сплю, становился на колени, сложив руки перед лицом или раскинув их крестом; и это был весь его отдых.

[30] В течение дня он шёл уединённо, по большей части отдельно от меня, и нетрудно догадаться, что он делал; когда же присоединялся ко мне, то говорил о небесном с таким пылом духа, что в беседу включались все слышавшие его.

Особенно припоминается следующий случай. Однажды ночью, когда попутчиком нашим был некий кабальеро, зашёл разговор о молитве на святейшем розарии. И этот мирянин поведал, как по милости Пресвятой Богородицы спасся однажды от ночных разбойников. Ибо они нанесли ему множество ударов ножами и мечами, а решив, что он мёртв, спихнули его с какого-то пригорка, сами же кинулись к мулице, чтобы забрать добычу. «Но она, – молвил рассказчик, – прыгая и свирепо лягаясь, никак им не поддавалась, пока не вырвалась из их рук, после чего помчалась куда глаза глядят, увозя с собой нетронутый мешок. Ну а я оказался здоров, цел и невредим – потому что вверился Пресвятой Богородице». Святой принял его рассказ с таким искренним и глубоким пылом духовным, что, хоть и будучи ребёнком, я, всеми помыслами сосредоточился на Боге и до того проникся святым страхом пред Ним, что дивился, почему это до сих пор на меня не спала молния с небес в наказание за неблагодарность и небрежность в богопочитании. И возникло у меня твёрдое намерение, как только прибуду в Валенсию, сразу же совершить генеральную исповедь во всех грехах и начать совершенно другую жизнь.

Сверх того, в довершение удачи моей он завёл речь о неизвестной мне доселе мысленной молитве и посоветовал купить в Гранаде какую-нибудь духовную книгу, что я и сделал, выбрав по его совету какое-то произведение бр. магистра Людовика Гранадского, от чтения которого душа моя получила столь же великую пользу, как многие другие до меня. Поэтому я всем, кто желает получить от меня духовное наставление, рекомендую прочесть какой-нибудь трактат этого автора, особенно же тот, что называется «Путеводитель для грешников», причём прошу внимательно прочитывать из него хотя бы дюжину строк ежедневно; ибо я уверен, что едва только кто начнёт, уже не сможет довольствоваться дюжиной. Конечно, с тех пор, как она у меня появилась, я ненасытно читал её день и ночь; даже в дороге не выпускал из рук.

[31] Когда, намереваясь продолжить свой путь, он вышел из обители в Гранаде, подскакал к нему на городской улице некий альгвасил со своей охраной и

намеревался схватить его, как какого-нибудь бродягу, грубо браня и свирепо требуя предъявить удостоверяющую грамоту, глянув на которую, впрочем, отпустил его. Ну а я крайне удивился несравненной кротости Пасхалия, которую он сохранил, ни слова не сказав в своё оправдание.

Также наблюдал я его великое терпение при различных неприятных обстоятельствах; например, на выезде из города Уэскар, где с ним случился мучительный приступ рвоты.

Любой, кто попадался ему по дороге, наслушавшись речей его, загорался желанием служить Богу и что угодно терпеть ради любви к Нему. Это испытал на себе один кабальеро, настолько обнищавший, что шёл пешком и просил у нас милостыни. [Незадолго до его встречи с нами] какие-то пастухи поступили с ним совершенно бесчеловечно и дико: спустили собак; и теперь он имел жалкий вид, поскольку эти свирепые твари изодрали на нём всю одежду. И шёл несчастный кабальеро, весь залитый слезами, неся в руке один из оторванных от плеча рукавов и вытирая им глаза, как платком. Однако в святом муже он обрёл превосходного утешителя, который, приняв его с сердечной любовью, велел подкрепиться вместе с нами.

Между тем встретился нам и некий брат из Общества Иисуса, весьма благоразумный, который тоже шёл той же дорогой пешком, являя пример исключительной скромности. Итак, оба наставляли юношу благотворными внушениями, убеждая его вернуться в родной дом, подчиниться отцу, исповедать свои грехи и служить Богу – тогда, мол, всё у него сложится к лучшему (что и в самом деле случилось).

Ибо впоследствии я встретился с тем же иноком в Валенсии, и он сказал мне, что бедный тот юноша как-то пришёл навестить его, и был он в совершенно другом состоянии: с двумя слугами и в совершенно роскошном наряде, ведь он был из семейства весьма выдающейся знатности.

[32] Впрочем, и с моей стороны (поскольку я был мал и непривычен к трудностям) во время этого путешествия святой муж не имел недостатка в поводах поупражняться в терпении.

Случилось так, что, когда мы шли из Каравакки под палящим солнцем, меня охватила сильная жажда, потому что на всём пространстве в четыре лиги между Караваккой и Каласпаррой нам не попадалось ни постоянного двора, ни родника. У Пасхалия защемило сердце от жалости, когда я сказал, что не могу больше терпеть жажду и хочу остаться под тенью у какой-нибудь сосны. Он подбадривал меня и будил надежду, что мы где-нибудь обнаружим воду; при этом он забегал вперёд и носился туда-сюда, стараясь её отыскать. Наконец-то он увидел в низинке несколько водянистых камышин и собрал их, чтобы я, пососав их, хоть ненадолго обманул жажду; и так добрались до канала недалеко от города, где, вкусив по кусочку хлеба, впервые смогли напиться.

На следующий день рано утром мы пошли в Хумиллу, и когда в одной лиге от Каласпарры сбились с пути, наткнулись на такой широкий и глубокий канал, что его невозможно было перепрыгнуть, а мостиком служила только прогнутая кривая деревьях. Попытавшись перейти по ней на другую сторону, святой муж упал вместе с самым бревном в воду. Выбирался он оттуда совершенно мокрый и, взирая, как я на

другом берегу залиvisto хохочу, подтвердил крепость и постоянство своего терпения.

Наконец, когда, отпустив мулицу, я пешком сопровождал его в обитель св. Анны, что на горе Хумилья, и в полном изнурении заявил, что не могу больше сделать ни шагу, он предложил взять меня на спину, а поскольку я отказался, выхватил у меня мешок, чтобы хоть его понести; и таковой милостью своей он так придал мне духу, что я одолел вместе с ним небольшой остаток пути, доколе нас не ободрил сам вид обители, стоящей на высоте. Тогда-то, возблагодарив Бога, Пасхалий показал мне вдалеке монаха, копающегося в огороде, и сказал: «Знай, что тот инок – гвардиан обители и проповедник; ибо здесь господствует обычай, что таковые занимаются также огородом и кухней». Я убедился, что оно и вправду так было, и я видел, как они переходили от обоих из тех своих [скромных занятий] к кафедре в благоговейном смирении.

[33] По прошествии же многих лет, когда я, уже приняв монашеский постриг и получив священный сан, завершил изучение свободных искусств и богословия, собираясь во время Четырдесятницы проповедовать в Вильярреаль, я заехал Хативу, где в то время пребывал святой, и, будучи принят им с большим радушием, я попросил министра-провинциала (тогда им был бр. Антоний Альверо) отпустить Пасхалия со мною в Вильярреаль. И поскольку я знал, что здешний климат ему не подходит (он даже страдал четырёхдневной лихорадкой), а там ему вполне нравилось, потому что тамошняя обитель называется в честь Богородицы, а возможно, также и потому, что он узнал из божественного откровения, что именно там ему предстоит освободиться из темницы сего смертного тела, я всё-таки, несмотря на тщетное противодействие гвардиана, добился просимого.

Итак, мы пошли, но оба пеши, потому что, хотя я предлагал поехать верхом (Устав позволяет это для немощных), он решительно отказался. После ж того, как мы начали подниматься на гору, что за хативской рекой, но ещё не добрались до Эновы, увидели некоего монаха другого ордена, который стоял с тяжёлой сумой. Святой немедленно вызвался поднести её и взвалил на свои немощные плечи. Я было разгрузил его, взяв её себе на спину, но он тут же выпросил у упомянутого инок плащ, который был отнюдь не легче – и так мы проделали весь тот путь. Кроме того, тогда же, выходя из Альсиры по чрезвычайно грязной дороге, мы увидели осла, увязшего в топкой луже, а рядом – плакавшего погонщика. Пасхалий ласково утешил его и, хотя уже смеркалось, а грязь была глубока, подошёл к ослу и, развьючив его, стал толкать из лужи, а вытащив, снова навьючил с превосходной ловкостью.

ГЛАВА IV. РЕВНОСТЬ О СПАСЕНИИ ДУШ. ЗНАНИЕ ТАЙН СОВЕСТИ. РАЗЛИЧНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ

[34] У святого мужа явно был необычайный дар словами содействовать обращению даже зачерствелых сердец.

Например, в городе Хумилья, что в королевстве Мурсия, гвардиан обители послал своего проповедника к одному горожанину, понёсшему от другого тяжкое оскорбление, а в спутники посланцу дал Пасхалия. При этом обиженный не только не поддался его увещаниям, но, обратив ярость на самого врача своего, готов был даже наложить и на него руки.

Проходивший тогда мимо благочестивый муж из Третьего ордена попросил проповедника зайти перед возвращением к нему домой, и пока тот в немногих словах отвечал, что обязательно удовлетворит его пожелание, Пасхалий, улучив мгновение, молвил: «Ну же, брате, прости обиду ради Бога!» И больше ничего и не потребовалось; проповедник обратился ко всё ещё ожесточённому, как он полагал, человеку, намереваясь в подходящий миг проститься, поскольку ничего добиться не удалось, и тут паче чаяния услышал, как тот в совершенно ином настроении отвечает бр. Пасхалию: «Отче, я прощаю его из любви к Богу; пускай всё будет, как вам угодно».

Это столь неожиданное событие напомнило проповеднику то, что он ранее слышал о своём спутнике, а именно: когда молодой человек, которого многие почтенные и учёные особы тщетно уговаривали простить своего умирающего отца, встретил Пасхалия, тот несколькими смиренными словами убедил его, чтобы он без возражений сказал, что готов публично засвидетельствовать своё прощение и даже подписать соответствующий документ (речь шла, судя по всему, об имущественных претензиях. – прим. пер.).

Точно так же некий гражданин Вильярреала, которого никакими доводами не удавалось заставить отказаться от какого-то обвинения, едва услышал Пасхалия, посланного к нему от имени гвардиана, сразу же заявил под присягой, что, как ему кажется, он не может не повиноваться слову его.

[35] Столь же успешно Пасхалий склонил в Валенсии одного ни за что не желавшего исповедаться грешника к исповеди и полной перемене всей жизни, и тот впоследствии говорил: «Сей инок – не человек, а ангел».

Собственно, этим своим ласковым обхождением и задушевной речью он мог добиться чего угодно. Так случилось, что его послали навестить одну больную женщину, которая с малодушной горечью оплакивала свою долю, потому что врачи отчаялись в её излечении. Он обратился к ней с такими воодушевлением, что она выразила готовность принять любую волю Божию. Столь резкая перемена была, со всей очевидностью, вызвана не человеческим внушением, а Божиим.

Впрочем, указывал он и на провинности других, даже начальствующих, но с бескрайним добродушием и смирением, так что никто не только не возмущался ни на кого, но сознавал указанный проступок и благодарил за увещевание, исполненное столь искренней любви. Так, если он видел кого-нибудь, кто по незначительной причине отсутствовал в хоре или на молебне, то, улыбнувшись, говорил мимоходом: «Что ж у нас тут кое-кто поделывает? Почему бы и на хор не пойти?» - и тут же смолкал. Ну и виновники, вняв его намёку, без малейшего промедления спокойно подчинялись.

[36] Есть в горах близ леридской обители пещера, в которую каждый из иноков удалялся на неделю, чтобы полнее вкусить там отрады отшельнического жития, при этом не брали с собой ничего, кроме горсточки сухарей и тыквенной бутылки воды. И хотя они выходили оттуда слушать мессу, но по окончании сразу возвращались, ни с кем не заговаривая и не заходя в обитель – и так до самого конца недели, когда они возвращались с грузом вязанок дров.

Вдохновившись этим примером, некий послушник не просто стал домогаться чего-нибудь подобного, но соблазнился мыслью покинуть орден и найти какое-нибудь безлюдное место, где и вести вечно отшельническое житие. Однако прежде он решил посоветоваться относительно этого своего замысла со святым, находившимся тогда в Валенсии. Пасхалий сразу понял, что это дьявольское наущение, и, дабы показать ему, что не всякому надлежит быть отшельником, молвил: «Когда я жил в обители Матери Божией Леридской, случилось так, что проповедник (который имел обыкновение уединяться несколько недель в пещере, находившейся там рядом) однажды ночью увидел, как бесы мечут к нему в келейку огонь, и так перепугался, что бросил книги, которые туда принёс, и побежал в обитель. Затем я, посланный гвардианом за вышеупомянутыми книгами, захотел в ту ночь испытать, что такое отшельническая жизнь. В начале ночи помолился немножко да и лёг спать, чтобы снова встать в полночь и, подготовившись сперва основательным самобичеванием, возобновить молитву и продолжать так до утра. Но случилось нечто совсем иное: я так глубоко погрузился в сон, что проснулся не раньше, чем лучи солнца, проникнув через вход в пещеру, ознаменовали приход дня. Почувствовав себя неслыханно одураченным, я возвратился в обитель в крайнем стыде». Пример, взятый из его собственного опыта, возымел силу: в дальнейшем послушник, ничуть не колеблясь в своём призвании, держался послушнических обязанностей до торжественного принесения обетов.

[37] А о спасении и преуспевании душ он питал необычайную ревность, пользуясь, подобно рачительному купцу, любой возможностью для духовного приобретения.

Поэтому, когда какие-то французы, люди чрезвычайно грубые, копали цистерну в обители Вильярреальской, он взялся разъяснить им христианское вероучение, с крайним упорством и терпением к их невежеству вновь и вновь проходя пункты Символы веры и заповеди Десятисловия, а также пересказывая им, что сам прочёл.

Он также научился делать верёвочные пояса для членов Третьего ордена и радел о том, чтобы к братствам присоединилось как можно больше людей, объясняя, какое множество милостей и индульгенций им уделяет Апостольский Престол. Кроме того, он убеждал почаще приступать к исповеди и причастию, не упускать ни единого случая, чтобы получить духовную пользу от участия в каком-нибудь юбилее или индульгенцию, связанную с освященным образком (он носил их на себе целую гирлянду, ежедневно прочитывая над каждым соответствующие молитовки).

Из того же стремления помогать душам проистекал тот пыл, с которым он то сам проповедовал всем, кому требовалось (например, нескольких продажных бабёнок в Вильярреаль [он упрашивал блюсти] целомудрие), то проповедников своего ордена самыми горячими словами и наипубличнейшими доводами уговаривал рачительно выполнять свой долг, чему сам многократно был свидетелем.

Знаю ещё, что однажды его дали в напарники одному [брату], который должен был во время Четырёхдесятницы проповедовать и в Вильене. Зная, что свой долг этот инок исполняет с трудом и неохотно (был он, скорее, проповедником самого себя, а не Христа), Паскаль вывел его из заблуждения, [научив, как] наиболее плодотворно и с наименьшими усилиями провести те проповеди.

К тому же он объяснял, что необходимо много молиться, настоятельно прося, чтобы слово сотворило плод в сердцах слушателей. Например, однажды, войдя в келлию проповедника – того самого, что состоял при гвардиане Вильярреальском, – и застав его корпевшим над книгами, Пасхалий сказал: «Всего в книжках не сыщешь; обратись-ка лучше к молитвенному размышлению, и у тебя получится хорошая проповедь». Наконец, сознавая, как действительна проповедь слова Божия для исправления пороков и спасения душ, он всем сердцем радовался, слыша удар колокола, созывающего [народ послушать] оное, и усердно молился как за проповедника, восходившего на кафедру, так за людей, что будут слушать его.

[38] Время от времени, однако, Богу угодно было показать, как угодна Ему эта ревность о спасении душ, и Он открывал Пасхалию тайные грехи некоторых людей, чтобы, узнав бедственное состояние ближнего, он ещё больше пылал сим [чувством].

Так, например, когда он однажды сопровождал проповедника своей обители, бр. Варфоломея Пастора, один благочестивый терциарий пригласил их в гости и с величайшей учтивостью усадил за стол. Тут Пасхалий познал, что душа его находится в плену у беса, и он сказал ему голосом, выразившим искреннее сострадание: «Брате, исповедуйся теперь, пока тут мой спутник – воспользуйся столь удобной возможностью!» Хозяин ответил, что, мол, в воскресенье в обители ему будет удобнее. Сначала святой промолчал, но, не в силах скрывать внутренние порывы своей души, томимой любовью к этой смертельно раненой душе, после краткого перерыва снова завёл речь о том же, хотя хозяин по-прежнему отнекивался и даже сам спутник Пасхалия, раздражённый его навязчивостью, ворчал про себя на чрезмерную простоту его: как же, мол, можно так подгонять человека, который ни настроиться не успел, ни подготовиться, исследовав совесть свою.

Наконец, когда он в третий раз затянул ту же песню, хозяин уже не смог противиться глубинным угрызениям совести и сам стал умолять сопротивляющегося исповедника, чтобы он тотчас же выслушал его, ибо он хочет исповедаться. Получив же разрешение, молвил, стоя на коленях: «Я думаю, что Бог открыл бр. Пасхалию некий смертный грех, совершенный мною на днях, ибо нет больше ничего, что отягчало бы мне совесть». Услышав это, исповедник сказал про себя: «Воистину Бог открыл блаженному сему, что на совести у этого брата, изволив вознаградить обоих: последнего – за оказанную нам милость, а первого – за ревность о душах».

[39] Ещё более примечательный случай произошел в городке при одной обители, где святой исполнял обязанности привратника.

Был там искренне преданный братии и самому Пасхалию человек, которого дух блудный довёл до того, что он подбил чужую жену свершить грех прелюбодеяния в определённом часе и месте, подвергнув величайшей опасности жизни их обоих, потому что муж пронюхал об их затее и затаился [там] со своими родичами, намереваясь убить обоих, ничем со своей стороны не рискуя. Он всё-таки пошёл в приготовленную для него засаду, но услышал за спиной звон колокольчика. Оглянувшись на звук (а ночь была едва подсвечена лунным сиянием), он ничего вокруг себя не увидел. Так же [не обнаружил он ничего] ни во второй, ни в третий раз, хотя колокольчик прозвенел ближе, когда он, не одумавшись, продолжил свой

путь, и, наконец, так близко, будто был прикреплен к его башмаку. На этот третий звук по внутреннему действию благодати открылись у человека уши ожесточенного сердца, и молвил он: «Что если это знамение свыше, и Бог запрещает мне идти дальше?»»

И вот, обратившись умом и путь обратив, он начал благоговейно читать розарий Пресвятой Девы и в итоге вернулся домой. А на следующий день, когда он встретил ту женщину и стал было рассыпаться в извинениях за то, что не явился в назначенное место и час, она молвила: «Не стоит; лучше благодари Бога за то, что Он избавил тебя, а заодно и меня от смерти, которую враги уготовали нам в условленном месте. Они ведь ждали нас там, а затем ещё и весь дом обшарили – каждый уголок!»»

Эти слова ошеломили его, и он ринулся в обитель, где сразу натолкнулся на бр. Пасхалия, который, отведя его в сторонку, молвил: «Брате, я уже давно тебя жду я ждал, чтобы поговорить о деле величайшей важности и попенять тебе за то, что ты оказался так легкомыслен, поддавшись своим склонностям. Ведь я так люблю тебя, что прошедшая ночь выдалась для меня худшей в жизни». На вопрос же «Почему?» Пасхалий ответил: «Я всё силюсь, чтобы ты ни жизнь не загубил, ни душу».

Показав же, что о том событии ему всё ведомо до мелочей, святой молвил: «Вспомни, как отец твой после рождения твоего претерпел то и это», - перечислив подробно всё, что происходило с ним из-за сына, включая несколько совершенно личных тайн, о которых никаким естественным образом узнать было невозможно.

Кроме того, Пасхалий предсказывал ему многие события, которые каждый день исполнялись с буквальной точностью, чему сам свидетель узнал весьма изумлялся, полагая, что всё это было открыто святому свыше. А когда я зачитал ему эту главу, он признал со слезами, что всё именно так и случилось, и что ему нечего ни убавить, ни добавить.

[40] Когда он исполнял обязанности привратника в Альмансе, некая дама, весьма преданная ордену и самому блаженному, заказала несколько месс, потому что Пасхалий открыл ей, что душа её брата, удержанная в чистилище, нуждается в такой поддержке. Однако позже она сказала своей самой любимой племяннице: «Великий слуга Божий этот бр. Пасхалий! И никто кроме меня в Альмансе не знает, какой ступени святости он достиг, а из того, что я знаю о нём, заключаю с полной уверенностью (и хорошенько это помни, дорогуша, до самой моей смерти, если я вдруг прежде тебя расстанусь с жизнью), что он умрёт святым, и в час кончины Бог обязательно удостоит его многих чудес.» Племянница, впечатлённая этими словами, и утвердившись в том мнении, которого она издавна придерживалась о Пасхалии, захотела узнать у него через эту же свою тётку, находятся ли души её отца и матери в чистилище и нуждаются ли в помощи, чтобы выбраться из него. Дама исполнила просьбу и через несколько дней передала племяннице ответ, полученный ею от человека Божия, согласно которому одному из них не нужно помоществование, ну а за другого по воле Божией нужно в течение тридцати дней подряд служить мессы, произнося особую коллекту в конце. Исполнив сие, женщина снова спросила святого через ту же свою тётку, нужно ли ещё что, и блаженный ответил, что достаточно уже

проявленного усердия, которое Богу было чрезвычайно угодно и потому будет Им щедро вознаграждено.

[41] Такое же послушание привратника он исполнял в Валенсии, где жил тогда некий инок, который имел обыкновение всякую ночь так сурово бичевать своё тело, что, казалось, вся церковь трясётся. И вот, когда однажды ночью святой в том [монастыре] молился, Бог открыл ему, что бичевание такого рода – плод искушения от диавола, скрывающего свои козни под личиной добра. Итак, Пасхалий встал и пошёл к нему; и с его приближением бес отступал всё дальше, о чём ясно свидетельствовал остающийся после него сернистый запах, настолько отвратительный, что, казалось, ничего похожего на этот запах никто не нюхивал; тут и у монаха того волосы на голове встали от ужаса. И сказал ему святой: «Не надо так больше, брат, не надо так! Ведь когда ты наносишь по какой-либо части тела один-два удара посильнее, плоть, онемев, не чувствует остальных. Поэтому они не служат никакой цели, а только приносят телесную немощь, доставляют неприятности общине и самого инока приводят к расслабленности, когда он под предлогом необходимости позволяет себе некоторые [послабления], что впоследствии входит в привычку».

Случилось также, что встретил он в дороге каких-то братьев, что, утомившись от путешествия, не соблюдали поста, за что укорил их. А они прониклись уверенностью, что он не мог знать о них таких подробностей, если бы Бог не открыл ему.

[42] Достоверно известно, что получал он ещё много других божественных откровений, о каковых по смирению своему он сам другим (даже начальствующим) не рассказывал, и тщетны были попытки заставить его рассказать. Это вышло на явь, когда при написании жития святого брата Николая Фактора производилось исследование его добродетелей и достопамятных деяний, для чего всем [кто общался с ним,] было велено во исполнение обета послушания поведать всё, что [они о нём] знали. Святой сначала медлил (поскольку то, что ему было известно, касалось и его самого в какой-то мере), однако, строго принуждённый этим обетом, открыл, наконец, то и только то, что служило ко славе святого, прочее облекши молчанием.

Итак, под присягой он сообщил, что однажды ночью бр. Николаю довелось лицезреть божественное откровение: звезду на диво лучезарную; причём одновременно ему стало ведомо, что и Пасхалий сподобился такой же милости. А узнал Пасхалий это из того, что при встрече Николай нежно обнял его и спросил, словно бы загадку загадывая: «Помнишь, брате, звёздную ночь? Ты тогда получил множество великих милостей от Господа». Но что это были за милости, Пасхалий умолчал, и впоследствии никто никакими уговорами не смог заставить его поведать о них. Так что, вероятно, он держался того же молчаливого правила и в отношении других событий, по крайней мере, тех, что указывали на его совершенство и на уделённые ему дары благодати.

ГЛАВА V. ПАСХАЛИЙ ЯВЛЯЕТ ПРОРОЧЕСКИЙ ДУХ И БОГОДУХНОВЕННОЕ ВЕДЕНИЕ

[43] Святому были ведомы тайны не только настоящего времени, но также и будущего, что видно по многим примерам, некоторые из которых я приводил.

Среди них первого места заслуживает [пророчество], получившее самую громкую огласку и подтверждённое множеством свидетелей, а именно то, что, будучи ещё здоров, он предсказал свою смерть, а заболевши, [предрёк] день, когда ему предстояло умереть, если самый час и миг, что обстоятельнее будет изложено ниже.

Вторым [можно было бы привести случай, произошедший] в октябре 1591 г., когда все мы, делегаты капитула, собрались в Валенсии в обители св. Иоанна Крестителя; там, зайдя ко мне в келлию, бр. Диего Кастельо, гвардиан из Вильярреала, после первых слов приветствия поздравил меня с назначением на должность провинциала, притом за три или четыре дня до моего избрания. Я же, зная, что я самый младший из всех возможных кандидатов (ибо мне тогда ещё не исполнилось тридцати лет), молвил: «Брате, оставь шуточки!» А он с серьёзным выражением лица и соответствующим тоном молвил: «Поистине, если бр. Пасхалий – пророк, тогда ты будешь провинциалом, а я стану дефинитором». Тогда я спросил, как и по какому поводу святой открыл ему это. «Перед уходом, – ответил он, – прощаясь, наряду с прочими братьями, также и с ним, я попросил его молиться обо мне Богу. «Помолюсь, – молвил он, – ступай спокойно, будущий дефинитор и наставник послушников... А бр. Иоанн Хименес станет провинциалом!»

И хотя упомянутый бр. Диего ничего мне тогда не сказал о должности наставника послушников (как потому, что считал себя совсем не подходящим для этой должности, так и потому, что это было бы беспримерным событием в ордене, в котором до сих пор никогда не случалось, чтобы обе должности были возложены на одно и то же лицо), однако, как ни удивительно, с согласия коллегии дефиниторов так было сделано, и [впоследствии, при опросе свидетелей] бр. Диего, принуждаемый послушанием, а также и потому, что сии события указали ему волю Божию, признался, [что святой предрёк ему] и то, и другое.

[44] В вышеупомянутой обители Вильярреальской тамошний проповедник бр. Пётр Кабрелья страдал от частой рвоты, но не настолько, однако, сильно, чтобы приходилось лежать в постели. Он желал узнать, что бр. Пасхалий знает о его исцелении, а потому просил молитв его, на что тот ответил: «Я-то буду, да выйдет ли толк?» Тогда проповедник уговорил гвардиана, чтобы он предписал Пасхалию в силу послушания поведать, каков всё-таки будет исход болезни. Не в силах противоречить ему, Пасхалий, несколько покраснев (что выдавало волнение), сказал больному: «Брат проповедник, Богу угодно, чтобы ты умер и проповедовал далее не словом, а делом. Ну а проживёшь ты ещё несколько месяцев, так что вверься Богу и запасись терпением». Эти слова он произнёс тоном столь важным и серьёзным, что никто не мог бы усомниться в том, что они достоверно предвещают грядущую кончину. Прожил же тот инок и пламенный проповедник ещё четыре месяца, но с того часа уже никогда не восходил на кафедру. Он умер у меня на руках в 1591 году.

Нечто подобное случилось и в Вильярреале, где Пасхалий часто навещал больную по имени Андреа Вентрель. Однажды в воскресенье, в последний его приход, она попросила его помолиться Господу об исцелении для неё. На что Пасхалий ответил

ей: «О сестра, вот именно эта твоя просьба нехороша; скажи-ка лучше: Господи Боже, если Твоему величеству угодно взять меня из этой жизни, да будет воля Твоя!» Поскольку она снова вернулась к тому же и умоляла об исцелении, святой, воспламенившись Духом Святым, молвил: «Сестра, приготовься, ибо скоро мы оба отправимся в величественный путь». Так и случилось: она умерла в ближайший понедельник, а он сам в следующее воскресенье. Поскольку же всё исполнилось с буквальной точностью, каждый из знавших обстоятельства дела пришёл в великое изумление; и прежде всех – Хуан Ибаньес, муж вышеупомянутой женщины, присутствовавший при том и давший свидетельство под присягой.

[45] Когда в том же монастыре Вильярреальском решили заняться строительством цистерны, которая в этой обители была жизненно необходима, то подготовили кое-какие материалы, но, учитывая объём и глубину сооружения, как сам гвардиан, так и мастер пришли к выводу, что их никак не может хватить. Это весьма встревожило гвардиана, потому что при заливке сооружения любая нехватка материалов грозила бы полным его разрушением. Увидев это, святой стал уговаривать их, чтобы они не боялись приступить к делу, ибо ни в чем не будет недостатка, но, скорее, останется ещё и лишнего немного. Хотя это и противоречило общему мнению всех, однако поверили – ведь так Пасхалий сказал. И исход дела подтвердил истинность его слов.

В том же городе, когда он ходил по улицам, прося подаяния, то в дверях [дома] некоего клирика по имени Вербегаль услышал, что тот заболел, и сказал: «Пусть ему как можно скорее уделят таинств, потому что он в них очень нуждается!» Благоразумные родные немедленно распорядились устроить, как советовал святой, и болящий, приняв таинства, без промедления отдал Богу душу.

[46] В марте месяце 1591 года Каталина Торре, жительница Вильярреала, страдала опасной болезнью: кровь подступала ей к лицу, отчего оно чудовищно распухло. Когда святой навестил её и задал вопрос, как он себя чувствует, Каталина ответила: «Мне так больно, отче, что наверняка помру! Я ведь уже семь дней и ночей подряд глаз не сомкну от жутких мук и жгучей горячки». Но Пасхалий возразил: «Надейся на Бога, сестра, а я обещаю тебе, что ты не умрёшь от этой болезни. Однако же прошу тебя покаяться в своих грехах и подготовиться, как если бы тебе предстояло умереть, потому что такое приготовление побудит Бога ускорить выздоровление». Женщина сделала, как ей было велено, и в ту же ночь с удивлением обнаружила, что здорова. Она подтвердила и засвидетельствовала, что я правильно передал слова святого, которые привожу здесь в наставление тем, кто думает, что наверняка скоро умрёт, и по принятии таинств намерен составить завещание.

Ну а названная женщина, уже будучи здорова, ещё раз убедилась в его пророческом духе. Ибо когда Пасхалий снова навестил её, а брату её было так худо от боли в боку, что скорая смерть его была вполне правдоподобна, святой сказал ему: «Не тревожься, брате, но верь, что скоро исцелишься! Бог ниспосылает такого рода немощи, чтобы мы опомнились; но Он позволит тебе воспитать детей твоих». А когда он выходил из дома, Каталина сказала: «Моли Бога, отче, о здоровье брата моего; видишь ведь, что беда мне, коль он умрёт!», на что он ей: «Поверь, сестра, он не умрет; обещаю тебе это». Тем не менее, она продолжала и в третий раз настойчиво повторила просьбу, а он сказал: «Когда я обещаю, можешь быть спокойна». Обычно смиренному Пасхалию было совершенно не свойственно

говорить с такой полной уверенностью, ведь это противоречило тем усилиям, с какими он стремился скрыть ниспосылаемые ему свыше дары; однако Бог, желая сделать их известными, иногда попускал, чтобы он в подобных случаях как бы забывался. И всё исполнилось в точности: на следующий день больной поправился.

[47] Также и третий раз изволил Господь дать той же женщине на опыте изведать означенного духа: за пятнадцать дней до своей последней болезни святой при встрече с нею спросил, навещала ли она двух знакомых ей больных женщин, жизнь коих равно висела на волоске. Ответив на его вопрос согласием, Каталина спросила Пасхалия, что ему о них явлено? «Анна, – молвил он, – в воскресенье будет жива, а жена Хуана Ибаньеса непременно умрёт». И как через несколько дней оказалось, слова эти были истинны.

Да и сама Каталина, томимая страшной душевной скорбью, но скрывая её, подошла к воротам обители, где попросила позвать духовника, как принято – у привратника. А святой молвил ей: «Да уж, сестра, тяжко тебя мучает эта хворь!» Женщина отрицала, что у неё что-то болит, а он, тем не менее, продолжал её уговаривать не падать духом и терпеливо сносить свою муку, ибо тем самым она проложит себе путь на небеса. Итак, видя, что утаить ничего не получится, она открыла ему свою тайну и обрела великое утешение в его словах; и совершенно точно предугадав, что он скоро приобщится к святым в великой славе, она попросила его пообещать, что, если Бог призовет его первым, будет молитвенно ходатайствовать за неё. А святой ответил: «Если Господь окажет мне такую милость, буду предстательствовать, дабы все твои просьбы были услышаны».

И женщина на живом опыте убеждалась, что он сдержал обещание, всякий раз, как призывала на помощь Пасхалия после его смерти. Сие подтверждалось чудесами, которые свершались в ответ на молитвы этой благочестивой женщины и о которых будет рассказано ниже.

[48] К духу пророчества присовокупил Бог в нём дар ведения – боговдохновенного, конечно, ведь наукам Пасхалий был совсем не учён. Сам о себе могу сказать, что пытался испробовать это [его свойство] несколько раз и никогда не разочаровывался. Ибо хотя он и не употреблял схоластических терминов богословия, но по-своему и на народном наречии отвечал мне то самое, что мы выводили не без труда посредством многих и метафизических рассуждений, а у него это получалось так просто и вразумительно, что, казалось, любой вопрос был для него полностью ясен. Признаюсь также, что однажды, желая проверить и выяснить [подлинность его дара], я дерзнул возразить ему с помощью нескольких схоластических доводов, но своими он так меня припёр к стенке, что подвёл меня к одному положению, ложность которого показал с очевидностью. Поэтому, пускай другим я преподавал философию и богословие, но [после этого диспута] остался, с одной стороны, сбит с толку, а с другой – получил здоровое вразумление, напомнившее мне, что, хотя по отношению к своим ученикам я и называюсь наставником, мне всё же есть, чему у него поучиться.

Такой же опыт провёл бр. Эммануил Родригес, автор известных книг, у которого я был сначала учеником, а затем сотрудником в преподавании; [и Пасхалий произвёл на него такое впечатление], что он потом не раз говорил: «Этот брат, будь он

священником, мог бы стать проповедником без всякого дополнительного обучения, потому что, когда я однажды в дороге беседовал с ним о высших тайнах Троицы, Воплощения и тому подобных, он на все вопросы отвечал как нельзя удачнее; и, желая вытянуть из него побольше, я во время того путешествия то и дело выдвигал положения, которые он опровергал с такой легкостью, что не могло остаться ни малейших сомнений: это знание внушено ему не иначе, как свыше».

Также и бр. Иоанн де Мойя, дефинитор этой провинции, засвидетельствовал, что слышал, как Пасхалий, точно заправский богослов, рассуждал о внешних и внутренних божественных атрибутах. С этим же согласуются показания бр. Петра Адама, моего учителя, и других богословов, которые часто-пречасто предлагали ему объяснить наиболее трудные места Писания, и каждый раз со всей очевидностью оказывалось, что он ученик Того, Кому не нужны ни время, ни книги.

[49] Он также мог читать и понимать любые богословские книги, когда ему позволяли занятия; и из прочитанного за это время он собрал для собственного духовного утешения две книги отдельных высказываний и тетрадь [обширных] выписок, в которых содержатся все, какие только можно ожидать от образованного богослова, [размышления] об ипостасном единении Слова (причём выраженные предельно вразумительно и кратко), а также об ангелах и на другие богословские темы. И когда он как-то раз заболел, то всеми силами упрашивал гвардиана, чтобы тот приказал сжечь их после его смерти, ибо по истинному своему смирению не хотел, чтобы в мире остались какие-либо следы или улики, способные принести ему честь или славу.

Однако после выздоровления он начал вносить в свои книги какие-то новые записи на основании недавно прочитанного либо продуманного. Кто-то скажет тут: «Если он так искренне хотел скрыть их в сторону, что аж просил сжечь, почему тогда сам не сделал этого в день своей смерти, получив о ней Божие предвестие?» Так иногда и я сам с собой [размышлял], но Бог надумил меня посмотреть на первые страницы этих книг, и на них я обнаружил [слова], разрешившие мои сомнения. Написаны они были совершенно новыми чернилами на новой странице, явно подшитой к остальным, что легко было определить, сопоставив с другими, на которых почерк был весьма некрасив и очень неразборчив. Итак, слова, которые он написал там, готовясь к смерти, были таковы:

[50] «Во имя Пресвятой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа, трех Лиц и единого истинного Бога, Творца всего видимого и невидимого, Которому слава и держава во веки веков. Аминь. ✠

Я, бр. Пасхалий Байлон, родившийся в городе Торреэзмаса, что при обители Св. Марии Садовой, ради собственного духовного отдохновения написал этот беспорядочный сборник, набрав дословных цитат из ряда святых книг».

Это заглавие, прикрепленное в качестве титульного листа к упомянутым книгам, подсказало мне две мысли. Прежде всего, он отрёкся от всякого тщеславия, указав, что написанное им не было собственным. Затем, поскольку он написал это непосредственно перед своей смертью, о которой получил откровение свыше, то вопреки его прежнему намерению точно также свыше ему было запрещено предавать огню сие [произведение] – столь правоверно оно было и драгоценно.

Далее, одна из этих книг была передана бр. Иоанну де Анхелос, комиссарю, который в то время инспектировал провинцию, а другая остается при мне, и я храню её как великое сокровище и утешение поистине несравненное, ведь, когда я вижу слова, вышедшие из-под руки столь святого мужа, каждое из них мне представляется в точности истинным, так что ни буквы ни прибавить, ни убавить, однако облик рукописи может послужить олицетворением нищеты. Ибо ради экономии места строчки так теснятся, что, кажется, налезают друг на друга; за предложением, завершаемым точкой, тут же идёт следующее; параграфы отделяются просто крестиком, а строка при этом не прерывается; до конца страницы нет никаких полей. Да и сама бумага, на которой он писал, склеена из клочков, которые он тут и там находил по одному и собирал. В этих книгах изложены кое-какие духовные упражнения (образец которых мы дадим ниже), а переплетены они лоскутами грубой ткани, старательно сшитыми вместе, как бы для того, чтобы и снаружи не было недостатка в признаках милой [его сердцу] нищеты.

[51] Говорят, что одну из его книг однажды увидел Его Преосвященство Владыка Иоанн де Рибера (св., пам. 6 янв.), архиепископ Валенсии и патриарх Антиохийский, и, взволновавшись при одном только внешнем виде её, он пожелал познакомиться с её автором поближе и впоследствии проникся к нему особенной нежностью. Сохранив это чувство и к умершему, он просил в подарок часть от его одежды в качестве чтимой святыни. Получив её, сей ласковый и мудрый святитель у меня на глазах облобызал её и приложил к челу, а затем с великим умилением сказал: «Отец провинциал, что же нам делать? Вот такие простецы вырывают небеса у нас из рук. Давайте сожжем наши книги!» На что я ответил: «То не они виноваты, а гордыня наша; её давайте сожжём!»

А когда я рассказал ему о некоторых чудесах, совершенных по призыву нашего святого, Преосвященный Владыка с чрезвычайным волнением сказал, что лучше бы Пасхалий умер в его архиепископстве, ведь тогда бы он мог с должным усердием заняться сбором сведений, необходимых для продвижения дела о его общественном почитании.

[52] Ну и в подтверждение всего вышесказанного мне хотелось бы прибавить здесь к этим словам несколько параграфов, взятых из книги.

«Бог есть дух чистейший и тончайший, совершенно непричастный вещественности и телесности».

«Бог есть совершеннейшее существо, в котором сосредоточены все совершенства, сила, власть, величие, мудрость, красота, щедрость, милосердие, любовь, доброта».

«В Боге нельзя найти различия между разными частями по причине его предельной простоты, так что его бытие является его сущностью, его сущность – силой; сила – волей; воля – желанием; желание – разумом; разум – пониманием; понимание – бытием; бытие – мудростью; мудрость – благостью; благость – справедливостью; справедливость — милосердием, потому что, хотя плоды действий справедливости [и милосердия] противоположны, как прощение и наказание, они суть одно, ибо Его справедливость – это то же самое, что и Его милосердие, а Его милосердие — это то же самое, что и Его справедливость».

«А памятовать о Боге мы должны тремя способами, а именно: познавая Его силу в деле творения, мудрость – в деле искупления, благодать – в деле прославления и воздаяния. Первое памятование относится к Отцу, второе – к Сыну, третье – к Святому Духу».

И это его типичные выражения (позднее я приведу ещё), удостоверяющие единство божественной Сущности и множественность Лиц с такой тонкостью и изяществом, что даже слепому видно: написать их, не говоря уже о том, чтобы понять, невозможно было без особого дара небесного и благодати.

ГЛАВА VI. НЕСКОЛЬКО ЧУДЕС, СОВЕРШЁННЫХ СВ. ПАСХАЛИЕМ ПРИ ЖИЗНИ

[53] Хотя слуга Божий с исключительным усердием старался скрыть от людей дары, ниспосланные ему свыше, и служить их благу скорее примерами, чем чудесами, однако послушание и любовь к ближним иногда заставляли его выходить за пределы, поставленные ему смирением, что проявилось, например, в следующих исцелениях, которые он совершил просто крестным знамением.

Однажды ночью бр. Петру Кабрелья, проповеднику монастыря Вильярреальского, изнемогшему от постоянной кровавой рвоты, показалось, что смерть его уже наверняка близка; однако, веруя, что святая сила, действующая в Пасхалии, может возвратить ему здоровье, он попросил гвардиана, чтобы тот приказал святому осенить ему горло крестным знамением. Поскольку сперва из-за смирения Пасхалия настоятель просьбами не смог ничего от него добиться, то пришлось прибегнуть к заповеди послушания; и как только [приказ] был исполнен, кровотечение в тот же миг прекратилось; так что всё оставшееся до смерти время (а прожил он, как мы говорили выше, ещё четыре месяца) проповедник не страдал ничем подобным.

[54] В той же обители был ещё один [больной] священник – бр. Иоанн Лопес, страшно терзаемый зубной болью. Проведя по этой причине несколько ночей без сна, он не имел сил вместе с остальными участвовать в утрение и других богослужениях. В Успение же, поскольку то праздник великий, он пытался превозмочь свою муку и, собравшись с силами, пришёл на утрению. По окончании мысленной молитвы, когда прочие разошлись обратно по своим келлиям, он остался в хоре один на один с бр. Пасхалием, и тогда уже умильно попросил его ходатайствовать за него перед Богородицей, дабы, справляя с братией празднество, он приобщился общего утешения. На это Пасхалий ответил ему: «Будь здоров; сегодня зубы у тебя болеть не будут». И на самом деле в тот день они не болели.

Зато на следующую ночь будто бы закончилась передышка: вернулась та же боль, да ещё куда сильнее, чем когда-либо прежде. Поэтому, выскочив из своей келлии, он стал носиться по дормиторию, словно бы вне себя, и жалобно вопить. На его громкие стенания сбегались несколько человек (а с ними – бр. Пасхалий), но не могли ничего придумать, как облегчить его боль. Тогда подошёл бр. Иоанн Олакте и сказал: «Брат Иоанн, скажи-ка бр. Пасхалию, пускай он осенит тебя крестным знамением, ибо, когда я был в Валенсии, меня мучила сильная ангина – так он меня перекрестил, и я тотчас выздоровел». При этих словах болящий, вспомнив, что с ним самим недавно случилось, стал умолять святого, чтобы перекрестил его. Но Пасхалий, эдак ангельски улыбаясь, дважды отказался, ласково молвив: «Молчи, негодяй, и не говори такого!» Однако же боль усиливалась с каждым мгновением, и больной пал на колени, сказав

с великим волнением: «Брате, ради милости Божией сжался надо мною, ведь я вот-вот умру! Заклинаю, перекрести меня!» Тогда святой немного помедлил, обратился с пылающим румянцем на щеках и сказал: «Перекрестись-ка сам – с упованием!» И тут всякая боль прекратилась, к великому изумлению присутствующих, которые, прославляя Бога во святом Его, отправились обратно спать.

[55] Бр. Иосиф Идальго в своих показаниях утверждает, что, когда он вместе со святым пребывал в обители Вильярреальской, шея у него распухла и сильно болела. И вот однажды бр. Пасхалий, узнав у него о состоянии болезни, велел ему помазаться маслом от лампы, горевшей перед образом св. Франциска. Сделав это в ближайшую ночь, бр. Иосиф наутро к радости своей совершенно вылечился.

Хайме Маскеса, купец и гражданин Вильярреала, засвидетельствовал под присягой перед комиссариями епископа Тортонского, что как-то раз его мучила страшная боль от колики, и когда он услышал, что святой просит милостыню на улице, велел позвать его к себе и попросил запечатлеть на животе крестное знамение, несколько не сомневаясь, что этого будет достаточно для долгожданного исцеления. Святой отказался, сославшись на то, что он грешник, от которого нельзя просить таких вещей, но поскольку больной упорствовал в своих смиренных уговорах, а муки, терзавшие его, были явно тяжки, Пасхалий, движимый любовью (как в других случаях – послушанием), осенил его крестным знаменем, а как только он это сделал, словно бы разорвался некий канат, стягивавший кишки Хайме, и он тут же почувствовал себя здоровым. Чудо это тем замечательнее, что недомогание, издавна знакомое больному и часто его навещавшее, полностью прекратилось и с того часа больше его не беспокоило.

[56] В том же самом городе девочка по имени Паула Льянсола целых четыре года имела на шее две опухоли, одна величиной с яйцо, другая несколько меньше; и хотя хирург в лечебных целях вскрыл одну из них, но ни он, ни кто-либо другой, кто впоследствии занимался ею, не смогли исцелить болезнь, от которой девочке день за днём становилось всё хуже.

Случилось так, что Пасхалий, проходя мимо, наткнулся на мать и дочь, которые горько плакали: последняя оттого, что недуг казался неизлечимым, первая потому, что недуг мешал дочери помогать ей и незрячему отцу. После того как старушка подробно и горестно описала свои несчастья, бр. Пасхалий сказал: «Утешься, сестра, ибо дочь твоя выздоровеет».

На следующий же день святой нарочно вернулся в её дом (а звали её Хуана Видаль, и замужем она была за Хуаном Льянсой) и спросил, дома ли её дочь. Получив ответ, что, мол, дома, велел привести и снять все тряпки и пластыри, наложенные на язву, а затем сотворил крестное знамение со словами: «Благодать Отца и Сына и Святого Духа да будет с тобою! Аминь». После чего, трижды повторив священные имена Иисуса и Марии, он велел девочке уповать на скорое выздоровление и запретил наносить какие-либо ещё повреждения или вскрывать рядом другую опухоль. И надо же: один из наростов в то же мгновение исчез, будто его полностью удалили, а другой, лопнув в тот миг, когда святой прикоснулся к нему, точно так же сошёл за четыре-пять дней. После этого он наказал девочке, чтобы, возблагодарив Бога, хранила молчание о способе своего излечения, и она верно держалась [этого

приказаний], чтобы не огорчить того, кто, как она помнила, когда-то исцелил её больные глаза. А чтобы она ещё убедительнее после смерти святого могла подтвердить [подлинность чуда], на шее у девочки остался шрамик, который она показывает и по сей день.

[57] Бальтасар Руберт, гражданин Вильярреала, свидетельствовал, что его сын Хосе чуть-чуть бы и умер от горячки, но когда он попросил святого помолиться за него, тот пообещал ему и жене его, что Хосе не умрёт, и обещание подтвердилось последовавшим вскоре исцелением.

Исабель Пальярес, жена Педро Серальты, гражданина Вильярреала, по небрежности не усмотрела за своим маленьким сыном, и он скатился по лестнице наземь, так крепко стукнувшись, что на лбу у него появилась смертельная рана, ибо лестница насчитывала более семнадцати ступеней, а ребёнок стукнулся головой о колонну, точнее, опору дома. Поскольку созванные на помощь хирурги постановили просверлить череп, а мальчик с закрытыми глазами не подавал никаких признаков жизни, мать его весьма встревожилась, и страшась потерять ребёнка, и боясь мужа, который мог вот-вот вернуться домой и всё узнать.

Между тем туда как раз вовремя подошёл святой и стал утешать её, а она с большим напором и верой сказала ему: «Помолись о спасении ребёнка, отче, или хотя бы о том, чтобы он прожил ещё годик; так хоть мой муж не узнает, что он по моей вине умер». На что святой ей молвил: «Раз уж ты, сестра, просишь не о том, чтобы сын твой остался жив насовсем, а только о том, чтобы избавиться от беды, которая тебе грозит от мужа, уповай на Бога, ибо я твёрдо верю, что Он поможет тебе, ну и я со своей стороны твою молитву поддержу».

Было девятое апреля, когда всё это происходило, и мальчик, уже почти мёртвый, открыл глаза и с резвой живостью вырвался из рук матери и стал играть на полу, бросаясь мячиком, показывая на деле, что исцелился, хотя словами выразить этого ещё не умел.

Он оставался здоров в течение всего времени, обещанного святым, а по прошествии года, именно девятого апреля умер от другой болезни – такой лёгкой, что присутствовавшим, как они говорили, показалось, будто мальчик умер понарошку. Но мать, вспомнив, что как раз в этот день заканчивался год отсрочки, обещанной блаженным, и объявив об этом во всеуслышание, вызвала у всех сугубое изумление, особенно у мужа, который, упрекая жену в маловерии, молвил: «Ведь если бы ты без всяких оговорок попросила о жизни, святой даже тогда вымолил бы её – да на многие годы!»

[58] Анхела Гомбан, жена Мигеля Морены, гражданина Вильярреала, вскармливала сына грудью, и у неё на целый месяц пропало молоко, что очень её огорчало, ведь она была бедна, а найти кормилицу, что бесплатно согласилась бы питать молоком её младенца, было бы нелегко. И вот пребывала она в таковой печали, как вдруг мимо прошёл Пасхалий, и она со слезами попросила его помолиться за неё св. Франциску, на что святой ответил со своей обычной любезностью, чтобы не падала духом, ибо скоро у неё будет много молока – что и на самом деле произошло. Ибо, когда к груди, что целый месяц оставалась сухой, поднесли младенца, он, уже отвыкший было сосать, с огромной жадностью впился в неё. Получая вдоволь

молока, он, пока не пришла пора отнимать от груди, быстро похорошел и поправился к великому удивлению соседей, которые знали, как долго у Анхелы молока не было.

Исабель Амсиля, жена Франсиско Фернандеса, гражданина Вильярреала, под присягой наряду с другими свидетелями заявила, что у неё было пятеро детей, каждого из которых она лишилась через четыре-пять месяцев. Когда она их кормила, грудь ей пронзала такая боль, что потом было страшно снова зачать. После смерти своего пятого ребёнка она из милости взялась вскармливать какого-то малыша из нищей семьи (*rauperculum*), но, дав ему грудь, снова испытала ту же боль и лишилась надежды благополучно его выкормить.

Беседуя об этом со своей подругой Хуаной Трульенч, она узнала, что и та страдала от того же, но её вылечил бр. Пасхалий, которого она почитала. Хуана не сомневалась, что, если бы она тоже к нему обратилась, обрела бы исцеление. Женщина поверила словам подруги и, улучив миг, когда инок, собирая подаяние, оказался у её дверей, попросила его вымолить у Бога для неё сил выкормить этого ребёнка, о чем он охотно обещал молиться и, возвратившись через несколько дней, молвил: «Уповай, сеньора, ибо в моих молитвах за тебя недостатка не будет, и на этот раз ты наверняка выкормишь этого младенца». Так и случилось к великому её утешению.

[59] После Исабели давала показания только что упомянутая Хуана Трульенч, которая под присягой сообщила, что сразу после родов ей не удавалось кормить грудью своё чадо, потому что соски растрескались, а груди болели. Эта немочь длилась уже около четырёх месяцев, как святой пришёл к дверям её дома за милостыней, и она в отчаянии поведала ему о своём бедственном состоянии, при котором она была вынуждена кормить свое дитя чужим молоком. Он же, велел женщине уповать, обещал за неё молиться, и в тот самый миг она совершенно исцелилась.

Франсиска Монтаньес, жена нотариуса Франсиско Питарча, гражданина Вильярреала, рассказала, что у нее была дочь по имени Петронилья, которая в четырёхлетнем возрасте, незадолго до смерти святого, страдала серьезными задержками мочи. Когда же прадед девочки, зайдя в обитель, чтобы попросить лекарственных трав, рассказал святому о беде, постигшей его любимую правнучку, то утешился, услышав от него, что она не умрёт от этой болезни. И правда, вскоре она стала испускать мочу с лёгкостью – по заступничеству, как считала вся семья, бр. Пасхалия.

[60] Попытайся я рассказать обо всех милостях, какие святой вымолил для чтивших его женщин, только утомил бы читателя; однако я не могу не сообщить о чуде, известном всем гражданам Вильярреала, что свершилось для Херонимы Вергес, жены Гильермо Монтаньеса.

Она упала с террасы своего дома и при падении сломала бедренную кость, причём вдоль, каковой вид перелома, особенно в этом месте, как заявляли знатоки, вылечить труднее всего; не верили они и в то, что она когда-нибудь сможет ходить без опоры на костыли. Гильермо, сломленный несчастьем, приключившимся с его супругой, обратился к общему утешителю скорбных, который велел ему уповать, ибо в будущем жена его будет расхаживать по дому прямо, но не сказал, когда

именно это произойдет: и это он неизменно повторял всякий раз, когда муж приходил к святому.

Тем временем женщина лечилась у хирургов в городе Борриоль, откуда бедняжка вернулась не только не поправившись, но в таком плохом состоянии, что только через два месяца смогла встать с постели, а затем с огромным трудом снова начала ходить и уже несколько месяцев [могла передвигаться только] опираясь на костыли, и никакие земные средства не давали больше надежды на выздоровление, какового мнения держался также пользовавший её хирург.

Потом случилось так, что святой, умерев, начал творить те поразительные чудеса, какие мы увидим ниже, услышав о которых Херонима, помня обещание, данное Пасхалием её мужу, пожелала пойти к святым мощам, дабы почтить их. Итак, она добралась до погребальных носилок, опираясь с одной стороны на костыль, а со второй – на другую женщину, причём каждый шаг давался ей с величайшим затруднением. Но как только она приложилась к руке [покойного], почувствовала, будто из оной в неё перелилась как бы сокровенная сила, которая пронеслась сквозь всё её тело и скрепила кости. В итоге она смогла вернуться домой без костыля и самостоятельно ко всеобщему удивлению и хвале святого, исполняющего обещания даже после смерти.

[61] Другая женщина из Вильярреала, по имени Каталина Ленсола, рожала уже третий или четвертый день – девочка лежала у неё в утробе поперёк. И не было сомнений, что она умрёт, потому что крови она потеряла уйму. Но когда она послала одного своего сына в обитель попросить у святого молитв, то в тот самый миг, когда мальчик и святой заговорили друг с другом, женщина родила, и живы-здоровы остались и она сама, и чадо её.

В другой раз она же рожала мальчика и, помня о благодеяниях, уделённых ей святым, снова послала просить молитв, и прежде чем посланные возвратились, муки родов уже разрешились.

Однако не было полного счастья. Ибо оказалось, что груди её покрылись огромными язвами! Поэтому она просила святого испросить для неё исцеления у святой Агаты, девы и мученицы. Когда он ответил, что охотно это сделает, женщине стало лучше, а на третий день не осталось и следа от язв – самое настоящее чудо, учитывая, что при десяти своих родах она всякий раз страдала тем же самым, из-за чего на лечение ей требовалось от четырёх до шести месяцев, а для вскармливания ребенка нужно было прибегать к помощи со стороны, чего на этот раз отнюдь не понадобилось.

[62] У одной девочки по имени Франсиска Монсеррада из-за прилива крови к голове началась такая тяжкая глазная болезнь, что через десять дней она полностью потеряла зрение на один глаз: зрачок заволкло мутью. Ей несколько раз пускали кровь, и она носила продетые в шею колючие шнуры аж девять месяцев – ничуть не помогло.

Горюя о том, мать девочки при встрече с некоей женщиной из того же города, рассказала ей о причине своей скорби. «Почему же ты, – молвила та, – не отведёшь дочку к бр. Пасхалию? Он бы её как пить дать вылечил!» Мать послушалась и, подойдя к монастырским вратам, сказала святому: «Ты уже знаешь, отче, как больна

моя дочь. Твёрдо верую, что ваше преподобие сможет вылечить её с помощью Божией. Так молю же, силою дарованной тебе свыше благодати посодействуй, да исполнится просьба моя!» На это святой ей ответил: «Не говори мне такого, сестра!» И тут же подозвав девочку, молвил: «Поди сюда! И перекрести себе глаза со словами: «Знамением Святого Креста – Иисусе, Святая Мария!»

После того девочка пошла на поправку, и в итоге к ней полностью вернулось зрение. Правда, радость не продлилась долго, ибо, когда через несколько дней кровь, возбужденная каким-то чрезмерным телесным усилием, опять подступила к глазам, было решено снова пустить девочке кровь и снова пропустить ей сквозь шею колючую веревку.

При таких-то обстоятельствах подошёл к их дверям святой и спросил мать, как у неё дела. Услышав же вышеописанное, он снова утешил её и велел ободриться, обещав, что девочка исцелится без нужды в членовредительстве. И так случилось, что, когда на следующий день пришёл хирург, чтобы отворить ей кровь, то с удивлением сказал, что необходимости в этом нет, поскольку девочка совершенно здорова.

[63] Святой вылечил Исабель Паскуалу, дочь другой женщины, звавшейся Франсиской Марко. У девочки в течение многих лет шея вплоть до головы была покрыта болезненными опухолями, из которых одна был размером со сжатый кулак, а другие поменьше. Врач не осмелился прикоснуться к ним, но обнадежил мать, что в более зрелом возрасте неприятные наросты исчезнут, поскольку [кровь] при месячных будет очищаться. Но когда у дверей, из-за которых всегда слышался плач малышки от болей в шее, вдруг оказался святой, он осведомился о её здоровье. И исцелил её простым прикосновением рук своих – без каких-либо ещё лекарств.

Но чтобы не показалось, что только женщины пользовались благодеяниями святого, позвольте мне закончить эту главу описанием чудесного исцеления, обретённого в ответ на мольбы одного мужчины по имени Бартоломе Молинер из того же города Вильярреаль.

Его трёхлетний сынишка страдал задержкой мочи. И вот как-то раз, когда ребёнок мучился от этого недуга более двух дней, а никакое лекарство не могло ему помочь (ибо среди песчин, причинявших ему страдания, был камешек размером с ядро кедрового ореха, как стало известно впоследствии), малыш выказывал, как ему нестерпимо больно, вопя изо всех сил и корчась, что не могло не вызывать жуткого сострадания у отца и всех окружающих. Казалось, ребёнок прямо на их глазах умирает.

Как раз когда это происходило, мимо по улице проходил святой. Зайдя в их дом, он увидел мучения сына и скорбь отца, тихонько приложил руку к измученному телу – и вот, словно бы зло не вынесло священного прикосновения, запор внезапно прорвался, и хлынула моча с песком, извергнув тут же и камень, после чего мальчику полегчало, и он выздоровел. Он и поныне здравствует, не испытывая с тех пор никаких неприятностей, ибо от прежних проявлений болезни не осталось и следа.

ГЛАВА VII. О СМИРЕНИИ, БЕДНОСТИ И ПОКАЯННОМ ПОДВИГЕ ПАСХАЛИЯ

[64] Мы увидели и подивились ниспосланным нашему святому благодатным дарам, которые не имеют прямой связи со святостью самой его личности; перейдём же

теперь к тем, благодаря которым он на самом деле стал свят и богоугоден. Среди них на первом месте было смирение, лежавшее в основании всех остальных. Оно было самой заметной чертой Пасхалия, ибо все под присягой свидетельствовали, что замечали это, и единодушно утверждали, что человеком он был смиреннейшим. В том, что это правда, можно убедиться из нескольких нижеследующих случаев.

Когда он был привратником в монастыре св. Иоанна Крестителя в Валенсии, гвардиан этой обители, суровый старик, строжайше выбрал его в трапезной в присутствии всей общины, произнеся несколько слов, более отвечающих его раздражительному нраву, нежели истине; и другой на месте Пасхалия мог бы и потерять терпение. Сказал же тот среди прочего вот что: «Ты так самоуверен, потому что думаешь, будто сокровище у тебя уже в руках, а ведь если не побережешься, сокровище это превратится в медь или в глину!» Всё время, пока он говорил, святой стоял на коленях, уставив взгляд в землю и склонив голову, но лицо его выражало такую внутреннюю радость, будто выслушивал похвалы, хотя братия при этом сочувствовали ему, ведь брат столь высокой святости навлек на себя столь резкий выговор у всех на виду за то, что оставил свою накидку в клуатре на солнце, либо же настоятелю заблагорассудилось таким образом испытать его добродетель. Ну а он по окончании выговора встал и облобызал по обычаю ноги гвардиана в знак благодарности, после чего побежал отворять дверь обители, потому что кто-то позвонил в колокольчик, вызывая его.

Поскольку он там задержался на некоторое время, бр. Иоанн Инсулано, решив было, что он нарочно медлит из-за обиды на полученный выговор, отвёл его в сторонку и сказал: «Брат Пасхалий, наберись терпения!» На что святой ему: «А что такое?» «Ну как же, – молвил первый, – тебя так сурово выбрали!» Тогда Пасхалий сказал с великим смирением: «Брате, знай, что устами нашего гвардиана глаголал Святой Дух!»

[65] Так же ответил он другому брату, который хотел утешить его в связи с тем, что, когда Пасхалий разбил кувшинчик масла, гвардиан, яростно набросившись на него, заставил его носить осколки на шее в знак небрежности и невнимательности. Ибо когда он сказал, что, по его мнению, настоятель преступил меру, так резко высказавшись из-за эдакой мелочи, святой молвил: «Молчи, ибо я поистине воспринял слова его так, будто они были изречены Святым Духом». То же самое произошло и в Вильене.

Был ещё случай, когда монастырский элемузинарий сурово выбрал его за то, что он будто бы с чрезмерной щедростью раздавал милостыню, добытую таким трудом. Пасхалий ни слова не ответил ему в своё оправдание.

И вообще, никому из тех, кто его когда-либо бранил, он не давал ответа более строгого, чем тот, что он высказал каким-то мирянам, которые, не стерпев его справедливого увещания, стали обзывать его козопасом да овчаром: «Не стоит так кипятиться, братцы, ведь за всякое праздное слово человек даст отчёт Богу!»

Наряду с прочими проявлениями смирения он добровольно исполнял одно правило, причём часто и на протяжении всей жизни: когда послушники получали от рук своего наставника благословение, Пасхалий вместе с ними раздевался и бичевал себя.

С наибольшей готовностью он брался за самые низкие монастырские службы, поэтому, если вдруг не находил своего имени в списке, по которому их распределяли, то бежал к смотрителю и умолял не лишать его таковой чести, и в итоге прилежно занимался мытьём уборных и выносом нечистот.

[66] Сия добродетель сделала его настолько чутким, что он скрывал любые события, какие можно было обратить ему на честь.

Она же вынуждала его, если имелся выбор, откладывать для себя из одежды и еды что было похуже.

Она же заставляла его уклоняться от любых начальственных почестей. Поэтому, когда на него однажды в силу послушания возложили обязанность монастырского настоятеля, он не хотел, чтобы это проявлялось внешне, не хотел даже, чтобы у него просили благословения, но поскольку полностью этого было не избежать, вызвался одновременно исполнять обязанности привратника, а потому должен был открывать двери уходящим; и, открыв двери, он прятался за ними, чтобы не наблюдать изъявлений почтения.

Она же сделала для него желанной и сладостной неприметность во всяком деле и слове, что даже по самой его походке и отведённому взору могли понять и те, кто никогда не видал его прежде в других обстоятельствах.

Она же не позволяла ему замечать ничего обидного для себя в чьих-либо словах или поступках; поэтому его никто ни сердитым не видал, ни ропота его не слышал. Если же сам слышал, как кто-нибудь ропщет, то старался не осуждать, но тотчас же припоминал что-нибудь похвальное об этом человеке, чтобы хоть в собственных глазах прикрыть чужой недостаток; он умел обличать и выявлять только свои (пускай и ничтожные) провинности, считая себя недостойным никаких благ, а достойным лишь зол. И не замечал он в отношении себя никакой несправедливости, видя в любых творениях Божиих, от которых сколько-нибудь пострадал, мстителей за недостаток добродетели и благодарности от него.

[67] Чрезвычайно близко к столь глубокому смирению было его беспрекословное соблюдение [бедности]. Чтобы в этом удостовериться, достаточно увидеть его одежду: протёртую, убогую, сшитую из тряпочек – поди ещё найди такого нищего, чтобы носил подобную! Среди множества лоскутков, из которых она была состёгана, редко какой был больше двух пальцев в длину, притом разнородные эти тряпичные лоскутки он отыскивал в мусорных кучах, стирал и припасал. Там же он собирал ещё обрывки ниток и затупившиеся иголки, которые затем затачивал заготовленным на такой случай оселком.

Сандалии он тоже носил старые и изношенные до последней возможности. В светильниках он жёг сосновые лучинки, чтобы сберечь воск, а когда однажды увидел, как инок пролил немного масла, то молвил с великим радением, как бы упрекая его: «И это бедняк?!»

Словами не передать, с каким воодушевлением он увещевал братьев стремиться к настоящей бедности и радоваться штопаным рясам и мантиям не меньше, чем миряне – нарядам; слова же свои подкреплял поступками, в некоторых из которых кое-кто, пожалуй, может усмотреть чрезмерное [рвение]. Так случилось, что какое-

то тряпьё с внутренней стороны он носил в течение восьми или десяти лет и латал его такими грубыми клочками шерсти и льна, в итоге нельзя было различить, из чего состояла основная ткань, ибо она, будто щитом, покрылась твёрдым слоем.

Итак, я и все, кто его знает, осмелимся сказать, что хотя я и видал много иноков, любивших бедность, однако ни один из них не был подобен ему в питании и одежде.

[68] Он никогда не позволял себе надеть новой одежды, предпочитая убогие обноски с чужого плеча. Когда же в Хумилье ему пошили новую рясу, а для доделки [рясы] другому [монаху] не хватало тех кусков, которые вшиваются в талии и позволяют расширить полы, Пасхалий выдрал их из той рясы, что ему подарили, и вернул, сказав, что ему хватит остального, поскольку он худощав. Однако, когда он сшил оставшиеся части, ряса так сузилась в ногах, что он едва мог шаг ступить на ходу. По этой причине однажды в городе Мурсии какие-то церковные служки выгнали его взашей, но он не только не пенял ни на что, но, скорее, себя винил за дурацкую походку.

Если случалось ему, споткнувшись, поранить одну ногу, то он надевал на неё чиненую сандалию, а другая нога оставалась босой; а тем, кто спрашивал причину, отвечал, что ему кажется несправедливым, когда здоровый пользуется теми же удобствами, что и больной.

В пище от также придерживался бедности и не ел почти ничего, кроме кусочков и крошек хлеба, собираемых [со дна] корзин, а на закуску, что он добавил [к этому пайку] в Хумилье, были объедки с предыдущего дня, какие он наскребал из горшков [выставляемых для] нищих, а также остатки редьки или латука, [попадавшие] среди выброшенных костей.

В его келлии вы не увидели бы ничего, кроме старой рваной подстилки, деревянного креста и бумажной иконки Богородицы, ну и ещё тростниковой чернильницы с тощей стопкой подшитых бумажек, на которых он вёл записи, как мы упоминали выше. И это была вся его утварь, насколько пред взором человеческого презренная, настолько же пред божественным – угодная, что и подтвердилось чудесами, которые совершались от прикосновения к этой убогой рухляди.

[69] Из бедности проистекал строгий подвиг, ибо бедность воплощалась в бедной и скудной пище и одежде, а это есть подвиг, а он у нашего святого был так необычен, что сколько бы я ни сказал о том, мне всё равно кажется, что я сказал мало.

Ведь обычная его одежда всегда состояла из одной лишь рясы, хотя он по многу лет жил в обителях в холодных краях, таких как горы Хумильи и Альмансы, где даже самым ревностным инокам, пускай на них будет по две рясы и плащ, приходится то и дело подбегать к общему очагу, но и при этом им нелегко переносить морозную зиму. А он всегда ходил без чулок среди льдов и сугробов!

Как могла помочь ему согреться власяница, со вплетёнными в неё колючками чертополоха, которую он иногда надевал, или вериги, сделанные из лужёной жести, испещрённой дырками? Да никак! Причём эту власяницу из конской щетины, которая была ему милее кружев голландских, сукна и одеяния пасхального, он уплотнил грубой цепью, часть колец которой обернул кусками грубого полотна,

чтобы при ходьбе и работе они не звенели от соударений и не подсказывали любопытным, сколь суров его подвиг.

[70] Но вдруг скудость одежды он возмещал обилием пищи? Так нет же! Ибо он не позволял своему измождённому постом телу даже того, что в общем порядке допускается в ордене, но, когда другие ели мясо, чаще всего вкушал один хлеб. Только иной раз он дополнительно брал ещё и похлёбку, да и то (для борьбы с горганобесием) уже остывшую, а мясо ел до крайности редко и почти никогда не обедал.

Обычно он постился каждую пятницу, да и много дней в году на хлебе и воде; сверх того, в течение всех первых десяти лет он соблюдал такой пост три раза в неделю. Никогда не вкушал ничего между общими трапезами: ни ягодки какой, ни виноградинки.

В праздники же Рождества и Воскресения и в других подобных случаях, когда верующие обычно бывают щедрее в подаяниях, чтобы иноки могли прикупить себе чего-нибудь повкуснее да побольше, он особенно заботился об умеренности и не желал, чтобы ему подавали кушанья в разных тарелках, а всё разом смешивал в одну миску.

Между тем было немало таких, кто время от времени ставил опыты, не станет ли он есть мясо, приготовленное для него; и они замечали, что, тщательно скрывая свое воздержание, он вкушал только чуть-чуть овощей, что подавались неварёными, само же [мясо] едва ли когда ел, но [возился с ним], будто ест: вынимал кости и резал на кусочки (которые потихоньку подкладывал в миску для нищих).

[71] Когда в кануны вышеупомянутых торжеств иноки сходились после обеда, чтобы чуточку перекусить, как тогда было принято, изюмом, или инжиром, или фруктами, какие в ту пору было легче найти, он сам, исполняя должность трапезничего, приносил эту снедь, а затем удалялся на хор помолиться, потому что не желал этим маленьким утешением потакать своему изнурённому телу, которое он сораспал со Христом, и ни на миг не давал ему послабления, хотя из-за этого некоторые обвиняли его в желании выделиться.

Если же по повелению настоятеля ему не удавалось ускользнуть, то, телесно присутствуя на ужине, он умом удалялся в созерцание тех божественных таинств, что Церковь празднует в сии дни. При такого рода созерцании он однажды испытал исступление духа: сначала он сидел на каменной скамье вместе с другими (в тот раз на кухне, потому что [иноки] собрались там на ужин из-за стужи), но раньше времени вскочил, с великим пылом крича и вопия, так что его, обхватив руками, едва могли удержать трое или четверо братьев – и то прилагая все силы. Тогда настоятель, видя, что у них уже слабеют руки от усилий, сказал громким голосом: «Бр. Пасхалий, ради святого послушания повелеваю тебе успокоиться!» И он тотчас же успокоился, но остался так отчужден от своих чувств и так слаб, что замертво упал наземь, после чего его подняли на руки и вынесли в келлию.

Подобный случай однажды произошёл с ним в обители Богоматери Леридской, где, подготовившись во время Апостольского поста к празднованию Пятидесятницы, он в тот самый день и в третий час, когда Святой Дух, явившись, наделял народ Свой

дарами, а иноки единодушно молились, не мог удержаться, но, ко всеобщему изумлению, громко воскликнул.

[72] Бичевал он себя почти каждодневно, особенно в дни памяти мучеников: как для того, чтобы в праздник святого приобщиться мученическим его страданиям, так и для того, чтобы муку сию пожертвовать Богу вместо мученичества и засвидетельствовать, что готов за Него всю кровь свою излить. Замечено было также, что особенно много он бичевал себя в праздники св. Михаила и ангелов: девять раз за день, читая псалом Miserere (Пс. 50, «Помилуй меня, Боже». – прим. пер.) в честь девяти чинов ангельских.

В болезни не допускал никаких послаблений из рода тех, что предоставляют даются другим: ни матраца, ни одеяла; а врачебному лечению поддавался только вынужденно – по прямому приказу настоятеля. За все же время болезни, как бы ни были сильны муки, никогда не слышали от него ни единого стога. А как только горячка спадала, он вставал с постели и шел на хор или в часовенку при самом лазарете, чтобы помолиться; при этом иногда оказывался настолько слаб, что мог подняться по лестнице, только опираясь спиной о стену.

Однажды, когда он страдал четверодневной лихорадкой и не хотел при этом лечиться, я высказал в связи с этим беспокойство, на что он ответил: «Да будет тебе ведомо, брате, что я страдаю четверодневной не от какой-либо естественной причины, но по особой воле Божией».

Когда он в другой раз ею занемог, гвардиан прямым приказанием заставил его есть мясо. Он-то послушно поел его, но зато ночью бичевал себя сурово, возмещая плоти ущерб подвига, каковой он накануне потерпел, хотя в этот день лихорадка возвратилась.

[73] Кроватью ему в Альмансе служила тростниковая циновка, подушкой – деревянный чурбак, а накрывался он убогим покрывалом. Долгое время он жил там под звонницей, в келлии настолько бедной, что в ней не было двери – она вообще никак не закрывалась. В других местах, уже достигнув преклонных лет, он спал на досках, застилая их овчинкой. Но и во сне он не переставал терзать себя и, чтобы лишить тело полноценного отдыха, скручивался как бы в клубок, касаясь ртом коленей, и так подворачивал покрывало, чтобы тело никак не смогло вытянуться.

Когда во время выхода в город ему доводилось сидеть вместе со спутником в каком-нибудь доме, он, избегая кресел, высматривал себе какую-нибудь скамеечку для ног, причём, как замечали, и на ней он обычно размещался одним бедром, а другое оставлял на весу, чтобы помучить себя.

Впрочем, увещевал он и других братьев, особенно младших, обращаться со своим телом сурово и, часто соблюдая пост на хлебе и воде, подчинять его духу. Увидев же однажды в келлии у одного инока яблоки, святой спросил его, почему он держит у себя съестное. Когда тот ответил, что имел их при себе не как пищу, а только чтобы при виде их увядания благословлять Господа, святой заметил: «Да будет тебе ведомо, брате, что тот, кто добровольно держит у себя в келлии что-нибудь из съестного, никогда не стяжает духа совершенства». Эту фразу я услышал и тщательно запомнил.

ГЛАВА VIII. О МОЛИТВЕ И РАЗМЫШЛЕНИЯХ СВ. БР. ПАСХАЛИЯ

[74] После того, как Пасхалий ушёл из мира (ведь и там он, как мы говорили, молиться любил чрезвычайно) в монахи, он исполнился столь радостным духом, что, даже когда был полностью занят, перед очами ума его всегда зримо предстоял Бог, и это проявлялось внешне. Даже когда он оказывался среди толпы мирян, лицо его неизменно сохраняло такое живое, ясное и безмятежное выражение, что всякий, кто его наблюдал, замечал на его лице и в глазах словно бы постоянную улыбку.

Ну а взор свой и лик он так часто обращал к небесам, что порой не видел, куда ставит ноги. Так, когда однажды ночью он вышел из хора, где долго молился, то не заметил, где ступил, и с таким грохотом свалился с верхней ступеньки, [скатившись] до подножия лестницы, что я (как раз тогда занятый учёбой) услышал звук падения и собрался было выйти из келлии, но всё внезапно стихло. Чуть позже он оказался у дверей моей келлии, робко постучался и попросил огня. Глянув на святого, я увидел, что у него на лбу вздулась здоровенная шишка, из чего понял, что это он упал, хотя от самого Пасхалия о том было бы не дознаться. Никаких примочек от своего ушиба он не желал и не позволил мне выйти из келлии, чтобы я искал их, а сам с великим терпением тихо возвратился к себе, хотя ударился так крепко, что последствия полученных тогда повреждений сказывались на протяжении всей его дальнейшей жизни.

[75] Он никогда ни за что не брался, не испросив в молитве воли Божией о том, что ясно видно из следующего примера.

Обители срочно требовалось решить один важный вопрос. Гвардиан знал, что если провинциалу напишет святой, то помощь придёт немедленно, и потому попросил Пасхалия, изложив суть дела. Итак, святой пошёл в келлию писать письмо с полученным для этой цели листом бумаги. Через некоторое время гвардиан, желая узнать, закончил ли он, внезапно отворил дверь в келлию и обнаружил, что святой стоит на коленях в молитве, а в руках держит бумагу, прося Господа направить его перо и подсказать изнутри, что по воле Его должно быть написано.

И так он поступал не только при событиях большой важности, но и в самых мелких делах. Как-то раз, когда остальные спали, несколько иноков, проходя мимо его келлии, слышали, как он там внутри вздыхал и стонал. Как раз поэтому, опасаясь, что его в любой миг могут за этим застать, он нередко удалялся в сад, где с Иисусом своим вёл сладостные беседы вне посторонних взглядов.

Некий брат в Хумилье подозревал нечто, а поэтому, чтобы подсмотреть, чем Пасхалий занимается, спрятался там и увидел, как он пробирается в какие-то древесные заросли, часто перебирая руками, словно бы в тщательных поисках чего-то, и нежным голосом издаёт благоговейно-пылкие молитвенные восклицания (*jaculatorias*), которых, как утверждал тот инок, он не запомнил.

Зато мне удалось отыскать такую их запись – рукою самого Пасхалия.

[76] «Научи меня, глубочайшая Бездна, творящая Мудрость всего сущего, Ты, Кто взвесил на божественных Своих весах великие горы и холмы, а груз земли поддержал на трёх перстах (ср. Вулг. Ис. 40:12)! Поддержи, Господи, груз телесного

бремени, которое я ношу, Своими тремя незримыми перстами, да увидит оно и познает, сколь дивен Ты во всяком творении!

Ты – высший Свет, Который сиял прежде всякого иного света во святых горах (ср. Пс. 86:2) исконной вечности Твоей; Кому всё было явственно видно прежде создания. О Свете, чуждый всякой нечистоты, какая же радость Величеству Твоему сынами человеческими? (ср. Прит. 8:31)

Как получилось, что Ты приготовил во мне престол, достойный Твоего царственного величия, на который Тебе восходить угодно? Как вышло, что человек может быть храмом Твоей чистоты и Тебя в себе принимать?»

Таким образом, не проходило у него ни одного часа во дню, не испещрённого множествами таких молитв, при коих он целиком сосредотачивался в себе, вкушая носимый в душе своей рай. А заимствовал он сии слова, по-видимому, из евангельского учения, содержащегося в его записях и [других] подобного рода книгах.

[77] «Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17:21) – говорит Спаситель. Что это за царство? А именно то, о чём апостол говорит в 8 главе Послания к Римлянам: «Праведность и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14:17), где праведность означает как бы корень всякого добра, а мир и радость – как бы плоды от этого корня, составляющими наш покой и счастье. Также оно прообразуется для нас двумя именами Мелхиседека, которого называли Царём Справедливости и Царём Мира (ср. Евр. 7:2). Ибо сии два сопровождают друг друга, ведь никогда не бывает ни мира без праведности, ни праведности без мира. Поэтому напрасно трудится тот, кто ищет мира и истинной радости вне праведности и доброй совести».

Вот [что содержалось в упомянутом выше отрывке из записок] его. А в другом месте он пишет так:

«Позволь любить Тебя, Господи, сила моя (Пс. 117:14), прибежище моё, Избавитель мой (Пс. 17:3) в бедах и опасностях. Что мне на небе? и чего мне помимо Тебя желать земле?! (ср. Вульг. Пс. 72:25). Истомилась душа моя и плоть моя в устремлении к Величеству Твоему (ср. Пс. 83:3), ибо Ты – Бог сердца моего и часть моя, (ср. Вульг. Пс. 72:26) и достояние моё вовек (ср. Пс. 36:18)».

Сии и им подобные слова произносил святой среди тех деревьев у обители св. Анны-на-горе. А когда тот, кто подсматривал за ним там, попытался скрыться, Пасхалий терпеливо и со свойственной ему терпеливостью и лаской обнаружив пред ним в некоторой мере свои чувства, сказал: «Почему ты гонишь меня?» (ср. Деян. 9:4)

[78] В обыкновении его было молиться с таким вниманием и пылом духовным, что, не сознавая ничего внешнего, он погружался в Бога – иногда даже видели, как он возносился над землёю на высоту до одного локтя. В частности, бр. Андрей Родригес признался, что в Хумилье, когда случайно зашёл в хор, увидел [как святой парит в воздухе], и что, увидев сие, устранился.

Также некая женщина, Франсина Себастьяна из Вильярреала, сообщила, что в Великий Четверг видела, как Пасхалий молился перед Св. Тайнами; причём на

протяжении пяти часов подряд всё тело его было совершенно неподвижно, словно бы он был пригвождён к земле.

При литургическом жертвоприношении он держался так благоговейно, что подобным же чувством вдохновлял всех, кто наблюдал это. Довольно часто замечали также, что, когда Пасхалий при сем действе прислуживал, то, преклонив колени и сложив перед лицом ладони (что было его самым обычным положением при молитве), он проливал обильные слезы.

Та же Франсина, особенно почитавшая святого, заметила за два или три дня до того, как он заболел, что в течение всей мессы, на которой прислуживал, он вроде бы как ей улыбался; и уж ясно она рассмотрела, как он весь сиял улыбкой, когда переносил книгу с угла Послания в другой [угол алтаря], называемый Евангельским. Ну а дней через десять она прослышала о его кончине, и с тех пор ей неоднократно приходила мысль, что та улыбка была признаком, что он получил некую весть о грядущем своём славном конце.

И с этим свидетельством согласуются показания нескольких братьев, утверждающих, что в те дни они заметили в нём некую необыкновенную радость, которая заставляла его улыбаться на ходу и напевать, словно его ободрила какая-то чрезвычайно радостная новость.

Он также весьма почитал Царицу Небесную и розарий Её, что понятно отчасти из его сочинений, а отчасти было видно из того, с каким постоянством он перебирал чётки. Если же руки оказывались потребны для какой-нибудь работы по послушанию, он высвобождал их, накинув на шею сие Богородицыно ожерелье, с которым не расставался до последнего вздоха.

[79] Кроме того, дабы удовлетворить тех, кто в стремлении подражать ему, желали бы увидеть образчик его духовных упражнений, я перепису сюда из его книжки кое-какие заметки о молитве и медитации.

«Размышление, – молвит он, – это усердная работа разума, взыскующего познания скрытой истины.

Молитва – это благоговейное и внимательное возведение ума к Богу для отвлечения зла и стяжания желаемого блага.

Созерцание – это высокое воспарение к Богу души, которая, уже умершая для мирских вещей, вкушает радости внутреннего мира и умиления.

Покой и святая тишина суть плоды созерцания, и именно к ним наипаче устремлена созерцательная жизнь.

Чтение – это прилежное рассмотрение Писаний с привлечением разума.

«Я говорю, – молвил св. Бонавентура, – что наша речь и наша молитва содержат желание чего-то или просьбу, соответствующая нашему желанию». А славный св. Златоуст, поучая, что молитва есть начало и причина великих благ, говорит так: «Может ли быть что праведнее, или прекраснее, или святее, или мудрее, чем общение и разговор с Богом?» Ведь если общающиеся с мудрыми быстро становятся мудры (ср. Прит. 13:20), то что мы скажем о тех, кто постоянно разговаривает с

Богом и советуется с Ним обо всех своих делах? О, сколько мудрости, сколько добродетели, сколько благоразумия и благости, и умеренности, и ровности нрава приносит с собою молитвенное радение!

Не ошибётся поэтому тот, кто скажет, что молитва является причиною всякой добродетели и праведности, и ничто из того, что необходимо душе, не может войти к ней, если отсутствует молитва; хуже того, как город, лишённый стен и оборонных укреплений, обеспечивает врагу лёгкий доступ, так душа, не ограждённая молитвой, легко одолевается бесом и наполняется пороками.

Кто выскажет мысль, что молитва – это как бы духовные мышцы души, не отступит далеко от истины, ибо если тело во всех своих частях движется посредством мышц, из которых оно сплетено, и они так необходимы телу для жизни, что при их удалении весь его строй и лад тотчас разрушаются; то и души посредством мышц молитвы остаются крепки, пригодны к духовной жизни и совершенному подвизанию на поприще добродетели.

[80] Причина, по которой Бог сотворил нас, столь убогих и лишенных добродетелей, заключалась в том, чтобы мы упражнялись в молитве и посредством неё тянулись к Нему и просили у Него добродетели.

Молитва так необходима нам, что без неё мы не можем жить в согласии с Богом. И сия деятельность (*virtus*) подобна залогоу, которого взыскует с нас Бог, дабы удержать нас в соединении с Собою; ведь Он знал, сколь полезны будут для нас Его присутствие и защита, сколь опасно для нас даже на секундочку отлучиться от Него.

Поскольку Бог паче всего желает одарить нас Своими милостями, то чего бы ни просил, твёрдо веруй, что Бог даст тебе то, о чём просишь (ср. Мк. 11:24). Ты ничего не просил бы, не побуди тебя к тому предварительно воля Божия, ибо Его готовность дать ответ и согласие на твою просьбу несравненно сильнее, чем твоё желание просить, и Он ждёт, когда же мы наконец попросим чего-нибудь. Итак, скорее тебе нужно будить в себе склонность просить, ведь (несмотря на то, насколько, собственно, необходимо то, о чём просишь) склонность Бога давать ещё больше.

Настойчиво и усиленно настраивай свою душу желать только того, что угодно Богу, и очисти свою волю от желания всякого блага и пользы, коего ты бы мог таковой волей достичь, за исключением самой воли Божией, которая превыше всего достожеланна, и того, к чему божественное Величество изволит внушить нам стремление, дабы, обретя сие, мы служили Богу усерднее и глубже любили Его. Все твои прошения и молитвы всегда должны быть ознаменованы таким намерением. А когда просишь, проси с любовью и чрез любовь, с настойчивостью и дерзновением.

Отврати ум свой от вещей мира сего и помышляй, что в нём нет ничего, кроме Бога и души твоей; и сердцу своему нисколечко не позволяй отвлекаться на сии [мирские помыслы].

Пускай смягчает все наши [чувства], как масло, сокровенное простое смиренномыслие; сознание, бодрствующее над собою; божественная любовь.

[81] Существуют четыре степени совершенства, а именно: душа, совлекшаяся всех сотворенных вещей и, более того, отвращённая от своего тела; душа, соединённая с Богом через дух и волю; душа, сроднившаяся с Божественным Величием; душа, принимающая всё, что ей ниспосылается, как бы из рук Божиих – с неизменным благодарением.

Два есть способа созерцания. Один – посредством тварных явлений в разуме, и способ сей весьма сложен и затруднителен, потому что осуществляется усилием воли и разума на протяжении определённого времени; и хотя он имеет много преимуществ, тот, кто основывается на нём одном, никогда не достигнет совершенства и не является духовным человеком в чистом и безусловном значении слова. Другой способ почти без труда, а также почти без затрат времени и при этом с величайшими заслугами устремляется к совершенству, но способ сей сокровенен, и немногие находят его. А называется он разными именами: то влиянным знанием, то сокровенной премудростью, иной раз мистическим богословием, а иной раз подвигом чаяния, ибо обретается он на пути чаяния, каковое есть вскормленный мощными и живыми устремлениями любви огонь пламенный, горящий в сердце, который питает и укрепляет благоговейную душу, постоянно обновляя расположения воли.

Божественная Благодать по бескрайней милости Своей зажигает сей огонь божественной любви в недрах души любящей, а за ним следует мирное и совершенное созерцание, в котором только и может поддерживаться горение этого любящего пламени, что уподобляет душу печи, через которую оно поднимается, дабы ввергнуться в то вековечное средоточие, откуда и проистекла наука любви божественной и раскалённые уголья огня её.

Мирное созерцание и предел, к которому любовь сия устремляется, – то любовь непреходящая, которая, возгоревшись в этой жизни, никогда не угаснет и не перестанет гореть, пока не достигнет вечной жизни.

Созерцать в точном смысле слова означает в чистой и безоглядной любви возносить к Богу душу, не облакаясь тучами или мраком познания тварных вещей, особенно тех, которые ниже разумной души».

Таковы собственные слова святого, а далее они явственно раскрываются в упражнениях.

[82] «Когда, проходя «путь очищения», ты на нем некоторое время на нём задерживаешься, сие должно служит тебе к пониманию твоей малости, убожества и низости. Когда же ты проведёшь несколько лет в размышлениях о Страстях Господа Иисуса Христа и Его святейшей жизни; когда, наконец, ты познаешь Бога в Его творениях и возрастёшь в добродетелях при глубоком понимании самого себя, начинай с великим смирением посвящать свои силы и время так называемому «пути просветления», который состоит в благодарном познании благодеяний божественных, [а затем] – так называемому «пути единения», [закрывающемуся] в сладостном переживании любви и милости Божией.

Ну а сжатое описание упражнений, соответствующих пути просветления, таково.

В понедельник ты должен с большим прилежанием размышлять о милости созидающей, говоря: «Благодарю Тебя, Боже мой и Царь Всевышний, за то, что Ты предопределил меня от вечности и возлюбил меня любовью нескончаемой. О друг мой, пламенно любящий, отец мой, слава моя, надежда моя, когда же я полюблю Тебя верной любовью?! когда же я в сердце свою приму Тебя?!»

Во вторник – о милости приятия, говоря: «Благодарю Тебя, Господи мой Вышний, Коему благоугодно было приять меня в Сыне Твоём возлюбленном, не пощадив Его. Благодарю Тебя, Господи, за то, что Ты даровал мне Святого Духа в знак усыновления, как залог любви, как кольцо обручальное, ради причастия Его дарам, плодам и святым вдохновениям». И тогда же благодари за все таинства.

В среду размышляй о милости призвания, говоря: «Благодарю Тебя, Господи мой и Боже Всевышний, за то, что, сколько бы ни блуждал я, Ты всякий раз возвращал и восставлял меня, то внутренними вдохновениями, то внешними вразумлениями».

В четверг – о милости оправдания, говоря: «Благодарю Тебя, Господи мой и Боже Всевышний, за то, что Ты соизволил изменить волю мою так, что все покаянные подвиги, прежде внушавшие горечь, ныне сладостны мне».

В пятницу – о милости дароносной, говоря: «Благодарю Тебя, Господи мой и Боже Всевышний, за то, что Ты наделил меня природными дарами восприимчивого разума и цепкой памяти, даром крепости и сообразного телосложения, благодатным даром правой веры и жажды подражания [Христу] и т.д.»

В субботу – о милости заботливой, говоря: «Благодарю Тебя, Господи мой и Боже Всевышний, за то, что Ты сохранил мне бытие, ежедневно давая силы расти, здравствовать и радоваться, хотя я сам по себе ничто».

В воскресенье – о милости душеспасительной, говоря: «Благодарю Тебя, Всевышний Боже, за то, что Ты одарил меня радостями райскими, сверх потребностей моей природы уделив мне познание Божества, видение Искупителя моего и Преславной Матери Его. О Господи, каким счастьем будет мне видеть Царя Небесного в Его великолепии и Владычицу мою Деву Марию в полноте обожения и прославления!»

[83] Помимо того, дабы пробудить внимание и направить мысль к каждой из упомянутых милостей, стоит использовать несколько возгласий: «О Высшее благо! о Глубочайшая вечность! о Непостижимое величие! о Друг вселюбезный! о Милый гость! о Сладость святейшая! о Царь славнейший! о Учитель всемудрый! о Избавитель всеильный, о Искупитель прещедрый! о Хранитель преусердный, как же, Господи, воздать Тебе по достоинству благодарность за такое множество благодеяний, даров, милостей?!»

Восклицания такого рода нужно использовать не только в сих упражнениях на пути просветления, но и в других упражнениях. Также при рассмотрении упомянутых милостей нужно припоминать какие-нибудь примеры из Писания, сосредотачиваясь и говоря: «Благословение, премудрость, слава, благодарение, честь, сила и крепость Богу нашему на все веки веков! Аминь» (ср. Отк. 7:12).

Поскольку же молитва для полноты своей требует наличия трёх частей, а именно: признания проступков, просьбы о милосердии и благодарения, то следует знать, что

благодарение Богу есть не что иное, как пробуждение внутреннего расположения видеть в Боге неограниченного Владыку всего на свете, от Коего проистекают все блага; и в силу этого [расположения] тот, кто получил свыше какое-нибудь благо, счастлив от осознания того, что благодаря сей милости становится всё более неспособен служить подателю всякого зла, и счастлив от понимания, что готов больше любить Подателя всякого блага и лучше служить Ему.

[84] Наконец, я нашёл [следующие] записи, озаглавленные «Упражнения на пути единения».

«Итак, брате, приступив к молитве и оградив себя знамением святого Креста, сосредоточившись внутри духом, поставь себя на место сына и невесты, вчувствовавшись в любовь их, настройся на размышление о том, как достохвален и совершенен Бог, и учись вкушать в сих размышлениях благодать Господню (ср. Пс. 33:9) таким образом.

Прежде всего, в понедельник ты должен с любовью размышлять о том, что Бог является создателем всего, то есть началом и целью сущего; и от Его воли всё зависит.

Во вторник помышляй, что сей Возлюбленный твой – краса вселенной, и все создания сотворил прекрасными; Он тот, чьей красоте дивятся солнце и луна, во что желают проникнуть Ангелы (1 П. 1:12)

В среду подумай, что Тот, Кого ты с любовью взыскуешь, есть слава мира, и Ему поклоняются ангелы, Его восхваляют архангелы, пред Ним трепещут силы, и Кому, в итоге, все служат.

В четверг осознай, что Тот, Кого ты любишь, сам чистая любовь, и что пребывающий в Нём пребывает в любви, и Бог в нём (ср. 1 Ин. 4:16). Кроме того, как огню по природе свойственно гореть, поджигать и нагревать, также и любви Божественной присуще творить, щедро изливать свои милости, воспламенять любовь, озарять, спасать, искупать, оберегать, избавлять и просвещать.

В пятницу сосредоточься на том, что Тот, Кого ты стремишься любить паче всего, является правилом и образцом всех вещей.

В субботу рассмотри, что тот Делатель неба и земли, Кого ты любишь, оставаясь в полнейшем покое, безо всякого изменения в Себе, правит миром силою вечного разума.

В воскресенье признай, что тебе более чем достаточно одного лишь Того, Кого ты сердечно алчешь, и тот, кто обрёл Его, обрёл полноту всего, что нужно.

[85] Кроме того, при каждом из сих упражнений могут пригодиться следующие возгласения: «О Господи, Ты любовь моя, честь моя, надежда моя, убежище моё, жизнь моя, слава моя, цель моя! О Любовь моя! О Блаженство моё! О Спаситель мой! О Радость моя! О Проводник мой! О Учитель мой! Если представит мне или предложат что-нибудь иное, помимо Тебя, Господи, не взыщу и не пожелаю того, ибо одного Тебя, Господи Боже мой, мне более чем достаточно, Отче мой, Братия мои,

Кормилец мой, Управитель мой, Хранитель мой, безраздельно желанный, достолюбезный, верный.

Также и молитва преклонения – предпочтительно мысленно, а не устно – должна совершаться по такому образцу: «О превознесённый Господи, душа моя преклоняется пред Тобою за праведные суды Твои, ради нашего искупления свершённые в Твоём возлюбленном сыне».

Благодарение стоит начинать так: «О, всепревосходящий Господи, душа моя возносит Тебе благодарение и хвалу за пламенную любовь, которую Ты возлюбил меня прежде создания мира, в силу коей Ты предызбрал меня и соделал меня христианином, и обратил меня, и избавил меня от мира». Собственно, эти слова мы можем молвить в благодарение за любую милость.

Молящемуся также подобает поминать драгоценные тайны жития Господа нашего Иисуса Христа, говоря: «О Господи, чрез святое Твое Воплощение, помилуй меня, грешного!» [и. т. д.]

Череду этих упражнений удобнее всего, как мне кажется, проходить в ночные бдения, лишив тело всего избыточного и не давая ему пищи и сна свыше предельной необходимости, позволяющей ему нести тебя по пути любви; ведь созерцательная душа заботится о теле только в меру обязанности, то есть лишь из любви к Богу, Коему стремится угодить, и потому что Божественное величество так повелевает.

Душа праведная, прошедшая путь очищения и просветления и стойко старающаяся блюсти мир внутренний, обретёт сокровенную мудрость и вкусит сладость, которую Бог дарует любящим Его (ср. Иак. 1:12). Удали от себя целиком себялюбие и возымей к себе совершенное отвращение; пускай тебе искренне и от всего сердца захочется быть всеми презираемым, огорчаемым, угнетаемым и унижаемым. И не помышляй при этом, что радоваться и веселиться обидам – это что-то великое, ведь ты знаешь, что справедливо заслуживаешь их по множеству тяжких грехов твоих».

Собственно, этих разрозненных выдержек (собранных, однако, из одной его книги) достаточно, чтобы представить молитвенную и созерцательную жизнь человека, который такое смог понять и описать.

ГЛАВА IX. ГЛУБИНА ВЕРЫ, ПОЧИТАНИЕ ЕВХАРИСТИИ И БОГОРОДИЦЫ

[86] Великую живую, твёрдую и горячую являл святой веру, так уверенно и убедительно вещая о тайнах её, что все просто дивились; и старался помочь душам принять и впитать всё то, что вера нам в образе таковых [тайн] сообщает. Наипаче же примечательно, с каким удовольствием и наслаждением он рассказывал о жизни и чудесах, страстях и смерти Господа нашего Иисуса Христа. Делал он это столь выразительно и ярко, будто лично присутствовал при каждой из сих тайн.

Однажды в Хумилье, получив послушание поведать братии слово о Рождестве Христовом, он говорил так, словно бы сам, будучи пастухом в поле, оказался одним из тех, кому ангел благовествовал сию великую радость, и вместе с ними видел ясельки, и почтил Младенца, положенного в них. В продолжение сего поведал, как Мать завернула Его, плачущего, в лоскут ткани и дала Ему свою грудь под ликование и торжественное пение воинств небесных. При этом он то и дело

произносил священные имена Иисуса и Марии, да с такой нежностью и благоговением, что было совершенно очевидно: сие начертано у него в глубине сердца. О времени же и месте Христова рождения я нашёл такую его запись:

[87] «Славная Дева Мария зачала вседрагоценного Своего Сына от Святого Духа, и потом 25 декабря, в тихую и покойную ночь произвела на свет единородного Своего в убогонькой хибарке. Итак, Он родился из пречистого лона Пресвятой Девы Марии, которая была дочерью святого человека Иоакима и его законной жены Анны; и родила Она Его по расчётам историков в 5199 году от сотворения мира, а от основания Города – 742, в год правления Цезаря Августа Октавиана – 42.

Когда же Преславная Царица Небесная оказалась в той развалюхе, осиял Её свет прекраснейший; и настал тогда в полночь воскресенья час Всесвятого Рождества; и родился Господь наш Иисус Христос под скалою, что была близ гостиницы. Итак, повторю, Иисус Христос, Бог наш, Солнце правды, родился и просветил нас и посетил нас с высоты (ср. Лк. 1:78)».

А ниже [он пишет:] «По божественному рождению у Христа есть Отец и нет матери; по человеческому – есть Мать и нет отца».

Подобным же образом он далее излагает великие свершения жизни и смерти Христа, подтверждая тайны нашей веры, проявляющиеся в ключевых событиях земного пути Христа, теми ссылками на пророков, которые мы, богословы, обычно используем против иудеев. А против еретиков нам даётся огромная поддержка в том уповании, с которым он, как мы уже рассказывали, путешествовал по Франции, неизменно готовый к смерти; ну а кроме того, можно прочесть следующую его запись против них.

[88] «Еретиков Священное Писание называет безумцами, против которых, как глаголет Премудрость Соломонова в главе пятой, Бог возьмет всеоружие – ревность Свою, и тварь вооружит к отмщению врагам; облечётся в броню – в правду, и возложит на себя шлем – нелицеприятный суд; возьмёт непобедимый щит – святость; строгий гнев Он изострит, как меч, и мир ополчится с Ним против безумцев (ср. Прем. 5:17-20), каковое имя и подобает еретикам, ибо мало того, что у них затемнён разум, но они также нечувствительны ко всякому доброму делу, из чего следует, что в высшей степени верен приговор им, изречённый верою.

Кроме того, поскольку Бог – Создатель природы, которая, по св. Златоусту, служит как бы сокровенною дланью Божией, и ею, следовательно, сам Бог творит естественный рассудок, а тем самым и веру, то невозможно, чтобы вера оказалась противна природе, а истина веры – противна истине природы. Из чего следует прежде всего то, что грех неверия и ереси – это грех глупцов и в высшей степени невежественных спорщиков; и поэтому св. Пётр называет их невеждами, неутверждёнными (ср. 2 П 3:16), безрассудными (ср. Рим. 1:31), а св. Павел говорит, что они помрачены в разуме, отчуждены от жизни Божией по причине их невежества и ожесточения сердца их (Еф. 4:18)». Так писал святой.

Я хотел бы ещё привести тут оставленные им для нас собственноручные заметки по богословским вопросам, однако меня ограничивают взятые обязательства краткости. Представление о них можно составить по следующей выдержке.

[89] «В оной вечности и бесконечной длительности без начала и изменения, прежде чем появились какие-либо видимые твари, Бог был един в Сущности и тройствен в Лицах, Отец, Сын и Святой Дух, причём Каждое [из Лиц] имело в Себе совершеннейшее блаженство, радость и невыразимое общение друг с другом, хотя Слово, то есть вечный, единственный и едиnorodный Сын Божий, всегда исходит от своего вечного Отца через духовное и разумное рождение, и одновременно чрез любовное исхождение и дыхание Отца и Сына исходит Дух Святой. И все три Лица имеют одну и ту же сущность, хотя и являются тремя истинными и настоящими Лицами без начала и без конца; и все Трое друг друга знают, любят, друг с другом общаются и радуются друг другу бесконечной радостью, потому что Он не может ни стать больше, ни прирасти, пускай бы оное всемогущее Величество создало ещё тысячи миров, которые всегда были бы поглощены любовью к нему.

Вечный Отец не исходит ни от какого другого Лица; Сын исходит только от Отца; Святой Дух – от Отца и Сына. Одно Лицо не больше другого и другому не предшествует, но все Трое вечны в одной и той же вечности, все Трое равны в совершенстве; одна и та же у Них всех мудрость, благодать, могущество, господство и владычество. Итак, сие есть исповедание нашей веры, которую мы провозглашаем. Один Бог в Троице, и троическое Единство».

Затем святой продолжает в том же духе излагать глубочайшие мысли о непостижимой тайне, и как не удивиться тому, что несведущий в грамоте простец вещает о них без малейшей примеси заблуждения?

[90] Вся братия и многие миряне безоговорочно свидетельствовали, что замечали в святом некое особое благоговение пред святейшим таинством Евхаристии; ибо душа его была настолько привязана к сему драгоценнейшему залого, что всякий раз, когда у него появлялась хоть минутка досуга между его обычными обязанностями, его как бы некоей силой увлекало в церковь; и он тысячекратно туда возвращался, хотя послушание тысячекратно вызывало его оттуда, когда звенел колокольчик при входе.

Случалось однако нередко, что звонившим приходилось немножко запастись терпением, пока он освободится из сей сладостной темницы любви, но как только он удовлетворял их просьбы, снова оказывался или на мессе, или коленопреклоненно – перед дарохранильницей: он протягивал к ней руки, и само положение его тела было таково, что, казалось, прямо-таки лучится любовью к тому Человеколюбцу, что скрывается в образе хлеба.

Из того же источника проистекало его удивительное благоговение перед священниками: любо-дорого было просто увидеть, как он встречает их при входе. Ибо, преклонив наземь колени, он хватал обеими руками десницу священника, нежно лобызал её, прикладывал к лицу, глазам, рту, а затем просил благословения. И так он поступал без разбору со всеми священниками, монашествующими и светскими.

[91] Причащался он с глубочайшим благоговением, не гримасничая и не испуская бурных вздохов (как некоторые из новичков на духовной стезе, в которых бродит молодое вино их незрелости), но с весёлым, спокойным, скромным выражением лица, на котором можно было прочесть искреннюю радость души, удостоившейся

присутствия столь великого Гостя. К приёму же Его Пасхалий готовился исповедью – гораздо более частой, чем причащение, к коей приступал не каждый день. А при подготовке проявлял великое усердие к сосредоточению и безмолвию. Творил также несколько весьма благоговейных молитовок; например:

«О Господи, Боже мой, творец неба и земли, Царь могучий, крепкой рукою Своей сотворивший меня по образу и подобию Твоему! кто я такой, чтобы Ты помнил обо мне, (ср. Пс. 8:5) и что такое человек, вселюбящий Отче, что Ты столько ценишь его (ср. Иов. 7:17), к сердцу Своему так приближаешь и окружаешь любовью? Едва сотворив его, Ты соделал его господином, даровав ему преобильную трапезу в раю наслаждений (ср. Вульг. Быт. 2:15), а после искупления уготовал ему трапезу совсем другого рода и Себя преподнёс ему в кушанье. О Господи, что за щедрость, что за великодушие несравненное: Ты таков как есть, Бог бесконечный, Творец и Искупитель, заключаешь Себя в нутро моё?

О мой добрый Иисусе! О спасение моё! Предаю Тебе убогую мою душу и сердце бессильное. Много раз я оскорблял Твоё божественное величие и, подобно предателю Авессалому, изгонял Тебя из царства моего сердца. Очисти меня, источник воды живой! Исцели меня, врач спасительный! Надели меня верою и надеждою крепкой и соделай меня достойным Тебя храмом! Убоялся с великою верой сотник, когда Ты приблизился к дому его; Креститель, освященный ещё прежде рождения, страшился крестить Тебя; а я, грешник, не страшусь принять Тебя, Творца и Владыку ангелов?!

О Небесный Отче, дай мне силы и крепость для столь великого свершения! О Сыне, Премудрость Отчая, надели меня мудростью и благоразумием! О Дух Святой, любовь Отца и Сына, воспламени моё сердце и очисти душу мою огнём любви Твоей, дабы с живою верою принял я сие Святейшее Таинство!»

[92] У него были записаны и другие молитвы, такие:

«Царь Небесный, Господи мой Иисусе Христе, я, недостойный грешник, приступаю к святому алтарю Твоему, отозвавшись на глас Твой божественный и положившись на Твою милость. Ты приглашаешь меня к трапезе Своей, предлагая Себя мне в пищу, поэтому, хоть и будучи мал, осмелюсь, как другой Вениамин, прийти на пир, который мой старший брат Иосиф приготовил для своих родных. Смиренно молю Величество Твоё, да пожну я от него те плоды, кои столь возвышенное Таинство совершает в друзьях Твоих!

Я болен, а Ты – врач моего спасения. Я грешник, а Ты оправдываешь нечестивых. Я нищ, а Ты обилуешь бесконечным богатством. Даруй мне умножение веры, прибавление любви, усовершенние всех добродетелей, коими да послужу Тебе, да прославлю Тебя всей моей жизнью и, наконец, обрету Тебя во славе на небесах. Аминь».

«Господи Боже мой, Иисусе Христе, Сыне Бога живого; Который в день святой вечери Твоей, по безграничной любви, коей Ты навсегда возлюбил нас, установил и учредил таинство драгоценного Твоего Тела и Пречистой Крови в память о мучительных страстях Твоих и дал святым апостолам Твоим вкусить всесвятой Твоей плоти и испить вседрагоценной Твоей крови, молю Тебя, Господи, и смиренно прошу: смягчи

ожесточение сердца моего, дай мне слёзы сокрушения, да омою ими всю грязь души моей грешной.

Ибо много и разнообразно грешил я до сего дня: помышлением, словом, взором и делом. Моя сие вина, Господи, моя великая вина! И всё же я искренне исповедую и твёрдо верую, что Ты, Господи, можешь простить все грехи мои по бесконечной благодати Своей и милосердию. Посему, милый мой Господи, прости мне всё, ведь я скорблю о каждой проступке своём и твёрдо постановляю в дальнейшем с вящим усердием всех их стеречься.

О всемилостивый мой Господи, даруй мне, рабу Твоему, благоговение великое и искреннее, дабы смог я ныне принять Тебя в состоянии благодати, как то подобает.

Ты, Господи, сказал святыми устами Твоими: «Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек» (Ин. 6:51). О Хлеб сладчайший, исцели чувства сердца моего, дабы ощутило оно действие любви Твоей; исцели его от всякой немощи, дабы не вкушало оно сладости ни от чего, кроме Тебя! О Хлеб всесвятой, в коем всякая утеха и услада, всегда нас насыщающий без малейшего недостатка, да напитается Тобою сердце моё, и да наполнятся внутренности души моей Твоею достоприятной сладостию и упоительным вкусом! О Хлеб священный, Хлеб жизни, Хлеб пречистый, что, сшедши с небес, дал жизнь миру! Приди, Господи, войди в сердце моё; да почувствует душа моя усладу блаженства Твоего. Отгони от меня всех врагов, беспрестанно подстерегающих меня. Да бегут, Господи, да бегут они от лица безграничной силы Твоей, дабы, защищенный Тобою, Господи, изнутри и снаружи, направился я прямым путём в Царство Небесное, в котором всегда буду созерцать Твою бесконечную сущность лицом к лицу, дабы жил вовек одним Тобою. Аминь.

[93] Он также написал для себя маленькое молитвенное правило для чтения после Причастия. Вот какого рода:

«Благодарю Тебя, Отче вечный, вверивший меня Сыну Своему, Который не только ради избавления меня от самовластия сатанинского, но и для утешения моего соделывается пищею в сей святой гостии. Благодарю Тебя безмерно, Искупитель мой, что Ты столь милостиво напитал мою душу Телом Своим и священной Кровью. Благодарение Тебе возношу, Дух Святой, любовь совершенная, за то, что Ты посетил моё сердце и умножил в нём святую Свою любовь. Да хвалят все ангелы и славят все твари Тебя, Боже мой, Единицу и Троицу, Отца, Сына и Святого Духа!

О Господи, пусть душа моя пребудет в любовном единении с Тобою чрез сие Таинство! Молю Величество Твоё дать мне силы никогда более не оскорблять Тебя. Да будет мне мерзок мир и весь блеск его; Духом Своим целиком завладей моей немощной плотью, дабы содействием Твоим я одержал полную победу над диаволом!

Да возрастает во мне святая любовь к Тебе, да стремится к высшей ступени вера моя и надежда, да приходит душа моя от силы в силу (ср. Пс. 83:8), пока не увидит и не насладится в ясном видении Тем, Кого здесь верно чтит, и не достигнет в радости совершенной славы Того самого, Кого я здесь принимаю в сей святой гостии заключённого и сокрытого.

[94] Хвалу и благодарение возношу Тебе, преблагий и всемилостивейший Господи Боже, Создатель мой и всего на свете; Тебе, Кто меня, недостойного грешника, благоволил насытить драгоценным Телом Единородного Сына Своего Иисуса Христа, Бога и Господа нашего. Всесмиренно молю Твоё пресвятое величество, дабы сие святейшее причащение и приятие славного Сына Твоего не стало причиною наказания и осуждения души моей, но помогло в обретении жизни и достижении грехов прощения. Да будет оно мне доспехом истинной веры, подтверждением надежды и щитом доброй воли. Да будет в очищение от пороков; отнимет и удалит от меня всякое плотское похотение, изгонит всякую суету; да обуздает оно язык мой и до глубины преобразит душу. Да воспламенит оно во мне любовь, углубит смирение, скромность, мир и благоговение, наделит постоянством во всяком благом деле, во всякой добродетели и святости. Да будет оно надёжной защитой от козней врагов моих, видимых и невидимых; да будет в совершенное умерщвление всех моих страстей (motionum) плотских и духовных; и наконец, да будет оно неразрывным узлом, связующим меня с Тобою, Господи Иисусе Христе! Молю Тебя, Господи, соблаговоли призвать меня, несчастного грешника, на пир славы небесной, где Ты, Господи, для благословенных Святых Твоих будешь истинным светом, совершенным и высочайшим счастьем, полным блаженством и бесконечной радостью. Аминь».

«Благодарю Тебя, Царь мой, надежда и слава моя, Иисусе Христе, Создатель и Искупитель мой, за сию неизреченную милость, которую приняла душа моя, став местопребыванием Твоего Божественного Величия. Скажи, о Господи всещедрый, то, что Ты сказал в доме Закхея, вступив в его убогую горницу: «Ныне пришло спасение сему дому, потому что это сын Авраама» (ср. Лк. 19:9). О Царь славы, исцели душу мою, в скорбях укрепи её и подай ей благодать, о Источник всякой благодати, да любит Тебя всегда, служит Тебе, восхваляет Тебя в сей жизни; а в другом он может наслаждаться тобой через славу. Аминь. Иисус».

[95] Обращаясь также к Богородице, он говорил:

«О святая Мария, вседостойная Матерь Господа нашего Иисуса Христа, пресветлая Царица неба и земли, которая удостоилась носить в святейшем Своём лоне Творца всего сущего – Того самого, чьё всечестное Тело я принял сегодня; соблаговоли, Владычица, заступиться за меня, дабы, если согрешил я против сего Таинства по неведению, нерадению или порочности своей, то по молению Твоему да простит меня Иисус Христос, Сын Твой, Который живёт и царствует со Отцом и Святым Духом, во веки веков. Аминь. Иисус».

Далее, наряду со Владычицей, поминал он и всех святых, говоря так:

«О всехвальная и всеславная Матерь Бога и Господа нашего Иисуса Христа, пресвятая Дева Мария, удостоившаяся в пречистом и священнейшем лоне Твоём зачать Господа и Творца вселенной, чье драгоценнейшее Тело я, недостойный, дерзнул приять ныне; и вы, святые ангелы, и все угодники и угодницы Божии, непрестанно созерцающие ясным взором вечного Бога, Коего я, грешный, не убоялся принять; вам молюсь и всемиренно прошу вас помочь мне воздать благодарение Господу нашему Богу за столь великую милость, ибо я на сию [благодарность] отнюдь не способен; и молитесь Его простить меня за то, что приступил я к причащению сего святого Таинства, едва приготовившись; да подаст мне благодать,

чтобы впредь я готовился [к нему] с гораздо большим радением и благоговением, подобающим столь возвышенному Таинству; и, наконец, да удостоит меня по своей бескрайней милости вместе с вами вечной славы рая, где и сам вовек живёт и царствует без конца. Аминь. Иисус».

[96] Никакими словами не изъяснить, какое благоговение и любовь он испытывал к Богородице Деве, ибо всякий раз, услышав Её имя, он почтительно склонял голову и других призывал сему подражать. Проходя же мимо помещения, где находилось какое-нибудь Её изображение, он обязательно кланялся Ей весьма истово, низко опуская голову, а то и сгибаясь до земли. Особенно [он чтит образ], находившийся в помещении, называемом *De profundis*, что в Вильярреале – перед ним он не только склонял голову, но, когда оставался один, даже вставал на колени (что часто замечал повар прямо из кухни, при том что Пасхалий сам не знал, что за ним кто-то следит).

Я тоже часто видел его стоявшего на коленях перед находящимся в церкви образом Зачатия, причём он не только защищал чистоту [Богородицы], называя Её Непорочною, но и написал у себя на листочках молитвенный чин, чтобы мы читали его в соответствующий праздник. И в этот день, и в день Рождества стоило поглядеть на то, как пылало лицо его от некоего особенного и чрезвычайного благоговения, и казалось, что он пребывает вне себя. Ну а если в то время ему попадался какой-нибудь послушник или один из младших монахов, то он молвил: «Подойди-ка сюда, брате, да преклони колени! Веруешь в Бога? Тогда повторай за мной: «Да будет благословенно, восхваляемо, прославлено и возвеличено Непорочное Зачатие! (или «...Рождество Дитяти» (если был тот праздник).

Также с большей радостью сердечной он жил в тех обителях, которые были названы в честь Богоматери; и поэтому ему казалось божественным даром, что образ иноческий он принял в монастыре Богоматери Леридской, а переменял его на лучший – образ святости – в вильярреальской обители Богоматери Розария (Пасхалий умер в ней. – прим. пер.).

[97] Любо ему было говорить о молитве на розарии, а также о тех дарах благодати и индульгенциях, которые можно получить благодаря его использованию (он написал себе длинный список их); и о том, как всякий, читая молитвы розария в среду, может обрести освобождение души из чистилища, а сверх того – о полном освобождении от епитимии, которое согласно буллам Павла III и Пия V получают [благодаря розарию] собратья [Третьего ордена]. Ну а что такое розарий по сути своей, он описал в следующих словах:

«Он называется розарием, потому что молитвы «Радуйся, Мария» подобны белым розам, приносимым и посвящаемым чистоте нашей Пресвятой Девы, а «Отче наш» – словно розы рдяные, [означающие] всесвятые раны вышнего и благого Господа нашего Иисуса Христа. Он называется псалтирью, потому что в нём столько же «Радуйся, Мария», сколько псалмов Давидовых. Он называется венчиком из-за круга тайн, над которыми предлагает размышлять.

Но и «Розарий Господа нашего» христианину должно читать и размышлять над ним, а образ сей молитвы был открыт одному слуге Божию таким образом. Когда некий

инок размышлял над тайнами Царицы Ангелов, нашей Матери и Владычицы, было ему видение, что наша милая Заступница просила у Своего Сына особой милости для читающего Псалтирь, а Он с невыразимой нежностью ответил Ей, что он должен также читать Его Розарий, вместо «Радуйся, Мария» произнося «Радуйся, всемилостивый Иисусе», а Ангельское Приветствие – вместо «Отче наш».

[98] И всё это слова самого Святого, за которыми затем следуют его изложение тайн упомянутого венчика и многочисленных индульгенций [за его чтение причитающихся] с объяснением, что такое полное освобождение от наложенной епитимии, что такое освобождение на столько-то лет или сорокадневий; и описание различных образков, благословлённых верховными понтификами – видимо, Богу было угодно, чтобы он написал всё для посрамления современных еретиков. Наконец, он написал на листке такую молитву для прочтения в миг смерти.

«О пресвятая Матерь Милосердия, Дева величественная, Дева всеславная, Дева возвышенная, Матерь Божия, Повелительница земли и неба, Превознесённая владычица ангелов и людей, единственная Защитница грешников и после Бога верное прибежище, исцеление и помощь страждущим!

О Мария, имя сладостное, имя приятное, имя любезное и сил придающее! Дщерь Отца, Матерь Сына, Невеста Святого Духа! О Матерь Божия, Государыня народов, призри на сего убогого грешника! Взываю к тебе: «Приди, милая Владычица, помоги в сей час нужды великой! Это тот час, ради которого я всегда призывал Тебя; не оставляй же меня в сей решающий миг, о милая Помощница, ибо я вверяюсь Тебе от всего сердца; помоги мне! Чрез Г. н. И. Х.» и т. д.

ГЛАВА X. КАК ПАСХАЛИЙ ХРАНИЛ ЦЕЛОМУДРИЕ, КАК УМЕРЩВЛЯЛ ПЛОТЬ, СОБЛЮДАЛ БЕЗМОЛВИЕ, КАКОВА БЫЛА ЕГО ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ И СТРОГОСТЬ В ИСПОЛНЕНИИ УСТАВА

[99] Нет ни малейшего сомнения, что столь ревностный почитатель Девы и изначально был девствен и до конца своей жизни девство незапятнанно сохранил. Этому, конечно, способствовала его редкостная воздержанность, благодаря которой он в течение многих лет воздерживался от мяса и вина, и даже когда ему по причине недугов велели употреблять немного вина (ср. 1 Тим. 5:23), он всегда выбирал для себя самые дешёвые и кислые вина, да и те потреблял так скупно, что, казалось, скорее, портил себе вином приятный естественный вкус воды, чем пил его ради пользы. Для того же служили уже упомянутые самобичевания, столь частые и длительные, власяницы чрезвычайной грубости и цепь, которой он стягивал ослабевшие чресла. Однако всякая добродетель проверяется в борьбе, поэтому с вероятием можно полагать, что у сего святого мужа не было недостатка в искушениях против целомудрия, хотя мы располагаем лишь неопределёнными намёками на них. Однако, дабы я получил о том более достоверные сведения, изволилось Богу, чтобы Пасхалий как бы забыл о своём намерении хранить молчание о таких событиях (ибо он и сам никогда не обмолвился ни о чём подобном, ни другим в своём присутствии не позволял) и поведал мне о самом тяжёлом из всех такого рода нападений, которые он когда-либо претерпел.

Как-то раз осмелился адский демон разжечь дыханием своим уже почти угасшие в святом порывы плотского вожделения и стал с крайней назойливостью

представлять его воображению облик некоей женщины и одновременно возбуждать в ней самой желание к святому мужу. Расставив таким образом свои ловушки, он долго там и сям совершал нападения, пока наконец не решил выступить во всеоружии. Одним знойным днём он распалил Пасхалия, а также и женщину, такой острой страстью, что пока остальные иноки отдыхали после трапезы, Пасхалию пришлось побежать обратно в церковь и просить милости у Бога. Ну а женщина оказалась слабее и, отбросив всякий стыд и страх, пришла напрямик в обитель (то был валенсийский монастырь св. Иоанна де Ла Рибера) и, с большой силой зазвонив в колокольчик, вызвала Пасхалия как бы по делу. Он, подойдя туда (к воротам. – прим. пер.), по своему обыкновению молвил: «Слава Господу Иисусу Христу!» – и отворил дверь, но задрожал всем телом, увидев перед собою ту, из-за которой терпел такие искушения. Однако сама она, набравшись отваги и воспользовавшись тем, что час был удобный, а место уединённое, без лишних слов бросилась в безмерном порыве страсти на него с распростертыми руками и обняла бы, если бы только святой не отскочил со всей прытью.

А когда она в смущении спросила: «Чего бежишь? Неужто думаешь, что я хотела бы обнять тебя?», – он, ничего не ответив, поспешно запер дверь и удалился в своё убежище, одержав победу как над видимым, так и над невидимым врагом.

[100] Не менее усердно умерщвлял Пасхалий и другие страсти, особенно те, что относились к яростной и вожделеющей [частям души]. И хотя от природы он был (по заключению вильярреальского врача Хуана Франсиско Бенеита, который при жизни знал его весьма близко) холерического темперамента, однако не было замечено, чтобы он при исполнении должности привратника или при каких-либо других обстоятельствах, заглушив или потеряв терпение, сердился или беспокоился; в крайнем случае, если ему говорили что-либо возмутительное, он либо скромно и тихо извинялся, либо вообще молчал, ничуть не изменившись в лице, всегда сохранявшем безмятежное выражение. Он настолько [обуздал себя], что его холерический темперамент, казалось, служил ему только для того, чтобы в противоположность меланхоликам не поддаваться небрежности в своих трудах. Поэтому, имея дело с ним, не было нужды следить за временем, чтобы получить что-либо в срок.

Он подавил в себе привязанность к родственникам и близким настолько, что никогда не желал навестить их и ни разу не выказал к ним никакого чувства, кроме любви духовной, выражавшейся в молитвах, проистекавших из желания всех увидеть в небесах.

Презирая всякую мирскую честь, он охотно смирялся в трапезной перед братией и на людях перед мирянами. Например, в 1596 году, когда в Альмансе устроили общую процессию с молебствием о воде для посевов к храму Богородицы Вифлемской, находящемуся в шести лигах от города, мы видели, как на глазах у бесчисленного множества людей всякого сословия, пола и возраста он шёл босиком с тяжелым крестом в руке, с терновым венцом на голове и с грубой веревкой на шее, как будто хотел показать, что он один виновен в том, что небеса не дают дождя.

[101] Ну а то, какое он возложил на себя правило умерщвление чувств, не изъяснить лучше, как словами, которые он оставил [в своих записях].

«Ты должен памятовать о двух принципах. Первый: нужно относиться к себе, как к мёртвому телу, вонючему и кишасшему червями, при виде которого живые содрогаются, отворачиваются и затыкают ноздри. Второй: если бы кто-нибудь захотел поступить с тобой по заслугам, ему пришлось бы выколоть тебе глаза, отрезать нос, уши, губы, изуродовать все члены твоего тела и измучить твои чувства, потому что ими ты оскорблял Бога, причём ты должен был бы радоваться этому так, словно ничего желаннее и представить невозможно. А все клеветы, хулы, поношения, как бы ни были они тяжелы и горьки, подобает тебе вкушать с упоением, точно сладостный нектар, принимая их с особой радостью и ликованием сердца.

Надлежит тебе также обратиться и почивать в объятиях Христа нищего, смиренного, презренного, мёртвого, оклеветанного ради возрождения твоего, доколе и сам не умрёшь во всех чувствах своих, и только Распятый будет жить в твоём сердце».

[102] Он установил для себя такое правило безмолвия, чтобы никогда не говорить о своих делах, а о чужих лишь чуть-чуть, насколько того требует необходимость. Вот почему так мало известно о его внутренних добродетелях, а также об откровениях и милостях, дарованных ему свыше, но что их было много, нам позволяет предположить лад святейшего жития его.

В путешествии, которое мы вместе совершили из Хативы в Валенсию, во время разных бесед о добродетелях он высоко оценил безмолвие и сосредоточенность, при котором душа, освободившись от внешнего, целиком занята видением и слушанием того, что Бог, действуя внутренне, представляет уму. Впрочем, большую часть дня он молча шёл отдельно от меня и размышлял о божественном, так что обычно мне приходилось снова и снова повторять вопросы и словно бы щипцами тянуть слова из его рта. Однажды он сказал мне: «Поверь, брате, всё благо инока состоит в молитве, а тихой мысленной молитвы не обретёшь там, где изливаются чувства и много болтовни. Поистине, что тот, кто не смыкает рта, подобен открытому сосуду, полному ароматных жидкостей, или открытой печи раскалённой – из них выдыхается весь запах и всё тепло. Нам следует рачительно прятать наше сокровище от грабителей, ибо тот, кто несёт его раскрытым по дороге, полной разбойников, словно бы приглашает их к грабежу».

[103] Безмолвие следует хранить не только в речи, но и в жесте и в выражении лица, ибо может так случиться, что сердце сдержит язык, но глазами, гримасой, румянцем выдаст тайну сокрытой радости, боли или негодования. Однако давайте послушаем, как сам блаженный пишет об этом в своей книге.

«Св. Григорий Назианзин, объясняя причину, по которой он оставил епископскую должность, сказал: «Я вспомнил свою тишину и безмолвие, и, видя, как меня отлучают от того, что я любил от начала жизни моей и, находясь в великих опасностях, обетовал Богу, я оставил всё и ушёл». А что это его безмолвие и тишина являлись тем сосредоточением, о котором мы говорим, видно из слов самого сего Учителя Церкви: «По правде говоря, ничто не кажется мне полезнее и благоприятнее для обретения человеком вечной жизни, как замкнуть внешние

чувства и, совлекаясь мира и плоти, обратиться к самому себе, отчужденному и чуждому житейских забот, и общаться едино с Богом так, чтобы душа человека, возвысившись над всем видимым, исполнилась божественных чувств и идей небесных явлений без примеси телесного, и стал он истинным зеркалом образа Божия незапятнанного; и всё ещё пребывая на земле, сделался в некотором смысле спутником ангелов; и, презрев и отвергнув бренность человеческую, силою Святого Духа препровождён был в сверхчеловеческие [сферы]. Если кто-нибудь из вас когда-либо испытывал подобное устремление, тот поймёт, что я имею в виду».

[104] Однако любовь к безмолвию, о которой мы говорили, не мешала ему (за исключением определённых мест и времени) говорить о Боге и божественных предметах, и никакой страх перед людьми или неловкость не могли отвратить его от сего святого обычая его. Он делал это всегда, а особенно плодотворно – при посещении больных или утешении страждущих; при этом великий сердечный пыл сиял от лица говорившего, когда он с глубочайшим увлечением рассуждал при других о Возлюбленном, так что никому не прискучивали такие речи, как бы продолжительны они ни были.

Так, например, лежал он однажды больной в городе Эльче, и некий доброжелатель обители пришёл навестить его немного позднее полудня. Тогда святой позволил себе, давая облегчение утомленному духу, неустанно продолжать полуденную молитву до ночи. Когда же гвардиан предупредил того мирянина, что уже наступила ночь, тот извинялся, оправдавшись тем, что ему показалось, будто прошло не больше часа.

Притом с каждым он говорил, приравниваясь к его возрасту и обстоятельствам; игрокам – чтобы они отвратились от этого порока, из-за которого и душа, и имущество подвергается опасности; молодым – чтобы, предавшись Богу, блюли целомудрие и отвращались от дурных сообществ; старым – чтобы были терпеливы и служили благим примером для других; послушникам – чтобы много подвизались, много постились, умеренно ели; всем – соблюдали правила и законы своего жизненного положения (*status*). Короче говоря, вся его речь была ни чем иным, как действенным побуждением к добродетели.

[105] Что касается любви к Богу и ближнему, в котором состоит совершенство добродетели, то он сам для себя предписал следующие правила [, которые можно прочесть] в книжечке [его]: «Чтобы достичь вечной жизни, люди должны знать и исполнять три вещи: иметь к Богу сердце сыновнее, к ближнему – сердце материнское, к себе самому – судьи». И потому он прекрасно знал, как обет нищеты и самоограничения сочетать с щедростью к ближнему.

Случилось однажды в Вильярреале так, что после захода солнца в нашу церковь явилась тяжело измученная невзгодами женщина по имени Магдалена Руперт, чтобы просить у Бога помощи в бедах, ибо, поскольку у него дома было трое больных детей, не хватало не только на потребные при этих недугах лекарства, но из-за крайней нищеты даже хлеба не было, чтобы покормить их. Пасхалий наткнулся на молящуюся, когда собирался закрыть церковь, и спросил, почему он так задержался в этом месте. «Отче, – сказала она, – гнетёт меня беда, так что помолись, пожалуйста, за меня Богу!» «Будет сделано», – ответил Пасхалий, и после того, как она вышла,

закрыл храм. Она же, заглянув через щель, увидела, что святой немедля преклонил посреди церкви колени, дабы исполнить обещание. И, вернувшись домой с великой надеждой получить помощь, она подошла к шкафу, где оставила кусочек хлеба, который хотела разделить между детьми скорее как благословение, чем как пищу – и вот она обнаружила там два целых хлеба, которых ни она, ни кто-либо из домашних туда не клал; должно быть, ангелы их принесли по молитвам Пасхалия, раба Божия. Ну а поскольку женщина нуждалась не только в хлебе, Бог побудил двум благочестивым особам, которым она никогда не сообщала о своей нужде, снабжать её всем, пока её дети болели.

[106] И даже после своей смерти святой продолжал поддерживать эту женщину.

Например, когда она однажды, рассердившись, подхватила с полу своего четырёхлетнего сына, то сильным рывком вывихнула ему ручку из сустава. После чего малыш от страшной боли стал безутешно плакать и причитать, поэтому на четвертый день мать позвала хирурга и получила от того повеление подготовить на следующий день горячую воду и ещё что-то к определённому часу, а между тем забежала в нашу церковь, чтобы вверить святому (уже покойному) здоровье ребёнка. Вернувшись затем домой с полной уверенностью, что молитва её услышана, она сделала всё, что было ей приказано. Когда пришёл хирург, он, вознамерившись было заняться лечением руки ребенка, обнаружил, что его сустав восстановился, и малыш, переставший плакать, двигал [рукою] так и эдак, куда велели. Поэтому хирург, увидев, что его опередил другой, более искусный врач, в изумлении вышел из дому.

Два месяца спустя случилось так, что Хайме, старший сын той же женщины, так распух от груди до ног, что сведущий врач присудил жёсткое лечение слабительными средствами. Посему, сознавая свою нищету и понимая, что не может позволить себе расходов на это, она вновь побежала к гробнице Пасхалия и молила его, чтобы он выпросил у Бога слабительное для её сына, которого она купить сама не смогла бы. Дивное дело! В тот же день кишечник отрока расслабился и в течение трёх продолжались самопроизвольные выделения, благодаря чему после изгнания жидкости целиком спала опухоль, которую предполагалось лечить весьма медленно.

Это то самое чудо, о котором дефинитор бр. Иероним Планес рассказал однажды некой сестре по фамилии де Сакс, поскольку и она нуждалась в очищении слабительным. Тогда она с равновеликой верой вверилась святому и без лекарства испытала на себе благотворное действие его молитвы.

[107] Святой был предельно строг в соблюдении заповедей и уставов, но отнюдь не страдал мелочными угрызениями. Например, однажды он стоял рядом со мной в хоре и после поклона на чтение «Отче наш» заметил, что я по завершении молитвы из какой-то мелкого сомнения [в том, правильно ли произнёс слова] повторил её ещё раз. Тогда он строго предупредил меня, чтобы я больше так не делал. Ведь [таким образом человек] и Бога оскорбляет, и бесу даёт возможность тревожить душу навязчивыми сомнениями, которые подобны блохам совести и утомляют и тревожат ее, и разрушают беседу с Богом и спокойствие созерцания, охлаждая пламя любви божественной, а тем самым отворяя двери всякому духовному вреду.

Однажды гвардиан задумал послать сборщика милостыни, чтобы тот попросил свечей для украшения Гроба в Страстную неделю, как обычно делалось, но так как благочестивые люди, у которых нужно было просить, должны были заплатить свечному мастеру за изготовление [свечи], [сборщик] сильно засомневался и стал отказываться, указывая на то, что в милостыню впутаются денежные дела (а францисканцам запрещалось даже прикасаться к деньгам. – прим. пер.). Оказавшийся при этом рядом с гвардианом святой попросил доверить ему сбор милостыни, и занялся порученным делом с большим воодушевлением и без малейшего намека на мелочные угрызения совести. Ибо он сначала договорился со свечным мастером о займе, взяв свечи в долг, а затем пошел к тем, кто, как он надеялся, охотно заплатит за них, говоря при этом: «Сеньор, мы должны такому-то человеку за столько-то свечей; окажи любезность и выступи ему за них, ибо они были [взяты для освещения] Св. Тайн». (В Страстную пятницу монстранция со Св. Тайнами выставляется на сооружении, изображающем Гроб Господень. – прим. пер.)

[108] Он увещевал всех соблюдать заповеди Божии, говоря, что если кто желает обрести утешение от Бога и Его благоволение в трудах своих, должен часто исповедоваться и улучшать жизнь свою; и тогда обнаружит на опыте, что благодаря сему стяжает божественное благословение на себя и свои семьи. А когда он наставлял братию, то в первую очередь внушал им [необходимость строгого] соблюдения Устава, особенно положений относительно бедности (с ограничениями Николая III и Климента V), весьма хвалил изъяснение этого положения отцом Фано (Иоанн Фанский, Giovanni Pili da Fano (1469-1539) в трактате «О соблюдении обета бедности Братьями меньшими» дал толкование высказываний основателей ордена и упомянутых пап об имущественных отношениях ордена с миром и внутри него самого; подчеркнул необходимость жёсткого соблюдения принципа бедности не только в праве владения, но и распоряжения имуществом. – прим. пер.). Он говорил, что монах-францисканец должен избегать денег, как чумы, каковой они для него и взаправду являются; и что ему к ним даже прикасаться нельзя, кроме как со всеми предосторожностями, предписанными уставом и преждеупомянутыми Римскими понтификами.

Один инок, присмотревшись к святому житию Пасхалия, как-то раз пришёл к нему с вопросом: «Брате, что мне делать, дабы спастись?» На что святой ему ответил: «Ничего особенного, брат; просто Устав соблюдай, причём буквально, и живи себе спокойно, стяжая небеса».

Другой инок часто просил Пасхалия помолиться за него Богу; он, однако, немедля преклонив колени на землю, говорил: «Господи, дай бр. Петру (ибо так его звали) благодать соблюдать Устав», – и никогда не менял этого выражения, сколько бы тот ни возражал.

[109] Святой всегда держал под рукой Устав, переписанный в тетрадь, со всеми толкованиями, разъяснениями и изменениями Верховных понтификов и знатоков; и с таким сосредоточенным вниманием перечитывал его и обдумывал, что усвоил и понял его получше многих учёных. А на практике он его применял как в части предписаний, так и советов; притом чудо как радовался, когда видел, что братия, ревностно изучая Устав, поднимают вопросы о нём. Также и мне он велел переписать его вкупе с толкованиями, которые были у него в книге.

И прежде всего он желал, чтобы соблюдались уставные предписания о бедности, столь милой Христу и столь хвалимой святым Франциском; и он очень доволен был, когда члены нашего босоногого братства строго сего держатся. Поэтому, хотя он и видел, что многие из святой ревности перешли к капуцинам, преобладавшим в Барселоне и в других местах Каталонии, ибо считалось, что у них Устав соблюдается более полно, однако сам всегда невозмутимо оставался в той провинции, куда его Бог призвал, никогда не проявляя никакого устремления [перейти] к капуцинам.

Несомненно, однако, что сам он чрезвычайно жаждал совершенства, и, если бы поверил в возможность её скорейшего достижения там, тотчас же воспользовался таким средством. Но он хорошо понимал, что дело обстояло одинаково с обеих сторон (в чём некоторые и убедились на опыте, а потом, вернувшись от них (капуцинов. – прим. пер.) в провинцию, делились своими открытиями), и потому не хотел ни оставлять сию [провинцию миноритов босых], ни ради воздвижения одного алтаря рушить другой.

И действительно, образ жизни у нас и у них один и тот же, мы не разнимся ни в чём существенном, кроме, может быть, некоторых отличий во внешней форме и в некоторых установлениях, более или менее жёстких; так что если кто-нибудь у нас не станет совершенным сыном св. Франциска, то и в другой ветви францисканского ордена [этого не достигнет], впрочем, отдавая должное сообществу отцов-капуцинов, надо сказать, что евангельский наш устав у них соблюдается строго. Давайте же, иноки, там и тут вести тихое житие и благодарить Господа, призвавшего нас в Своей бесконечной благодати, дабы мы служили Ему без соперничества и раздора, как братья и дети того же святейшего Отца и всесовершенной Матери.

ГЛАВА XI. ОСТАТОК ЖИЗНИ БР. ПАСХАЛИЯ И БЛАЖЕННАЯ СМЕРТЬ ЕГО

[110] Никто не способен стать истинным слугою Божиим, не пострадав от вражды бесовской, которая будет тем свирепее и назойливее, чем горячее и ревностнее человек будет посвящать себя содействию славе Его в себе самом и других. Поэтому нечистые ни днём, ни ночью не преставали докучать Пасхалию; однако по ночам борение по большей части было дольше. Ибо обычно именно в это время иноки из соседних келлий слышали у него сильные удары и шумы, причём иногда такие громкие, что казалось, будто всё рушится. Нередко слышали и его самого, когда он издавал страшный вопль, на который сбегалась братия, и когда его начинали расспрашивать, что случилось, он ссылался на какой-нибудь страшный сон, а их благодарил за готовность помочь. Тем не менее братия не сомневались, что он вёл брань с бесами, ведь по утрам от том давали знать синяки и рубцы, оставшиеся от ударов.

Однажды в Валенсии случилось так, что Пасхалий, как было описано выше, закричал ночью. К нему прибежал бр. Иосиф де Карденете, и на вопрос, в чём дело, получил ответ: «Ох, брате, как увидел бы ты конницу, мчавшуюся через клуатр, наверняка остолбенел бы!» Так же отвечал он ему и в других случаях; и действительно, сколько бы иноков ни свидетельствовало об этом явлении, все утверждают, что время от времени в его келлии им доводилось слышать такой шум, будто по ней проносились целые конные полки.

[111] Однако, каковы были брани его, из его собственных уст никогда нельзя было узнать; только однажды он сказал бр. Иакову Моралесу, своему другу и духовнику, что самые страшные борения случались, когда он размышлял о страстях Христа, и силою креста Его он всегда оставался победителем.

Бр. Петру де Аранда он подобным же образом как-то раз признался, что однажды в Валенсии, когда он был болен, явился ему бес в образе Христа Распятого, обильно облитого кровью, но он благодаря внутреннему просветлению Божию узнал в нём волка в овечьей шкуре и встретил, как он того заслуживал.

В другой раз, зайдя вместе с бр. Христофором Клавером в гости к вдове Альмерике, он застал у неё разговор о снах, страшных явлениях и дьявольских видениях, и сказал, что их нечего бояться, ведь он не пугался, хотя бесы в леридской обители часто пытались ужаснуть его громким шумом, особенно когда сатана вошёл в виде распятия через окно келлии, а вышел через дверь.

Ещё раз он признался, что видел это, когда однажды среди братии в Валенсии велась беседа на эту тему.

Говорил он также, что однажды увидел того же [беса], бегущего с зажженным факелом в руках, словно бы с намерением всё поджечь; однако Пасхалий не посмел закричать, чтобы не разбудить братию в столь поздний час.

Мы дивились не столько тому, что он видал всё это, сколько тому, что против своего обыкновения сообщил, что наверняка было сделано по воле Божией для нашего наставления.

[112] И такими битвами и победами, равно как и прославленными примерами своих добродетелей, святой украсил все обители, в которых хоть иногда гостил, то есть большинство [монастырей] этой провинции, однако посчастливилось больше тем, в которых он обитал.

Прежде всего [следует среди них упомянуть] обитель св. Иоанна Крестителя в Валенсии, где он много лет служил привратником и трапезничим, как и в обителях св. Онуфрия в Хатива и св. Иосифа в Эльче.

А больше всего времени он провёл в леридской обители, где и принял образ иноческий, и торжественным исповеданием обетов неразрывно связал себя с орденом. Отсюда он совершал походы в соседние города: Аспес, Агост, Эльде, Новельде и даже Аликанте, чтобы, как принято, просить милостыню, и примером своим назидал ближних.

Жил святой также в Хумилье – в скиту св. Анны-на-горе.

В Альмансе он провёл семь лет, где я в течение многих дней внимал его наставлениям и, пока он исполнял послушания огородника, кухаря, трапезничего и привратника, наблюдал его подвиг, воздержание, самобичевания, посты и другие труды, свершаемые с великим пылом духовным. И говаривал он, что застрял там так надолго, что его по праву могли бы уж и выгнать.

Также в Айоре, где я сейчас пишу это, он был несколько раз – в обители св. Антония Падуанского, но только как гость.

А в Вильене он задержался подольше – в обители св. Анны, где ему составляли компанию двое замечательных иноков, истинных сынов св. Франциска: бр. гвардиан Альфонс Родригес и бр. Франциск де Байона.

[113] Среди богомольцев того города была замужняя женщина, которую многие иноки и вельможи высоко ценили за смирение её и простоту, а также частые экстазы. Звали её Херонима Лопес. Она поведала одному почтенному мужу, иноку этой провинции, что едва она узнала бр. Пасхалия, признала в нём несравненного слугу Божия, ибо многое с очевидностью указывало на святость его, одним из признаков коей было в особенности то, что, завидев его даже издали, она тотчас чувствовала в сердце своём особенное чувство духовной радости, из чего она уразумела, что наблюдает душу чистую и прекрасную, друга Божия. И всякий раз, как она всматривалась в него (что ей было довольно-таки свойственно) с большим вниманием, чем мы то и дело глядим на предметы, виднелся ей исходящий из его глубин наружу некий отрадный и утешительный свет, окружавший и озарявший его целиком, которым он, казалось, был даже изнутри исполнен.

Однажды, когда ту женщину мучила тяжёлая горячка, сопровождавшаяся сильной головной болью, она, несмотря на это, собралась с силами и пришла из дому в церковь св. Анны, чтобы вверить себя Богу перед Св. Тайнами. Но когда она подошла к воротам и позвонила в колокольчик, ей встретился Пасхалий, служивший тогда привратником, и первым делом спросил: «Как ты сюда добралась, сестрица, с таким воспалённым лицом? Кажется, тебе нехорошо». Когда же она ответила ему, что пришла с лихорадкой и головной болью, он с непринуждённой и веселой улыбкой, положив ей руку на лоб и голову, молвил: «Ступай, Господь скоро исцелит тебя!» Сказано – сделано. Отошла она от слуги Божия и, войдя в церковь, вход которой был рядом со входом в обитель, почувствовала себя свободной от всякого недомогания и сообщила, что получила исцеление от прикосновения его святой руки.

[114] Последней обителью, где он находился, была вильярреальская, куда я привёл его во второй и последний раз из Хативы, где нашёл его больным. Там он собирался проповедовать во время Четыредесятницы и оттуда же через несколько лет переселился на небеса. Вильярреаль расположен на плодородной равнине Бурриана, в восьми лигах от Валенсии в направлении Барселоны. Очертание и устройство его примечательны тем, что он выстроен четырёхугольником, длина которого превышает ширину, и разделён посередине улицей, ведущей от ворот к воротам, а её пересекает снова посередине другая, образуя такой перекрёсток, что из его средней точки открывается прямой вид на четверо ворот города. А две меньшие улицы, ведущие в обе стороны [от первой], вместе с таким же числом меньших улиц, пересекающих поперечную, делят кварталы на четыре части, отчего в общее число перекрёстков вместе с тем, что дают большие улицы, составляет девять.

Такой вид городу придал его основатель, непобедимейший король Хайме I (Завоеватель, 1208 – 1276 гг.) после покорения Валенсии, а украсил его, построив здесь дворец (откуда и название города: «Королевская усадьба». – прим. пер.), его сын Педро (III Великий, 1240 – 1285 гг.), который, по мнению многих, здесь родился; и с ним же связывают так называемый «Сад инфантов» за городскими стенами.

С одной стороны город омывается морем, с другой – рекою Михарес; со стороны, обращённой к Валенсии, в пригороде находится обитель кармелитов, с другой, что в сторону Барселоны – наша обитель, названная в честь св. Марии Розария, где проживают Босые францисканцы провинции св. Иоанна Крестителя.

[115] В этой обители Пасхалий не просто встретил свою блаженную кончину, но, как полагают, пребывая тут, он получил божественное о ней предуведомление. Не говоря уже о том необычайно весёлом выражении лица и почти постоянной улыбке во время мессы перед смертью, о чём говорилось выше, бр. Альфонс Камачо поведал, что святой за несколько дней до того, как заболел, попросил его вымыть ему ноги теплой водой. Удивившись столь необычной просьбе (ведь Пасхалий никому не позволял мыть себе ноги, даже возвращаясь из путешествия), брат Альфонс немедленно послушался. А святой, пока тот мыл, сказал ему: «Может быть, заболел, и нужно будет мне принимать намащение святым елеем, а на такой случай стоит иметь чистые ноги». И в следующее же воскресенье он слёг, после чего ему было уделено последнее помазание.

В то же воскресенье, за несколько часов до того, как его свалила болезнь, он вышел на сбор милостыни и наведаясь в гости к каждому из своих почитателей, всем оказывая огромное расположение. Только в одном из домов он велел некоей больной приготовиться, потому что им обоим предстояло отправиться в великое путешествие (и оба умерли на одной и той же неделе). Наконец, как покажет ход повествования, он ясно предсказал день и час своего преставления.

[116] Все это воскресенье он был здоров, но с наступлением ночи почувствовал горячечный жар, сопровождавшийся болью в боку, что он, впрочем, скрывал до следующего понедельника, когда некий инок на рассвете, заметив, что святой задерживается, и церковь не открыта, зашёл к нему в келью и сказал: «Иди-ка, брате, церковь открывать, ведь пора уже!» На что он ему молвил: «Возьми эти ключи, брате, и открой церковь; захворал я». Инок бежит к брату-гвардиану и рассказывает ему о случившемся. Гвардиан велит привести врача, который, проведя кровопускание, приказал дать больному тюфяк и одеяло. Хотя Пасхалий отказывался, ради послушания ему пришлось позволить это. Он даже согласился надеть льняную сорочку, с тем, однако, чтобы любимый его хабит не убрали из виду.

Между тем его состояние становилась всё хуже, о чём, однако, не свидетельствовали ни стоны, ни жалобы, ни вздохи, ни метания из стороны в сторону, хотя Пасхалию приходилось так туго, что не только голос его, но и дыхание, казалось, то и дело прерывалось. Он нисколько не требовал внимания, чем частенько грешат больные, ни разу не просил ни еды, ни питья, кроме как в последнюю ночь, чтобы укрепиться, приступая к предсмертному борению. Святой только заметно слабел из-за телесного изнурения, а врач безмерно дивился тому, что, несмотря на мучительные прободения в боку, он даже не корчится. Пасхалий был настолько нетребователен, что, когда ему время от времени предлагали освежиться водицей, отвечал, что в этом отнюдь нет необходимости.

[117] В той обители находился дефинитор провинции бр. Диего Кагельон, который когда-то был и близким другом святого, и гвардианом его. Перед отъездом в Валенсию, где он постоянно жил, бр. Диего хотел прежде убедиться, не умрет ли святой от этой болезни, намереваясь в таком случае задержаться там, чтобы присутствовать при его смерти и погребении. Поэтому именно об этом он и спросил без обиняков у святого, и тот со свойственной ему простотой ответил, что [это случится] не раньше субботы, и несколько раз потом отвечал то же самое, скромно умалчивая при этом о дне и часе. Но и тут Богу было угодно, чтобы он разок забылся: когда бр. Альфонс Камачо, исполнявший в то время обязанности инfirmария, сказал: «Ты подскажи мне, брате, когда соберёшься помирать, чтобы я вернул тебе твой хабит, в котором почиешь». Хотя святой пообещал, что сделает это, однако миновала уже пятница и суббота, а он всё не просил хабит, а на рассвете того воскресенья, в которое он почил, с великим настоянием попросил его у находившихся при нём иноков. И поскольку они не решались [переодевать его, боясь] встряской собственноручно ускорить смерть его, он сам за час до того встал с постели и стал самостоятельно одеваться. Но подоспевший инfirmарий помог ему и понял, что настал час, который он обещал ему таким знаком сообщить.

Кроме того, примечательно, что когда врач однажды поведал ему, что болезнь неизлечима и, видимо, дело идёт к концу, Пасхалий ответил, что для него, много лет страстно жаждавшего сего, не может быть более счастливой вести. «Но что насчёт дня смерти? Когда это будет, как тебе кажется?» Врач ответил, что, судя по ходу болезни, вероятнее всего в пятницу. На что святой ему молвил: «Нет, после субботы, а то и ещё позже, если Богу будет угодно».

Этот столь взвешенный и осмотрительный ответ убедил дефинитора (которого сильно подгоняли) в том, что жизнь святого может ещё продлиться какое-то время, а он между тем устроит свои дела в Валенсии; и поэтому он сказал, что, пожалуй, съездит туда. Проведав о том, Пасхалий молвил: «Не стоит. Да, впрочем, и не сможешь...» Однако бр. Диего остался непоколебим в своём намерении и отправился в путь; и тут у него так стянуло мышцы голени, и такие начались судороги во всех членах, что он был вынужден лечь в соседней келлии, решив, что вот-вот умрёт. Оттуда иноки перенесли дефинитора на руках в его собственную келлию, где он провёл всю ту ночь в оцепенении чувств, как бы в полусонном состоянии, что бывает во время общего воспаления. Утром ему полегчало, и он понял, что воля Божия заключается в том, чтобы он остался и лично присутствовал при блаженном исходе святого мужа.

[118] Боли святого усиливались, а силы убывали; поэтому он попросил уделить ему последние таинства и принял их с несравненным благоговением. Затем он попросил похоронить своё тело, а когда прибыл гвардиан, вручил ему благословения, приносящие разные отпущения, которые хранил, завернув в ветхую тряпицу, чтобы раздать тем, кто попросит, и сказал: «Поскольку скоро уже не будет времени, брате, чтобы объяснить тебе, какие за что причитаются индульгенции, я хочу их показать твоему преподобию». И вот, излагая их по очереди, он и передал ему свою гирлянду образков, сцепленную с чётками, приговаривая: «Это [приносит индульгенцию на праздник] Троицы, вот это – [индульгенцию папы] Адриана, а это ещё – генеральную» и т. д.

Как раз в то время к нему пришли многие из начальников города, которые просили его на прощание благословить их. Он не отказывался, а благоговейно с охотой удовлетворил их просьбу, настоятельно напомнив им о служении Богу и попечении о нищих.

Пасхалий предпочёл бы побыть в одиночестве (что он часто подчеркивал ещё будучи в добром здравии), но не мог просто так отказывать всем, особенно братьям, желавшим увидеть его кончину и пообщаться с горячо любимым братом. И хотя ему было трудно издавать звуки, он всё же говорил каждому что-то наипаче для них нужное. Например, одному, кто настойчивее прочих просил какого-нибудь совета во спасение, он молвил: «Хотелось бы, брате, потолковать с тобою основательнее, но в общем скажу вот что: берегись завязывать близкую дружбу с женщинами и с буквальной точностью соблюдай Устав св. патриарха Франциска; так поступая, без сомнения будешь спасён».

[119] Наконец наступило воскресенье Пятидесятницы, когда он попросил хабит и принял его, как было сказано выше. И, откинувшись на постели, он снова и снова спрашивал у одного инока, не ударили ли в колокол к главной мессе, а услышав в итоге ответ, что, мол, благовестят, явно принял это сообщение с великой радостью, как верный знак о своём блаженном преставлении. И целиком сосредоточившись на некоем образе Распятого, он настойчиво просил постелить ему на земле, желая, очевидно, умереть так же, как св. Франциск, но эту просьбу его не исполнили.

И вот, сжав чётки, намотанные на руки, он вдруг закричал громким голосом: «Иисусе! Иисусе!», – перекрестился и попросил стоящего рядом монаха окропить освящённой водой и себя, и всю келлию, тем самым ясно указав, что на глаза ему попало нечто ужасное и злое.

Наконец, между десятым и одиннадцатым часами, в тот самый миг, когда священник, служивший торжественную мессу, возносил Св. Тайны, Пасхалий в полном умиротворении со спокойным и улыбающимся ликом возвратил дух свой Творцу, что случилось 17 мая 1592 года от Рождества Христова, на пятьдесят втором году его жизни после двадцати восьми лет иночества.

Слава усопшего вскоре открылась двум особам из этой провинции и королевства, чрезвычайно известным своим благочестием. Хотя они находились в разных местах, Господь показал им душу Пасхалия, по образу Илиину возносящуюся в огненной колеснице. Одна из них (чье имя, поскольку она жива, мы умолчим) сказала на исповеди бр. Диего Кастельону, что получила сие откровение в поле, а на вопрос, телесно или духовно видела оное, ответила, что сперва видела телесными глазами, но когда их для проверки закрыла, духовно продолжала наблюдать то же видение. Свидетельство второй тем паче внушает доверие, что, хотя она никогда прежде не видела святого, тем не менее с предельной точностью полностью описала черты лица его и телосложение, как они предстали в том видении. Притом довольно удивительно, что обе они пришли из разных мест к одному и тому же исповеднику, чтобы сообщить об одном том же видении.

ГЛАВА XII. ЧУДЕСА, ЧТО СВЕРШИЛИСЬ ПРИ ОСТАНКАХ СВЯТОГО В ТРИДЕНСТВИЕ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

[120] Останки святого сохранили такой живой цвет и благовидное выражение лица, так что казалось, будто он спит, а не расстался с жизнью, а для того, чтобы приберечь в качестве реликвии хабит, который он носил при жизни и в котором скончался, братья переоблачили его. Один из них, заметив, что труп не стал безобразен и не окоченел, как это повсеместно случается, а плоть осталась совершенно чистой, мягкой, податливой и гибкий во всех суставах, не смог удержаться от того, чтобы облобызать его руку, и пал на колени, с любовью воскликнув: «Ничего меньше того, что ныне вижу, я и от тебя и не ожидал, угодниче Божий! А теперь моли Бога обо мне!»

Когда же в народе прошла весть о смерти, все взволновались. Одни стали разоряли его убогую келлию, в которой не было ничего, кроме бумажной иконки, заношенных лохмотьев и каких-то чиненых сандалий; другие – делить между собой бинты, оставшиеся после кровопускания, повязки и тому подобный сор; иные старались увидеть сами святые останки, почтить, приложиться – и как раз для таковых, чтобы они могли вдосталь удовлетворить своё пожелание, тело оставалось в церкви все три дня по Пятидесятнице, пока, наконец, не было погребено в последний вечер. А между тем случилось немало такого, что обязательно нужно записать для грядущих поколений.

[121] Во-первых, мало того, что его тело осталось, как я сказал выше, живообразным и гибким, так ещё на его голове, шее и лбу выделялся пот, как у живого человека, причём, хотя этот пот неоднократно вытирали полотенцем, течь он не переставал. Глаза тоже были целы, не закатились и сохранили живой блеск, и если кто-нибудь поднимал ему веки, видно было, что они словно бы сосредоточенно взирают на что-то. Из-за этого-то и вышло, что народ никак не мог насытиться этим зрелищем; некоторые часто возвращались, словно бы, не дойдя до своего дома, сокровенным порывом влекомы были обратно в церковь; а некоторые сразу же, едва отойдя, приходили обратно, как будто их нельзя было оторвать; ну и все либо лобызали ему руки, либо прикасались чётками, либо пытались оторвать что-нибудь от хабита.

А когда весть распространилась за пределы города, воспламеняя души тем же пылом, потянулись туда многие из соседних местечек и деревень, и было совершенно упоительно взирать на толпы, подобные воинским полчищам, расположившиеся внутри обители и вокруг, на лесистой равнине, которые поочередно сменяли друг друга, чтобы получить возможность подойти и взглянуть на святые мощи. И Бог не преставал творить чудеса, всё сильнее и сильнее разжигая их рвение.

[122] Начало им было положено на некоем чужанине – кастельонце Батисте Себольине, который, войдя в церковь хромо и опираясь на костыли, после того, как облобызал руку святую, вышел, ступая ровно. Все присутствующие смотрели на него, когда он шел к погребальным носилкам, а особо пристально – одна женщина по имени Аймерика, набожная сестра одного из братии; и, как она потом рассказывала, говорила про себя: «Если бы Бог соблаговолил сотворить чудо с этим человеком по заступничеству слуги Своего, какое бы это было утешение для всех!» Тем временем калека с трудом добрался дотуда и кое-как склонился, чтобы поцеловать руку. И когда ему удалось, все увидели, как он без труда выпрямился, а затем, ошалев от счастья, позабыл о костылях и стал носиться туда-сюда, точно козлёнок,

громогласно возвещая о свершившемся с ним чуде и святости Пасхалия. Затем, оставив церковь и пробежав по всем окрестностям, он распространил ту же весть в городах Альмасора и Кастельон. Именно под впечатлением от его красочного рассказа сюда хлынули толпы.

Среди них была женщина из Вильярреала по имени Исабель Кано. После падения у неё было так вывихнуто плечо и запястье, что полтора года она не могла ни действовать той рукой, ни поднять её, кроме как с помощью другой руки; она даже одеться сама не могла, а когда ей пытались пособить другие женщины, боялась их прикосновения. Тщетно пытались лечить её врачи и хирурги, но, услышав, что начали происходить чудесные исцеления, она тотчас же прибежала [в обитель] и, выздоровев от прикосновения к похоронным носилкам, исполнилась радостного изумления, к коему оказались причастны и всех свидетели сего.

[123] У Урсулы Маскарель были жутко изъязвлены голени и ляжки, из-за боли в которых она не могла ни ходить, ни выполнять никакой домашней работы. Когда госпожа её Каталина Серральта убедила её пойти вместе с нею к священным останкам и смазать свои язвы вытекающей из них жидкостью, девушка повиновалась и, хотя ей было чрезвычайно плохо, выполнила данный ей совет, а вернувшись домой, предстала изумлённой госпоже в полном здравии, показав ей, что от страшных язв почти не осталось следов.

Хозяин того же дома, Арсис Лансола именем, носил в течение двадцати лет на шее застарелую опухоль, а когда приложил к ней руку святого, почувствовал, как опухоль постепенно спадает, пока не исчезла полностью.

У Сесилии Миро после нескольких повреждений осталась распухшей одна рука, а после того, как хирург вскрыл её и снова зашил, она начала чувствовать в ней невыносимые и совершенно неутолимые боли. Она долго терпела их, пока не услышала о кончине святого, последовала за прочими и помазала свою рану потом, выделявшимся из его тела. С той поры она почувствовала себя лучше, а постепенно выздоровела полностью.

[124] Урсула Висенте, девица восемнадцати лет, дочь Матиаса Висенте, жителя Кастельон-дела-Плана, опасно заболела: на руках, голених и одном колене у больной появились опухоли размером со средний горшок, так что хирурги решили, что следует удалить половину их или треть. И ещё у неё одна нога была короче другой. Ко всем этим бедам добавлялась ещё одна, похуже: во рту, на краю нёба носовые косточки образовали открытый проход – к великому неудобству бедной девицы, потому что, если бы его не затыкали ватой, она не смогла бы ни есть, ни пить: всё выходило бы через ноздри. Наконец опухоль сдавила ей горло, да так, что те, кто стоял рядом с ней, едва могли понять, что он пытается сказать. Поскольку хирурги и врачи не могли найти способа излечения столь многих недугов, она провела в таком состоянии целых два года, пока до ушей её не донеслись восклицания калеки, который не в силах был молчать о свершившемся с ним в нем чуде.

Тогда она попросила доставить её в церковь вильярреальской обители и, намастивши себе лицо потом, выступавшим на челе Пасхалия, почувствовала, что сделала большой шаг к здоровью, а чтобы обрести его полностью, помолилась о том святому, и получила просимое. Итак, хотя целых два года она была больше похожа

на чудовище, чем на женщину, однако, ещё не выйдя из церкви, полностью переменялась, а когда перед сумерками вернулась домой, говорила совершенно отчётливо и показывала, что разрыв в небе затянулся.

У Хайме Маскефы из Вильярреала был в семье пятилетний сын, тоже Хайме, у которого в течение года кишки выпирали через пупок, и чтобы их удержать, приходилось заклеивать ему живот смоляным пластырем, оказавшийся таким едким, что на воспалившемся пупке образовался нарыв, из которого прорывался гной в огромном изобилии, делая грыжу ещё мучительнее. И вот Херонима Хорда, кормилица ребёнка, прознав, что в обители босых францисканцев объявилось действенное целительное средство, принесла малютку туда и, омочив свою руку вышеупомянутой жидкостью, прикоснулась к болячкам мальчика; и хотя он не выздоровел сразу после того, однако через несколько дней больше не потребовалось никаких лекарств.

<...>

[128] В Альмансоре жила некая Каталина Сала, жена земледельца Хуана Вельвивре, которая сломала себе позвоночник в области крестца, упав навзничь с некоей изгороди высотой около двадцати пядей на брёвна. При этом всего мучительнее было то, что оба обломка кости наложились крест-накрест и выступали наружу, заставив тело бедной женщины свернуться в клубок, отчего ни сама она не могла с полу встать, ни с чужой помощью подняться, чтобы пройти хоть сколько-нибудь, разве что очень медленно с опорой на два костыля – и даже тогда она падала наземь, наткнувшись хоть на мелкий камешек, и ей снова приходилось ждать, когда другие, взяв на руки, поднимут её.

В таком совершенно безнадежном состоянии она пребывала четыре-пять месяцев до самой кончины святого, а когда пошли вести о его чудесах его, она тотчас же попросила, чтобы её отнесли к нему, ибо возымела твёрдое упование на заступничество его. Перевезти туда такое тело было трудно, поэтому придумали следующий способ: привели вьючную лошадь и, заполнив вьючное седло с обеих сторон связками веток, поместили её между ними, как труп – и так, предельно осторожно, следя за ней и придерживая её, с трудом доставили до врат вильярреальской обители. Там она, спущенная с лошади, опираясь на костыли, с помощью других вошла в церковь в последний день триденствия Пятидесятницы. Взгляды всех были устремлены на неё, ибо людям хотелось увидеть великое чудо. Она же, тысячекратно облобызав руки святого, исполнилась великой внутренней радости и засвидетельствовала, что в теле своём тоже почувствовала кое-какое облегчение.

Но когда братия объявили, что им хотелось бы улучшить немного покоя, охрана, призванная сдерживать народ, заставила всех выйти из церкви, даже вышеупомянутую Каталину, которая тщетно пыталась умолить их многими уговорами; вышла она, однако, гораздо проворнее, чем вошла, шагая с опорой только на один костыль. Через два часа, когда церковь была открыта, она стала срочно искать своего врача, но не нашла, а тело уже погребли в нише под одним из алтарей. Тем не менее она пала на колени перед одной гробницей и молилась в таком положении целый час.

И тут «рука Господня коснулась» (4 Цар. 3:15) её, и сломанные кости вернулись в надлежащее им положение, и в одно мгновение срослись, а она, самостоятельно выпрямившись, привела в полнейшее изумление всех, кто стоял рядом (в первую очередь – своего мужа).

И вот та, которую увезли среди пучков хвороста, словно бы она сама была какой-нибудь вязанкой, приехала, удобно сидя верхом, и взбудоражила всех сограждан своих, которые ещё утром видели, как она покидала город совсем в другом состоянии, и вообще привыкли наблюдать, как она [ковыляет] по городу скрюченная.

<...>

ГЛАВА XIII. ЧУДЕСА, СВЕРШАВШИЕСЯ В ВИЛЬЯРРЕАЛЕ ПОСЛЕ ПОГРЕБЕНИЯ

[132] С каждым часом прирастала толпа народу, сбегавшегося почтить святыне останки и получить чудесное исцеление; и вот уже три дня братия терпели их нестройный гомон и несносную суматоху, пока, наконец, не решили они, что пора похоронить его в нише под боковым алтарём, посвящённым Зачатью Пресвятой Богородицы, потому что святой особенно почитал его и обычно молился там на коленях.

А для того, чтобы получить возможность сделать это, они под тем предлогом, что им требуется немного покоя, удалили (хоть и с трудом) с помощью светских сил всех мирян из церкви, в которой покоились те святыне мощи. Тело было уже почти обнажённым, ибо хабит его в местах, покрывавших ноги и руки, был подран на лоскутки. Итак, его в том виде, как был, поместили в гроб и засыпали подходящим количеством негашёной извести, желая побыстрее получить чистые и белые кости после того, как плоть растворится, чтобы естественное тление трупа (и сопровождающая оное гнилостная вонь) не испортило в очах простолюдинов впечатление о святости [покойного]. Закончив с этим и крепко заперев [нишу] алтаря, братия снова отворили церковь. Когда толпа, впущенная туда, обнаружила, что тело убрано с глаз долой, то пришла в такое негодование, что готова была вернуть его силой и разломала бы алтарь, если бы не сдерживал её страх перед лицом стражи. В конце концов народ смирился с происшедшим, когда оказалось, что чудеса, несмотря на сокрытие святых мощей, не прекратились, но от самой гробницы происходили знамения.

Жалко, что прежде, чем это случилось, не нашлось какого-нибудь искусного художника, который запечатлел бы черты лица святого! Но раз уж иначе не вышло, я попытаюсь восполнить словами [отсутствие портрета], который лучше вышел бы, нарисуй его кто яркими красками.

[133] Бр. Пасхалий был среднего роста, превосходного телосложения, с лицом не то чтобы красивым, но изящным, располагающим и приятным, с круглым лбом и залысинами над висками с обеих сторон, с двумя или тремя морщинами и небольшой плешью. Голубые глаза, маленькие и глубокие, выражали бодрость и жизнелюбие, несколько, однако, не противоречившие скромности и порядочности. Веки, морщинистые и окаймлённые чёрными ресницами, оттеняли светлые глаза своим тёмным цветом. Брови у него были дугообразные и отнюдь не тонкие; нос

высокий, аккуратный и хорошей лепки; рот был средний, а слева под левой губой виднелся шрам, который, немного стягивая её, ничуть не уродовал лица, но из-за него казалось, будто Пасхалий всё время улыбается. Уши его не превышали средних размеров; щёки покрывал здоровый румянец, а всё остальное лицо было тёмного, хотя и весьма живого оттенка. Шею его могучую прорезала пара морщин, борода была не очень густа, и в ней попадались седые волоски.

Руки и ноги его, чрезвычайно соразмерные, были покрыты огромными мозолями; ноги – потому что он всегда ходил босой, руки – от многотрудных работ и постоянных усилий. Был он плотен, но жилист; полон сил и совершенно здоров до последних пяти-шести лет своей жизни.

Надеюсь, что благодаря этим заметкам при первом же удобном случае нам удастся создать правдоподобное изображение с помощью искусного художника, если, собравшись вместе, давать ему указания, поскольку многие из нас знали [святого] мужа и его образ живо запечатлелся в нас. Притом и на лицо его можно посмотреть, пускай и иссохшее – ведь Богу было угодно сохранить его тело на все эти два года [в целости], несмотря на то, что его залили негашёной известью.

[134] В погребении принимал участие бр. Иаков Моралес, духовник святого. Уже шесть месяцев его горло и грудь были настолько затёкшими от тяжёлого воспаления, что он едва мог дышать. Насмотревшись же, как щедро Пасхалий даровал здоровье всякому, кто просил об этом, он подошёл к телу и, отрезав от опоясывавшей его верёвки кусочек, подвесил на шее с просьбой ко Господу об исцелении по заступничеству слуги Его. И вскоре получил просимое.

Однако перечислить поочерёдно все чудеса, следовавшие за погребением, было бы делом трудоёмким и томительным. Поэтому из почти бесконечного числа случаев я выберу всего несколько.

Через несколько дней после телесной кончины [святого] Эсперанса Аделантадо, жена Бартоломе Мулинера из Вильярреала, заболела плевритом, настолько сильным, что, готовясь уже умереть, простилась со своим безутешно скорбевшим супругом и препоручила ему заботу о детях. Тогда ей принесли подушку, на которую святой преклонял свою голову, и Эсперанса, приложив было её себе к боку, где было особенно больно, отняла её и отодвинула (видимо, из-за боли. – прим. пер.), воскликнув громким голосом: «Святой мой брат Пасхалий, помоги мне!» Но как только подушку убрали, боль вернулась. Тогда больная прижала её к боку теснее, чем прежде, и не отпускала до тех пор, пока через нескольких часов не убедилась в исцелении.

Также и муж той женщины, тяжело страдая постоянными лихорадками, вспомнил через восемь дней о вышеупомянутой подушке, и едва он приложил её к своей голове, ему тотчас же стало легче, а через несколько дней он выздоровел [остаётся здоров] поныне. По его свидетельству, ему было уделено ещё много других исцелений, и одно из них было следующее. Он мучительно страдал каменной болезнью и задержкой мочи, а вдобавок тяжелой грыжей, из-за каковых недугов был, как говорят, бесполезен в ряде хозяйственных работ. Так вот, обратился к сему святому с просьбой о полном выздоровлении – и обрёл его!

<...>

[138] Когда восьмилетняя Клаудия, дочь Педро Серральты из Вильярреала, заболела оспой и покрылась гнойными нарывами, врач отказался её лечить, заявив, что она не сегодня так завтра умрёт, поскольку болезнь не давала ей открыть глаза уже пять дней; мало того, даже лишила её способности видеть, как оказалось, когда к её уже обессиленным зрачкам подносили свет и предпринимали другие проверки. Между тем девочка настоятельно просила принести ей ермолку (pileolum) святого, уверяя, что едва лишь увидит её, поправится. Когда это было сделано, слова девочки подтвердились на деле. «А я разве не говорила, – молвила она, – что выздоровею сразу, как только мне принесут и дадут эту ермолку?! Вот, я вижу горящую свечу – на фоне входной двери». Кроме того, когда из какого-то своего имения возвратился отец Клаудии и обнаружил, что дочь теперь ясно всё видит, то возложил надежду об окончательном её выздоровлении на святого, который в течение нескольких дней мало-помалу ей оное и даровал.

Исабель Пальядерес, мать девочки, добавляет, что в связи с вышеупомянутым чудом она обрела огромную пользу, ведь её душа исцелилась и освободилась от ненависти, которую она испытывала к монахам-францисканцам по той простой причине, что они жили с милостыни, которой просили у дверей, и даже потоки брани не могли их заставить убраться домой; ну а бр. Пасхалий казался ей хуже всех – она его не выносила, точно басурманина какого-нибудь. А теперь она прониклась к ним таким умилением, что, отринув прежнюю немилость, принимает их с чрезвычайным радушием, никогда и ни в чём не отказывая; более того, намеревается, если вдруг не будет наследников, большую часть своего состояния завещать братии, о чём она заявила с величайшей сердечностью и в изысканных выражениях.

<...>

[140] Но прежде чем перейти к другим чудесам, хотелось бы поведать, что произошло со мною во время написания сего жития. Так вот, когда я корпел над ним в чрезвычайном напряжении, стараясь срочно закончить работу, разыгралась у меня мигрень, да такая, что, напрасно испробовав несколько лекарств, я не смог заснуть ни на минутку и даже не в силах был находиться в келлии из-за резких и пронзительных болей, и посреди ночи не мог найти себе места: то сидел, то ходил, то даже ложился, но легче мне не становилось. Когда же я смекнул, что причина этого недуга не в чём ином, как в избытке труда, предпринятого во исполнение святого послушания, я взял припрятанный лоскут хабита и приложил к больному месту со словами: «Знай же, святой угодниче, что я не намерен из-за муки сей прекращать работу над твоим житием; даже сейчас попытаюсь заняться им!» И сказав это, я взял книгу и начал читать.

И тотчас же, в тот же самый миг меня свалил сон, на который прежде, казалось, не было ни малейшей надежды; и я заснул, держа в руках книгу и сидя в кресле при горящей свече. Проспал я, кажется, полчаса, а как проснулся, почувствовал, что приступ прошёл, после чего я поправился, а от боли и следа не осталось.

Причём и бр. Франциска де Торреса, помогавшего мне в качестве секретаря, на второй день после того, как он начал писать эту книгу, охватила сильная лихорадка;

однако, получив ермолку святого, он надел её себе на голову и однажды вечером вдруг выздоровел к величайшему нашему и врача удивлению.

<...>

[144] Педро де ла Торре из Вильярреала, двадцати шести лет, постоянно страдавший лихорадкой, на девятый или десятый день болезни почувствовал себя настолько худо, что, страшась смерти, попросил принести ему овчинную накидку святого, которую (как уже было сказано) хранил некий вильярреальский гражданин Сальвадор Сола. И когда её наложили больному на голову, на всё его тело вдруг вновь накатил странный приступ, и по мере того, как он постепенно отступал, одновременно отступала и лихорадка, так что на следующий день он был совершенно здоров.

Восьмидесятилетний Доминго Салес из Вильярреала более пятнадцати лет страшно мучился от вшей, которые сыпались с его тела так обильно, что он был в тягость самому себе и всем своим домашним, потому что толку не было даже от частой замены нижнего белья. И тут однажды, обнаружив себя совершенно свободным от этих докучливейших насекомых, он в недоумении спросил сноху свою Эсперансу Торнеро, в чем может быть причина такого неожиданного исцеления? Тогда она откровенно призналась, что, истомившись столь нудным трудом, который ей приходилось напрасно тратить на чистку его одежды, она помолилась св. бр. Пасхалию, прося о помощи в сей нужде, ну и, видимо, была услышана.

Урсулу Муньос из Вильярреала, вдову Педро Переса, постоянно терзала боль в хромой ноге, что не давало ей ни уснуть, ни отдохнуть. Поэтому она пришла на гробницу святого и попросила исцеления, а почувствовав, что становится легче, постепенно воодушевилась, так что через нескольких дней смогла согнуть ногу и ходить, не хромя, что она и делает до сих пор.

[145] Упоминавшейся выше Каталине Торелья из Вильярреала, вдове Хуана Сафона (которой столь явственна была необычайная праведность Пасхалия, что у неё не оставалось сомнений в его грядущем причислении к лику святых), он обещал, что будет помогать при всякой просьбе всякий раз, когда она попросит его. И она под присягой засвидетельствовала, что обещание было непреложно исполнено во множестве разных случаев. В частности, когда брат её покойного мужа Хуан был при смерти от лихорадки, она, призывая святого держать данное слово, взмолилась, чтобы он сохранил жизнь сему больному, и хотя тому шёл уже восьмидесятый год, однако он поправился – и это после шести дней столь опасного недуга!

Точно так же, в 1592 году её брат Хуан Торрелья, заболев в июле подобной болезнью, через пятнадцать дней вроде бы пошёл на поправку, но через несколько дней недуг возвратился, причём тяжелее, чем раньше, и он принял последние таинства. Каталина, сострадая ему в беде этой, просила [у святого] обещанной помощи так усердно, что на следующий день он встал в добром здравии.

Позднее тот же брат её вывихнул ногу, а поскольку он невыносимо страдал, назавтра вызвали хирурга, который сказал, что она полностью вышла из сустава, и распорядился наложить ему какие-то расслабляющие примочки, чтобы на следующий день, когда боль уменьшится, можно было ногу вправить. Тогда-то

больной, с одной стороны боясь операции, а с другой – с трудом вынося боли, вместе с женою и упомянутой сестрою своею Каталиной призывал святого, и все трое дали общий обет провести новенну перед его гробницей, если он сделает так, что на завтра хирург не понадобится. И тут же заснул, а проснувшись рано утром, осмотрел ногу и обнаружил, что святой полностью её исцелил. Итак, проворно одевшись, он направился к тому самому хирургу. А тот, как увидел его, сначала не мог поверить своим глазам, но когда осмотрел разбинтованную ногу, сразу смекнул, кто устроил ему лечение.

[146] Притом заступничество святого было действительно не только при людских заботах и болезнях, но и в отношении лишённых разума животных, что подтверждает пара случаев.

Когда Франсиска Бласко, жена Пабло Репольеса, земледельца из Вильярреала, увидела, что её лошадь, кормилица всего семейства, из-за какого-то несчастного случая внезапно так занемогла, что свалилась наземь и вытянула ноги, будто вот-вот издохнет, она смиренно воззвала к бр. Пасхалию, чтобы он помог ей в этой горе, и по завершении молитв лошадь встала, оказавшись здорова и бодра.

Ещё [более удивительный] случай рассказала Херонима Эслеве, жена Хуана Айгуа, земледельца из Вильярреала. Однажды ночью она обнаружила свою лошадь лежащей на земле, и, насколько можно было судить, мёртвой. Когда же она, глубоко опечаленная этой утратой, обратила мольбы к бр. Пасхалию, лошадь тотчас по её словам поднялась и стала есть, точно здоровая.

ГЛАВА XIV. ЧУДЕСА, СВЕРШАВШИЕСЯ В РАЗНЫХ МЕСТАХ ПРИ ПРИЗЫВАНИИ СВ. ПАСХАЛИЯ

<...>

[151] 28 января 1593 года Хосе, сын Хуана Висенте, алькальда Альмансаны, встав утром с постели и одевшись, в тот же миг рухнул на пол и так пролежал весь день до трех часов пополудни – то есть около девяти часов – холодный и окоченевший, посинелый и настолько похожий на мёртвого, что позванные врачи и хирурги решили, что он и на самом деле таков. Родители, опечаленные столь преждевременной кончиной сына, попросили, уповаю на св. бр. Пасхалия, доставить им из обители его хабит. После того как двое иноков накинули его на лежащего, а через полчаса унесли обратно (отчаявшись спасти ему жизнь, да и торопясь вернуться), упомянутый Хосе, придя в себя, воскликнул: «Ах, Матерь Божия!» - и тут же совершенно оправился рассудком и целиком выздоровел, так что на другой день встал бы с постели, если бы родители не удержали его наперекор желанию. И утверждал он (будучи тогда лишь восьмилетним мальчиком), что в то время, как лежал за смертью, видел некоего инока из босых францисканцев в хабите, точно как у нас, и описал черты лица его, по которым можно было узнать бр. Пасхалия. Мальчик видел, как святой преклонил колени у его кровати перед каким-то изображением Богородицы Девы, прикрепленным у изголовья кровати, и, сложив руки перед лицом (что при жизни было его обычным жестом при молитве), а взор устремив взоры на упомянутый образ, молился заметно долго. Ну а в тот миг, как он воскликнул: «Ах! Матерь Божия!», - святой вымолил у Неё для мальчика жизнь и здоровье.

<...>

[155] Хуан Торрес из Кагельон-де-ла-Плана, тридцати пяти лет от роду, почти на год утратил зрение, из-за чего не смог плести конопляные туфли, каковым ремеслом кормился. Прознав же, что в Вильярреале у гробницы св. Пасхалия творятся чудеса, он направился туда, сопровождаемый в качестве поводыря собственной женою. Когда они прошли немного за часовню св. Варвары, Хуан начал видеть отдельные рожковые деревья, а чем дальше продвигался, тем яснее всё различал, так что в итоге, подойдя к скиту св. Квителии, что находится у моста через вильярреальскую недалеко от обители, он рассмотрел, что особа, вышедшая оттуда, – женщина.

Итак, он подошёл ко гробнице святого и стал пред нею на коленях. Хотя самого тела, лежавшего внутри он тогда не смог с полной отчётливостью рассмотреть, однако, едва вышел из церкви, так ясно всё стал различать, что правильно назвал по имени встреченного инокa из обители. В итоге зрение возвратилось так быстро, что в течение трёх-четырёх дней он стал видеть совершенно отчётливо и смог полноценно приступить к своему ремеслу.

Исабель Леонарт, жена Марко де Ласа, жителя вышеупомянутого города, кормила грудью дочь по имени Эсперанса, когда у той начались страшные судороги, при которых всё тело соторясалось, рот кривился, а глаза вращались. Она собралась было дать дочери какое-то прописанное ей лекарство, но её отговорили, посоветовав лучше обратиться к св. бр. Пасхалию, совершившему в Вильярреале много чудес. Она вняла совету и дала обет посетить гробницу и заказать мессу при ней. И тотчас же малышка успокоилась, дрожь прекратилась, рот и глаза вернулись на свое место, изумив всех свидетелей столь внезапного излечения.

<...>

ГЛАВА XV. ПРОЧИЕ ЧУДЕСНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ, ОБРЕТЁННЫЕ С ПОМОЩЬЮ СВ. ПАСХАЛИЯ

[162] Некий мальчик, сын, жителей города Кабанес Педро Рипольеса и Исабель Андрес, соименный отцу своему, давая показания, сказал, что около двух лет тому назад с ним произошёл такой случай: он пахал в поле на волах, и тут рядом прошмыгнула крайне безобразная змея, при виде которой он так перепугался, что с тех пор никогда не смел оставаться один, и такая грусть поселилась в его сердце, что он часто плакал долго и обильно без видимой причины, что изрядно страшило родителей, думавших, не произошло ли с ним чего похуже. И вот, молвил он, когда это длилось уже год, они отвели его ко гробнице св. бр. Пасхалия, и там к нему сразу же возвратилось душевное спокойствие.

<...>

[169] Сесилия Сорбина, жена Хосе Айбериха, гражданина Беникарло, в мае месяце 1594 года была разбита параличом: половина тела от головы до стопы оцепенела, отчего она оказалась совершенно неспособна двигать ни рукой, ни ногой, а плоть на этой стороне настолько омертвела, что можно было сделать разрез ножницами, и при этом ни боли не возникало, ни жидкости не выделялось; и казалось, что там и плоти-то не осталось, а только кожа, обтягивающая кости. Из-за этого вышло так, что, когда Сесилия лежала рядом с какой-то чесоточной девицей, та сторона её

тела, что была здорова, воспалилась от такого соседства, а другая ничуть не пострадала. Кроме того, рука у неё была стиснута в кулак, а пальцы так тесно прижаты друг к другу и скрючены наподобие орлиных когтей, что их никакой силой не удавалось разъединить или разогнуть. Парализованную руку она могла поднять только с помощью другой, здоровой; и была не в состоянии ни одеться сама, ни раздеться, ни даже шпильку в волосы вставить. Точно так же и голень, стянутая назад, крайне затрудняла ей ходьбу, а ко всему прочему добавились запоры, причинявшие её частые и сильные боли.

И пребывала она в таком состоянии, пока до слуха её не дошла молва о чудесах, творившихся в Вильярреале, и множество свершившихся там исцелений убедили её, что и ей стоит обратиться с молитвенной просьбой к св. бр. Пасхалию. Благодаря этим рассказам, она прониклась к нему таким благоговением, что за два месяца до исцеления ей неоднократно снилось, что он её лечит. Когда же она рассказывала об этом другим, то описывала черты его лица, телосложение и жесты, виденные во сне, так точно, будто много раз подолгу общалась с ним.

Кроме того, в ночь за восемь дней до исцеления бр. Пасхалий явился ей в сновидении и без обиняков приказал идти в Вильярреаль, чтобы там исцелиться. В связи с этим она, уверившись в том окончательно, заверяла многих жителей Беникарло, что вылечится, если отправится в Вильярреаль. Тем не менее многие говорили, что её болезнь неизлечима, а брат отговаривал её, утверждая, что ничего этим путешествием на добьётся, кроме убытков себе самой и своему мужу, ибо, если бы святой пожелал исцелить её, он с равным успехом мог бы сделать это и в Беникарло, а не только в Вильярреале. Но она предпочитала верить себе самой и снам своим, нежели советам бодрствующих.

[170] Итак, выйдя из Беникарло в понедельник 16 октября 1555 года, она прибыла в Вильярреаль во вторник к полудню, проделав нелёгкий путь в десять лиг. Поселившись у нотариуса Херонимо Хордано, она, даже не передохнув, не евши не пивши, отправилась вместе с Исабелью де Сориано- и-Аснар в обитель и, зазвав в церковь бр. Иакова Моралес (который, как мы говорили, был духовником святого), смиренно просили его принести что-нибудь из его реликвий, к которым можно было бы приложиться столь больной рукой.

Он согласился и принёс цепь, и ермолку, и верёвочный пояс святого. Когда же приложили к руке цепь, больной показалось, что снаружи её мелко закололо иголочками, а изнутри ожгло ярым пламенем – и в тот же миг ладонь разжалась. Потом цепь протянули дальше к локтю, и после таких же ощущений пришло исцеление: женщина даже сама перекрестилась, воскликнув громким голосом, что уже здорова. Однако, когда она попыталась идти, обнаружила, что ее нога еще не зажила.

Тогда она снова обратилась к слёзной молитве и тотчас же почувствовала, что немочь, о которой я упоминал, целиком оставила [парализованную] половину тела вплоть до кончиков пальцев ног, и так она получила полное исцеление. И вот, ко всеобщему удивлению, одинаково хорошо пользуясь и руками, и ногами, она смогла резво и ровно пробежаться по церкви без посоха, вечером раздеться, утром одеться и как нельзя ловчее делать всё, что требуется при её возрасте и положении. Мало того,

и плоть с расслабленной стороны, вдруг оказалась почти так же полна, как и на другой, ничем не отличалась, кроме белизны и мягкости – как будто она совсем недавно обновилась. Запоры тоже рассосались и больше никогда не повторялись.

Затем, испытав столь внезапное исцеление, добрая женщина не захотела задерживаться в Вильярреале, но, исполнившись невероятной радости, уехала на следующее утро в среду 18-го октября, а в четверг 19-го числа прибыла в Беникарло, где все жители, встречавшие и подбегавшие к ней, чтобы поприветствовать и поглядеть, не без слёз благодарили Бога.

Там она и по сей день живёт да здравствует, целые лиги ходит пешком с ношей, молотит лён, поле копает мотыгой и выполняет другие тяжёлые крестьянские работы, что я сам наблюдал в сем 1600-м году, когда зашёл по дороге в Беникарло, желая узнать у нее всё в подробностях.

<...>

ГЛАВА XVI. ВОПРОС О ЕГО ПОЧИТАНИИ. НЕТЛЕННОСТЬ МОЩЕЙ. КРАТКИЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ

[173] Вдохновлённые множеством чудес, совершавшихся ежедневно при призывании святого, алькальд и присяжные города Вильярреаль послали в 1592 году, в ноябре месяце, к епископу Тортосы, прокуратору и синдикку одного из присяжных по имени Хуан Хордан с просьбой от имени всего народа, дабы Его Преосвященство повелел начать сбор сведений о жизни, смерти, добродетелях и чудесах св. бр. Пасхалия. Что он и объявил соответствующим письмом.

<...>

[176] Когда он умирал, я, исполняя свои обязанности провинциала, совершал объезд подначальных обитателей, а поэтому оказался в самой отдалённой киновии провинции Хумилья. Там-то и застала меня оная весть, а как опечалила она меня, то ведомо Богу да глазам моим. Я тотчас же поспешно отправился в Вильярреаль.

Это путешествие значительно превышало мои силы, и из-за этого, а также по причине тогдашней жары, ну и потому, что сие было Богу угодно, я заболел в Вильене, да так тяжело, что врачи отчаялись в моей жизни. Но когда мне принесли хабит святого, хранившийся в Альмансе, я чудесным образом выздоровел. Однако я не смог отправиться в путь сразу, и, задержанный как болезнью, так и всякого рода делами, добрался до Вильярреалья не раньше, чем по истечении восьми месяцев по кончине святого мужа.

Там многие уговаривали меня открыть гробницу и гроб, где находилось тело святого мужа, чтобы они могли его увидеть; другие же, жившие в окрестных городках, договорились с друзьями в Вильярреале, чтобы те вовремя предупредили их [что готовится эксгумация], а для того наострив уши ловили каждое сообщение о моём приближении. Ну а я, полагая, что время для [выставления тела] на публичный обзор было ещё отнюдь не подходящее, позаботился перед своим приездом распространить объявление, что гроб ни в коем случае не следует открывать, и я не собираюсь его осматривать.

[177] После таковых приуготовлений я однажды ночью прибыл в вильярреальскую обитель. Дав одному иноку поручение с предельной осторожностью проломить стенку, которой отгораживалась полость в алтаре, и бесшумно открыть саркофаг, я удерживал разговорами других в своей келлии, пока, по моим расчётам, длилась работа, а затем под тем предлогом, что после утомительного пути мне требуется отдых, приказал всем разойтись по келлиям. Убедившись, что они уснули, я взял с собой гвардиана, моего спутника и двух других иноков и приступил к осмотру гробницы, где обнаружил, что тело полностью засыпано негашёной известью.

Собственноручно счистив её, я открыл лицо святого, плоть на котором сверхъестественным образом уцелела, равно как всё остальное тело, так что даже кончик носа, который у мертвецов обычно в первую очередь отваливается, был на месте. Я увидел нетленные глаза, подбородок, губы, шею, грудь, живот, руки – плоть везде была нетронутой; и, подняв его десницу своею рукой, запечатлел на ней поцелуй и заметил, что она была мягкой и податливой и сочилась какой-то кристально-прозрачной жидкостью. Мы осмотрели ноги, и голени оказались настолько целы, что с них даже волосок не упал. При этом не обнаружилось ни малейшего зловония, никакого уродства; но когда перед нашими глазами предстало столь знаменательное чудо, все прослезились от глубочайшего благоговения.

[178] После этого я приказал закрыть гроб и починить вскрытую стенку, а известь решил не удалять, сказав: «Тот, Кто хранил тебя столько месяцев в этой извести, сможет сохранить тебя так и несколько лет, чтобы со всей очевидностью и в полноте славы явилось чудо, когда тебя придёт пора перенести тебя в более почётное место».

Затем прибыл поверенный [кустода], который находился с визитом в провинции; и когда иноки Вильярреала, желая видеть святые мощи, с его разрешения открыли их – 22 июля 1594 года, по прошествии более двух лет после того, как они были погребены в негашёной извести, – они нашли их в следующем состоянии.

Одежда, включая бельё, целиком обратилась в прах, за единственным исключением клочка ткани, уцелевшего поверх детородных членов, что свидетельствовало о девственном целомудрии, из-за которого он даже мёртвый не хотел, чтобы сии части предстали обнажёнными. Тело тоже оказалось цело во всех своих членах, а плоть и жилы на нём иссохли без какого-либо следа тления, ведь, будучи поставлено прямо, оно само стояло на ногах.

Правда, недоставало кончика носа и в некоторых местах – клочков кожи; отсутствовало также левое ухо и один палец, который, по-видимому, был оторван. Также и увечья на ногах имели причиной неразумную набожность ряда людей, которые по попущению Божию злоупотребили своей свободной волей, что часто случается, когда природа по велению своего Создателя вопреки самой себе щадит что-либо.

[179] Ныне сии досточтимые мощи пребывают в гробе, который закрыт для вящей надёжности на тройной замок; причём город владеет одним ключом, что торжественно вверен ему орденом на сохранение с подписанием договора о том, что он при этом не претендует на какие-либо права на столь драгоценные реликвии, кои признает полноправным достоянием Францисканского ордена.

Тот же город, чтобы разместить мощи достойнее, распорядился построить часовню для новой гробницы, ибо сиятельнейший наш государь и несравненный покровитель, дон Карлос де Борха, герцог Гандийский, обещал сделать таковую из гемуэзского мрамора, если святой вымолит для него сына, и он исполнил просьбу, вымолив ему маркиза де Ломбай – прелестного младенца, коему его отец изволил дать при крещении имя Франсиско Диего Паскуаль, признавая тем самым, что это дар св. Пасхалия.

А чтобы и её сиятельство герцогиня поняла, что рождением маркиза, сына своего, она обязана прежде всего молитвам и обетам, Богу угодно было, чтобы чадо явилось на свет не ранее, чем, вспомнив св. бр. Пасхалия, она призвала его в самый опасный миг трудных родов, когда, по свидетельству повивальной бабки, младенец, повернувшись в утробе матери, выставил наружу ручку, как бы в знак того, сколь насущно он и его мать нуждаются в помощи. И хотя об этом герцогине не сообщили, чтобы она не робела тужиться, однако она сама, чувствуя сильное утомление от затянувшихся родов, обратила лицо к стоявшему рядом герцогу и сказала: «Сударь, если Богу угодно будет спасти меня в этот раз, сходим к мощам св. бр. Пасхалия?» Герцог ответил, что с величайшей охотой сделает это. Тогда, возведя глаза свои к небу, она стала настойчиво умолять святого о помощи, а когда ей приложили к лону его реликвии, хранившиеся в гандийской обители, на свет явился здоровый младенец, который словно бы доселе только и ждал приказа от святого. И радость наполнила его родителей и всё семейство.

[180] И вот, ныне мощи св. бр. Пасхалия хранятся между алтарями Непорочного Зачатия и Розария, и эта гробница, как и всё пространство часовни завешано восковыми изваяниями, вотивными табличками, погребальными полотнами и другими предметами, напоминающими о чудесах, свершавшихся при призывании сего святого, длинный перечень самых основных из которых мы привели в этом повествовании, извлекая сведения о них наряду с описанием его жизни и добродетелей из материалов процесса, формально начатого (как мы видели выше) по епископскому распоряжению.

А чтобы завершить всё хронологическим очерком, сообщаю, что родился св. бр. Пасхалий в Торреэрмоса в 1540 году. Хабит получил в обители Матери Божией Леридской города Монтефорте в королевстве Валенсия, в Сретенье 1564 года, когда обязанности кустода провинции св. Иоанна Крестителя исполнял бр. Альфонс де Лерена. В следующем году его монашеские обеты принял бр. Иоанн Кордовильский, гвардиан его обители. Умер он в 1592 году, в возрасте 52 лет, во время правления Филиппа II Испанского, когда Апостольский престол занимал Климент VIII, а служение генерала Францисканского ордена нёс бр. Франсиск Толосанский, епископ Туя, а должность кустода этой провинции исполнял я, паче всех недостойнейший. Погребён же он был в обители Вильярреаль, что находится в восьми лигах от города Валенсия на королевской дороге, ведущей в Барселону.

И на этом положим конец настоящей хронике, которую я закончил в монастыре св. Антония города Айора, в замке светлейшего герцога дель Инфантадо в 1598 году, в декабре месяце, в тот самый день, когда Церковь предписывает на утрени при «Благословен...» петь антифон «Esse completa» («Вот и всё...») (суббота 3-й недели

Адвента. – прим. пер.), каковыми словами я во славу Божию мог бы заключить сию книжку свою.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро: PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW